

ВЫСОКИЙ БЕРЕГ №3

A photograph of a rocky coastline. In the background, a white lighthouse with a glass-enclosed lantern room sits atop a steep, rocky cliff. The cliff face is covered with sparse, dry vegetation. The foreground shows a pebbly beach with dark and light stones, and the blue sea is visible on the left side. The sky is clear and blue.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ ГОРОДА АНАПА

АНАПА
2014

ВЫСОКИЙ

БЕРЕГ № 3 2015 г.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ ГОРОДА-КУРОРТА АНАПА

70-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Б. Евграфов. «Не забудем уроков войны»	3
«Спешите делать людям добро». К 65-летию депутата Н.Е. Иванюшкина	8
Из воспоминаний защитников Отечества:	
И. Кумпан. Рядом с комиссаром	10
В. Перов. В период оккупации	11
Н. Овсянников. Вызываю огонь на себя	22

ДОРОГИЕ МОИ ЗЕМЛЯКИ

Зоя Лемякина. Морской волк	31
Татьяна Хоменко. Письма солдатские	35
Путь к мечте	42
«Пока числюсь в живых»	47

ПРОЗА

Борис Шереметьев. Невыдуманные рассказы о войне	
Русс-Иван	66
Вольная натаска	75
Битый лёд	80
Наталья Чех. Ах, война, что ты, подлая, сделала. Рассказ	88

ПОЭЗИЯ

Надежда Бондарь. Непобежденные солдаты	116
Евгений Гордеев. Прощаю всё и всем прощаю	123
Галина Петрова-Варгасова. В доме души моей светло	128

ЗАМЕТЫ ДЕТСТВА

Владимир Огнев. Рождённый в фазтоне. Быль	130
Евгения Гайдар-Голикова. «Задумал я вещь совсем новую». Рассказ	133
Екатерина Борисова. Богдашкины фишки. Зарисовки с натуры	142

ТЯЖЁЛАЯ УТРАТА

Три поэта, три товарища	151
-------------------------------	-----

ББК 84 Р7-5
В 93

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор Б.Е. Шереметьев
Ответственный секретарь Т.К. Хоменко
Редактор Н.А. Чех

В 93 Журнал «Высокий берег». Анапа, 2015 – 152 стр. с ил.
Третий выпуск журнала «Высокий берег» посвящен 70-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.), ветеранам города-курорта Анапа, освободителям от ига немецко-фашистских захватчиков.

ISBN 5-350-00030-6 ББК 84 Р7-5

Редколлегия выражает искреннюю благодарность депутату Законодательного Собрания Краснодарского края Николаю Егоровичу Иванюшкину, авторам и читателям за бескорыстный вклад в издание Анапского журнала.

Сдано в набор 02.03.2015. Подписано в печать 14.04.2015.
Бумага офсетная, печать офсетная, Формат 60x84^{1/8}. Объем 19,25 печ. л. Усл. печ. л. 17,9.
Тираж 400 экз. Заказ № 444.
Отпечатано в типографии ИП Будник М.К. ИНН 230104408102
353440, г.-к. Анапа, ул. Самбутова, 254, тел. 5-42-48

ISBN 5-350-00030-6

© «Высокий берег»
© Текст – коллектив авторов
© Фотохудожник – О.А. Арифудин
© Фотодизайн – В.О. Пономаренко

Б. ЕВГРАФОВ
«НЕ ЗАБУДЕМ УРОКОВ ВОЙНЫ...»

Чего греха таить, Советский Союз не во всеоружии встретил внезапное нападение войск фашистской Германии. А стало быть, и сердцу нашему милый окраинный городок, который тогда жил тихой, размеренной жизнью, укрепляя здоровье соотечественников. Новости в ту пору до анапчан докатывались из столицы в течение суток, других. Но эта весть – о начале войны – грозой грянула над головами. В тот же день, 22 июня 1941 года, в колхозе имени Сакко и Ванцетти (с. Су-Псех) прошёл митинг, и жители заявили, что в час грозовой беды для Родины они «сменяют молот на винтовку, трактор – на танк». А вслед за ним и в других поселениях Анапского района состоялись сходки, собрания. Из уст в уста передавались слова верховного главнокомандующего, вмиг ставшие крылатыми: «Враг будет разбит, победа будет за нами!»

Не случайно уже 24 июня 1941 года, приказом № 1, Анапский гарнизон был объявлен на военное положение. В связи с этим началась массовая мобилизация. Город и порт стали готовиться к обороне: предприятия переводиться на новый ритм работы, конный эскадрон, составленный из добровольцев, был влит в состав 4-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса; срочно формировались партизанские отряды и истребительные батальоны, в которые вошли, в основном, молодые анапчане, не подлежащие призыву. Им в первую очередь вменялась охрана важных объектов города: почты и телеграфные пункты, сберегательные кассы и больницы. А ещё – дежурства на участках для залога общественного порядка, обучения военному делу.

По призыву военкомата в первые же дни войны сотни анапчан ушли на фронт. Вслед за ними уехали из города и грузовики с девушками, окончившие ускоренные курсы санинструкторов, связистов и бойцов ПВО. Ежедневно толпа энтузиастов осаждала райвоенкомат и требовала отправить их в действующую армию. В результате был сформирован 1177-й Анапский полк, который объединил сотни добровольцев из города, станиц, сёл и хуторов района и вошёл в состав 347-й стрелковой дивизии.

Активно велся сбор средств и для армии. Так, коллектив колхоза имени Бурденко в пос. Витязево перечислил в фонд строительства танковых колонн 21500 рублей. Немалые средства поступили и от других коллективов: райпищепромкомбината, Витязевского винзавода, колхозов имени Ленина, Орджоникидзе.

Анапский аэродром вмиг стал местом дислокации боевых машин. Именно с его взлётных полос отправлялись на защиту Цемесской бухты лётчики Н. Савва, Е. Рыжов, Ф. Егоров, А. Севрюков и другие. И не безуспешно. Так, уже 9 января 1942 года, барражируя над Новороссийском, лейтенант Ф.Егоров атаковал в лоб фашистский самолет «Юнкерс-88». Это был первый вражеский самолет, сбитый над Кавказским побережьем. Жаль, что спустя трое суток, Фёдор погиб при выполнении боевого задания.

Кстати, 39 лет спустя, после войны, в районе старого аэродрома, найдут-таки и со дна моря поднимут тот самый самолёт. Ничтоже сумнящся поисковики подтвердят:

это МИГ-3 Ф. Егорова из 3-й эскадры 7-го авиаистребительного полка. И поныне строгие музейщики бережно хранят останки боевой машины, и зовут «Егорушкиной».

Между тем тёмное крыло войны неумолимо надвигалось на Анапу. И вот весной 1942 года, по несчастью у её берега, вновь произошло событие, которое вошло в анналы Черноморского флота и летопись Великой Отечественной войны. В ночь со 2 на 3 марта войсковое судно «Фабрициус», на борту которого сгрудилось 700 бойцов, 120 тонн продовольственного фуража, а также повозки, миномёты и лошади, на траверзе мыса Б.Утриш торпедировали немецкие бомбардировщики «Хейнкель-111». Одна из попыток уклоня не удалась: снаряд прошил правый борт, погибли и ранены люди.

На зов о помощи, посланный аварийной радиостанцией, первым к месту происшествия подоспел теплоход «Василий Чапаев». Расторопный капитан, знаменитый наш земляк Василий Владимирович Анистратенко отбуксировал «Фабрициус» на мель и этим спас оставшихся в живых моряков, груз, имущество. А далее, отважная команда, руководимая М. Григором, не только успешно боролась за живучесть судна, но и являла собою опорный пункт противовоздушной обороны города. Благодаря её оперативным сводкам действовала и наша истребительная авиация. Только в августе 1942 года, перед самой оккупацией Анапы, по приказу командования гордый экипаж покинул судно.

Несмотря на героизм советских воинов, вооружённый до зубов супостат с боем взял Анапу и 31 августа 1942 года цинично попрал права детской здравницы. Надвинулась гробовая туча оккупации, под сенью которой стали перекраивать город на свой лад и потеху под опорный пункт военно-морских сил рейха на Кавказском побережье. Завели свою газету «Анапский вестник», очистили центр города от коренных жителей. И, разделив его на немецкие и румынские сектора, оградив колючей проволокой, вселили служивых нелюдей из немцев и румын. Любое нарушение жителями комендантского часа каралось жесточайшим образом.

Впрочем, прибегали к расстрелу, вешали, убивали в «газовых камерах на колёсах» и без так называемых, «нарушений». Зверствам фашистов не было предела. Ежедневно бесследно исчезали из домов и квартир люди, которых на «черном воронке» везли к расстрелу. Фашисты неумно зверствовали. Ни за что, ни про что убили Н. Лобуренко с пятилетней дочкой, братьев Калустьян, рабочего Н. Карнауха из рыболовецкой артели Высоцкого. В районе аэродрома на глинище, устроив потеху, расстреляли 50 молодых людей. Массовые казни вершились и в близ лежащих сёлах: Павловка, Варваровка, Гайкодзор. Десятки взрослых и детей пали от рук палачей в колхозах имени Димитрова, Ильича, Ленина и Молотова. Ежедневно устраивая облавы, оккупанты использовали анапчан в возрасте от 14 до 60 лет для рытья окопов, отправки даровой силы в Германию.

А вот врач Антонова, рискуя своей жизнью, многим оказывала бескорыстную помощь. По свидетельствам медсестры О.Г. Голговской, она вводила внутривенно людям акрихин, лекарство, вызывающее внешние признаки болезни Боткина. В результате многих уберегла от каторги, забывая себя. Царствие ей небесное!

Несмотря на зверства оккупантов, маленький приморский город не был поставлен на колени. Жители Анапы, сёл и станиц района, как могли, боролись с фашистами. Так, в

подвале одного из домов группой молодых патриотов была установлена радиостанция. Члены подпольной группы «Рассвет» принимали сводки Совинформбюро, писали листовки (случалось, даже распечатывали их на пишущей машинке) и распространяли среди населения. Патриоты исхитрялись поддерживать связь с партизанами.

К тому времени на Кубани по решению ВКП(б) райкомы и горкомы партии создали 86 партизанских соединений, в которых насчитывалось 6500 человек. Освободительная война на юге набирала обороты. Всех вдохновляли победы над фашистами под Сталинградом, на Северном Кавказе. Но под пятой врага оставались кубанские земли на Таманском полуострове, в районах Новороссийска, Анапы. Чтобы раскрыть систему обороны и силы противника, взвод бойцов под командованием капитана Д. Калинина в ночь на 1 мая 1943 года десантировался у села Варваровки.

Все группы успешно справились с поставленными задачами. Оставался последний этап операции: требовалось посеять панику в рядах противника. Группа Левинского завязала бой с превосходящим по численности противником, задержалась в районе Супсеха и была окружена. На выручку товарищей поспешили воины Калинина, но прорвать окружение и помочь товарищам не смогли. В ходе боя все воины Левинского были уничтожены, за исключением тех раненых, которых противник захватил в плен.

Группа Д. Калинина также сражалась до последнего патрона и вся погибла. В живых остался командир, который последней гранатой подорвал себя и навалившихся на него фрицев. И только группа мичмана Н. Земцова, проскользнув в тыл противника, через восемнадцать суток, благополучно вернулась на базу. Она-то и доставила ценные разведсведения. За проявленное мужество и героизм капитану Д.С. Калинину (посмертно) и мичману Н.А. Земцову присвоили звание Героя Советского Союза.

В результате ожесточённых боёв, сломив упорное сопротивление врага, 16 сентября 1943 года советские войска освободили Новороссийск. Первая линия обороны фашистов на южном участке «Голубой линии» была прорвана. Гитлеровцы спешно отступили в направлении Анапы, чтобы спасти живую силу и технику. Используя пересечённую местность Анапского района, организуя промежуточные оборонительные рубежи и выгодные позиции на высотах, фашисты приготовились к обороне Анапы.

Командующий Северо-Кавказским фронтом генерал-полковник И. Е. Петров, не дожидаясь морковки заговенья, решил упредить противника: усилил наступательный порыв и затруднил отход его главных сил к Анапскому порту. Тернистый путь этот для наших войск был кровавый, но славный – через станицы Натухаевскую и Раевскую, в направлении к Джемете и Анапе.

Всякое промедление смерти подобно. К курортному городку поспешили сапёры 280-го сапёрного батальона 89-й дивизии. Стали проделывать проходы в минных полях, чтобы пропускать через них танки и пехоту.

И вот 21 сентября в 17 часов 30 минут танки 5-й гвардейской танковой бригады под командованием гвардии полковника П. К. Шуренкова вихрем продвинулись к Анапе.

Одной из первых на окраину города вырвалась боевая машина старшего лейтенанта А. И. Дмитриева. И вдруг перед деревянным мостом, за которым окопался румынский

заслон, дорогу преградил седой старик. Без лишних слов указал на минное поле и пути обхода. Как позже выяснилось, эту неоценимую помощь танкистам оказал бывший рабочий А.К. Болотный.

В это же самое время Черноморский флот совершил артиллерийский налёт на Анапский порт. Открыв беглый огонь из орудий, уничтожил дзоты, огневые завесы на причале.

Корабли отошли в море, но с наступлением темноты вновь вернулись в порт и высадили десантные группы морских пехотинцев. Зажатый с моря и с суши враг заметался по улицам города. С воздуха наземные войска поддерживали лётчики Новороссийской штурмовой авиационной дивизии Героя Советского Союза А.А. Губрия.

Стремительный удар танкистов и моряков настолько был неожидан и напорист, что гитлеровцы не сумели воспользоваться для бегства стоящими на рейде судами. Советская армия ещё плотнее сжала кольцо окружения города. Ожесточённые бои уже шли под Раевской. И когда станица пала, враги поняли, что дни их в Анапе сочтены.

Комендант города майор Меттель, похожий на пса с поджатым хвостом, отдал приказ о ликвидации всех арестованных. На расстрел заключённых, на глазах у жителей города, не решился. И в запарке избрал место казни на пустыре за виноградниками. Да просчитался. Неподалеку укрывалась группа партизан народного мстителя Дубинца. Этот отчаянный вояка оказался не промах. И тому немало ярких подтверждений. Вот одно из них.

Когда первые машины, выгрузив приговоренных людей к смерти, убралась восвояси, конвоиры раздали им лопаты. Приказав арестованным раздеться и спешно копать могилу, отошли в сторону. И тут неожиданно из-за ближайшей груды камней встали в рост моряки Дубинца в полосатых тельняшках. Мол, знайте, с кем имеете дело. Молчаливые, грозные, они с ножами в руках, бросились на фрицев, не успевших даже пикнуть.

Вскоре к месту казни из города подоспела вторая партия машин. Приехавшие фашисты увидели яму, а в ней полураздетые трупы, наспех притрушенные землёй. Но где же, охрана? Медлить было нельзя: поблизости грохотала советская артиллерия. Высадив арестованных, они приготовились к свершению гнусных деяний. И тут, к полной их неожиданности, из-за камней раздались внезапные залпы. Уцелевшие немцы бросились к машинам, но им наперерез выбежали моряки Дубинца. Взрывы гранат, короткая рукопашная схватка – и вот новые трупы гитлеровцев сброшены в могилу. Все арестанты, чудным образом спасённые от смерти, в мгновение ока укрылись в гуще виноградника.

В этот же день, когда наши танки, обойдя минные заграждения, придвинулись к Анапе, советские корабли обстреляли порт и, прикрывшись дымовой завесой, отошли в море. Однако под крылом ночи вновь скрытно объявились и, обстреляв центр города, занятый преимущественно противником, высадили десантную группу. На берегу бухты и улицах разгорелся жестокий бой.

Почувствовав безнадёжность положения, комендант майор Меттель приказал спалить город. На улицах появились немецкие факельщики. Но тут же, из-за оград подворий, с чердаков зданий загремели выстрелы. Это, оказывается, воспитанники Дубинца с ножами в руках бросились на поджигателей. А сам он во главе матросской гвардии штурмовал тюрьму. Гестаповцы отстреливались до последнего патрона, зная, что пощады им не

будет. Но разве можно сдерживать матросскую ярость? Моряки уже действовали в тюремных коридорах: сбивали засовы, замки с дверей камер. Арестованные, окрылённые свободой, обнимали своих освободителей. И тут-то чья-то предательская пуля тяжело ранила Дубинца, народного предводителя.

24 сентября 56-я армия во главе с командующим генерал-лейтенантом А.А.Гречко подошла к станице Гостагаевской, и в 6 часов утра части 242-й горнострелковой дивизии под главенством полковника В.Б. Лисинова ворвалась в станицу. 89-я дивизия полковника Н.Г. Сарафьяна получила указание о наступлении в направлении хутора Курбацкого. В течение двух последующих суток войска вели упорные бои. При прорыве обороны противника бессмертный подвиг совершил командир пулемётного отделения 526-го полка 89-й дивизии старший сержант Аракелян. Гитлеровцы упорно обороняли подступы к хутору. Группа С.С. Аракеяна, захватывая один за другим дзоты противника, продвигалась вглубь его обороны. Остался последний дзот на окраине хутора. Бойцам пришлось залечь из-за сильного пулемётного огня.

Решили обойти дзот с левого фланга, но у него оказалась вторая амбразура, из которой фашисты открыли огонь. И тогда Аракелян с возгласом: «За Родину – вперёд!» бросился к дзоту и ценою своей жизни подавил огневую точку. В считанные секунды бойцы штурмовой группы преодолели пространство, обошли дзот с тыла и уничтожили его. Хутор Курбацкий был взят, полк выполнил поставленную перед ними задачу. С.С. Аракеяну посмертно присвоили высокое звание Героя Советского Союза.

26 сентября 1943 года войска 18-й армии генерал-лейтенанта К.Н. Леселидзе и 56-й армии генерал-лейтенанта А.А. Гречко полностью очистили Анапский регион от немецко-фашистских захватчиков. Острая, захватывающая радость охватила сердца людей как освободителей, так и освобождённых. Всюду слышались ликования, и смех, и причитания со слезами на глазах. И клятвенные слова: «Мы не забудем уроков войны!»

Нам верится, что и нынешнее, возвращённое по окончании той ратной брани поколение, не допустит, чтобы трава забвения возшла над могилами тех, кто вынес трудности фронтов, пал смертью храбрых на полях сражений за любимую и многострадальную нашу Отчизну. Как верится и в то, что не канут в безмолвие имена тех жителей Анапского региона, которые вписаны в краснодарскую Книгу памяти, как погибшие или пропавшие без вести в пучине священной борьбы: подпольщики и партизаны, артиллеристы и сапёры, десантники и лётчики, моряки и пограничники. Это они, скрепив сердца, днём и ночью пестовали Великую Победу, которая через 1418 суток озарила мир лучами солнца, вставшего на востоке в полный рост, выхватившего из мрака темноты обезумленные головы гитлеровцев, их приспешников.

«СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ЛЮДЯМ ДОБРО»

65-лeтнему юбилею Н.Е. Иванюшкина

ИВАНЮШКИН Николай Егорович – депутат Законодательного Собрания Краснодарского края, председатель Общественного совета МО г.-к. Анапа, Заслуженный учитель РФ, член-корр. Академии педагогических и социальных наук, Заслуженный работник курортов и туризма Кубани, Почётный гражданин МО г.-к. Анапа, Первый вице-президент Федерации хоккея на траве РФ, Вице-президент Федерации самбо, дзюдо г.-к. Анапа, председатель Совета директоров СКО «Смена».

Многоуважаемый юбиляр – видный общественный деятель Кубани и Южного федерального округа, обладает целым рядом личных качеств, позволяющих ему длительное время занимать лидерские позиции. Он не боится затрагивать острые вопросы жизни современного российского общества. Во всей его широкой натуре, в неординарных поступках виден создатель, преисполненный желания добиться успеха; руководитель, способный объединять единомышленников и подвигать на неотложные дела, неординарные поступки; гражданин, впрягшийся в воз служебных забот, вникающий в производственные и личностные отношения, преодолевающий трудности роста, подъёма и продвижения вперёд.

Главный девиз его жизни: «Спешите делать людям добро!»

Добиваться высоко поставленных целей его с юности научила трудовая жизнь на родной Кубани, где 65 годков тому назад явился на свет божий. Окончив среднюю школу, служил в армии. В охотку учился и в Кубанском государственном университете, который окончил с отличием, а позже в Кубанском сельскохозяйственном институте, где вручили ему красный дипломом экономиста.

Начало блестящей карьеры Николая Егоровича положил Анапский сельхозтехникум. Потом горком партии, где постигал основы жизни района, умение общаться с людьми. Со временем нарастил этот ценный опыт, который способствовал его дальнейшим успехам. Не случайно именно он возглавил ВТОЛ «Рабочая смена», впоследствии преобразованный в Федеральный детский оздоровительно-образовательный центр «Смена».

Более 25 лет Николай Егорович вел огромную целенаправленную работу по развитию инфраструктуры ДООЦ. В результате продуманных им действий и взвешенных решений Центр встал на ноги и увеличился почти в три

раза, до 3500 мест, принимая ежегодно около 30 тыс. детей. Будучи кандидатом педагогических наук, написал уникальную в своем роде диссертацию на тему интернационального воспитания детей.

Для Николая Егоровича, патриота России, всегда крайне важно, чтобы из детей выросли граждане, достойные сыны, дочери Родины. Неслучайно в ФДЦ «Смена» утвердилась уникальная в стране Аллея Российской Славы.

Немало внимания Николай Егорович отдает и общественной работе. Будучи депутатом Совета муниципального образования города-курорта Анапа, свыше 5 миллионов рублей внёс в благоустройство Супсеха, СОШ № 11, амбулатории, детского сада, музыкальной школы, станции скорой помощи. Как депутат Законодательного Собрания Краснодарского края от партии «Единая Россия», избранный в октябре 2012 года, и ныне продолжает бескорыстно решать социальные и житейские проблемы региона. Главным направлением его деятельности в округе, по признанию Николая Егоровича, стала забота о повышении уровня жизни и благосостояния людей.

Задача эта не из легких. Ведь в границы Солнечного одномандатного округа № 39 входит более 50 населенных пунктов Анапы и Новороссийска. А живёт там, около 140 тыс. человек. Благодаря тому, что Николай Егорович вырос в сельской местности, изъясняется с избирателями на доходчивом их сердцу языке. Всеми фибрами своей души помогает им решать проблемы.

В шкатулке Н.Е. Иванюшкина немало почетных званий и наград: медаль «За трудовую доблесть», орден «За заслуги перед Отечеством» II степени, орден «За службу России», Почетные знаки «За заслуги в развитии физической культуры и спорта Российской Федерации», «За заслуги в развитии Олимпийского движения в России» и другие. В 2011 г. его признали одним из лучших руководителей года, удостоили общероссийской общественной премии «Национальное величие». За проявленную верность Родине, избранной профессии, за уникальные личностные качества дважды был пожалован именными наградами Президента Российской Федерации В.В. Путина.

А ещё он обладатель Наградного креста Российского казачества «За веру и службу России», ордена «Святого Георгия», медали «За выдающийся вклад в развитие города-курорта Анапа». Будучи кандидатом педагогических наук, экспертом в области образования РФ, выпустил более 40 публикаций.

И сегодня Николай Егорович также активен, как и двадцать лет назад. Велика сила его авторитета. Он умеет мыслить масштабно, затрагивая глобальные вопросы отечественной истории и культуры. Его выступления – о состоянии экономики, сельского хозяйства, законности, нравственности – всегда убедительны и весомы. Он лидер, выходец из народа, получивший более широкие полномочия, действующий в рамках законов и норм. Не идет на компромиссы в том, что касается помощи людям. Статус депутата стал логическим продолжением его многолетней трудовой жизни. Когда видишь и знаешь таких патриотов, всем сердцем радуешься за родную Кубань!

От всей души желаем Иванюшкину Николаю Егоровичу и дальше действовать так же обдуманно, принимать взвешенные решения, успешно работать во благо людей нашего цветущего края.

И. КУМΠΑ РЯДОМ С КОМИССАРОМ

Это было в последних числах августа 1942 года, когда наши партизанские отряды оставили Анапу и ушли на выполнение задания, а фашисты рвались к Анапе и Новороссийску, форсировав Керченский пролив. Они несли огромные потери, но были уже совсем близко к городу.

Комиссар нашего партизанского отряда Павел Акимович Фролов, он же первый секретарь Анапского райкома партии, поручил мне задержаться на несколько дней в городе и выполнить некоторые поручения по установлению связи с товарищами (имеются в виду анапчане), остававшимися на территории временно оккупированной врагом. К этому времени мы уже хорошо знали, что Анапа будет оставлена нашими войсками. Наземные силы врага натолкнулись на ожесточенное сопротивление советских войск, поэтому фашисты усилили налёты с воздуха. Они бомбили Анапу и близлежащие населенные пункты, а 30 августа провели, так называемый «звёздный налёт». Целый день армады самолётов (в эшелоне по 30–35 самолётов) висели над городом, сбрасывали бомбы. Немало наших людей было убито и ранено, в том числе и детей. Город был разрушен почти полностью.

Пожалуй, тогда я и познакомился близко с Павлом Акимовичем Фроловым, точнее подружился. А ведь настоящая дружба скрепляется только тогда, когда друзья доверяют друг другу свои самые сокровенные мысли.

Через несколько дней, выполнив задание, я прибыл в отряд и на одном из партизанских собраний был избран секретарём партизанского бюро.

Сначала наш партизанский отряд под названием «Аист» остановился в нескольких километрах от станицы Натухаевской в ущелье Красных партизан. Это название ущелье получило ещё в гражданскую войну, отсюда красные громили белогвардейцев. На восточном выходе из ущелья возвышалась чистая сопка, с которой было видно много наших родных сел, захваченных фашистами. Знакомство с боевыми друзьями начало укрепляться. В отряде нас было не так много, это быстро объединило, заставило сплотиться. Уже через несколько дней мы знали друг друга по именам.

В конце октября 1942 года, когда все партизаны были в отряде, мы принимали клятву (присягу). Текст читал Фролов П.А., который подготовили вместе. Павел Акимович очень волновался, да и мы не меньше, потому что клялись, если нужно – пойти на смерть. Он читал текст, поэтому его волнение было заметным, и голос дрожал. Каждую прочитанную строчку все повторяли в один голос, но негромко, приглушенно.

В это время вся территория от Анапы до Новороссийска была занята фашистами, мы были в тылу врага. С этого часа наш отряд превратился в боевую единицу. Было ещё тепло, поэтому партизаны размещались в палатках, укрытых в лесу. Недалеко от нас шли тяжёлые бои – это наши войска сражались с врагом в районе Новороссийска.

Вскоре мы встретились с оккупантами. Группа наших партизан на одной из лесных дорог недалеко от отряда обнаружила противника, двигавшегося в сторону Новороссий-

ска. Фашистов было много, и мы, отстреливаясь, отходили к лесу. В этом бою был тяжело ранен один из наших товарищей. Автоматной очередью ему перебило обе ноги. Партизаны осторожно несли его на плащ-палатке. Это были наши первые потери.

В тот же день фашисты снова напали на нас. Опасаясь окружения, отряд отступил, и мы вернулись лишь через несколько дней. Теперь жизнь в отряде стала беспокойной. Иногда вблизи появлялись фашистские «кукушки», так мы называли фашистских автоматчиков. Они влезали на деревья и строчили из автоматов, создавая видимость, что окружают партизан. Мы охотились на них. Дважды на такую охоту ходили с Павлом Акимовичем и, выждав, когда «кукушка» обнаружит себя, уничтожали её.

Нам с Павлом Акимовичем Фроловым частенько приходилось вместе выполнять задания потому, что были партийными работниками. Но особая ответственность лежала на нём, как на комиссаре, и он это хорошо понимал. Нельзя не сказать и о том, что Павел Акимович был весьма скромным и чутким товарищем – никогда не подчеркивал, что он комиссар. Был вежлив и вместе с тем требователен. За это его любили наши партизаны. Питая ко мне доверие, он часто рассказывал о своей семье, детях, иногда показывал фотографии.

Вспоминается такой случай – это было 19 ноября 1942 года. Нас окружили фашистские карательные отряды. Мне было поручено прикрывать штаб «куста» – группировки из нескольких отрядов.

Во время боя, когда фашисты старались зажать нас в кольцо, ко мне подошел Павел Акимович. Мы легли за огромные камни, прикрывающие нас от пуль, он достал фотографию своей семьи и сказал в которой раз: «Запомни их, Иван Никифорович. Если меня убьют, разыщи, пожалуйста».

В его глазах я увидел слёзы. Очевидно, он чувствовал, что не вернётся больше к семье, и огромная любовь к ней заставила его обратиться ко мне в этот трудный час.

В этом бою фашисты потеряли убитыми и ранеными свыше 120 человек, но и наши базы были полностью разгромлены, а мы ушли в глубину леса.

Павел Акимович принимал активное участие в минировании дорог, на которых уничтожал автомашины с солдатами и прочей техникой. Поднимал на воздух монументальные сооружения. К примеру, Анапский мост, который на несколько дней задержал фашистские войска. Погиб он позже, при переходе линии фронта.

Домочадцев Павла Акимовича я разыскал только после войны, когда трудился в Адлере. Семья его проживала в Гагре Абхазской АССР, жена работала в санатории ЦК КПСС.

В. ПЕРОВ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ

Я пришёл в Анапу в конце октября 1942 года. К этому времени массовые репрессии и казни советских граждан сменились периодом некоторого затишья. И началось как бы «существование» поработанных советских людей с немецко-фашистскими захватчи-

ками. Все реже появлялись на видных местах афиши, в которых немецкое командование сообщало о приведении в исполнение смертных приговоров в отношении «уголовных преступников». На дверях многих домов можно было увидеть охранные грамоты на немецком, румынском и русском языках, в которых говорилось, что данная квартира находится под охраной немецкой армии. Все взрослое население города подлежало обязательной регистрации на бирже труда и тем, кто будет работать, были обещаны продовольственные карточки. У биржи труда всегда толпились люди. Часть из них направлялась на погрузочные работы и на Винный завод, где фильтровали разлитое в подвале вино. Большая часть рабочей силы была занята на дорожных работах.

Сколько-нибудь значительного гарнизона немецких войск в городе не было, в основном здесь сосредоточивались интендантские службы: вещевого, фуражного и продовольственных складов, пекарни, бойни и т.д. Высшим органом власти была немецкая комендатура, находившаяся первое время в прежней конторе винного завода, на улице Таманской. Здесь в качестве переводчицы служила бывшая преподавательница немецкого языка в анапской средней школе. Эту «немку» боялись больше, чем коменданта.

Кроме комендатуры, в городе функционировали районная и городская управы, полиция, жандармерия, гражданский суд, банк, поликлиника, церковь и целый ряд благотворительных обществ: по сбору теплых вещей для военнопленных, сбору средств помощи сиротам и престарелым и т.д. Частная торговля, поощряемая немецкими властями, была образцом беззастенчивой спекуляции продуктами питания. Немецкие военные чины были и сами не прочь потолкаться по базару и поторговать зажигалками, кремнями, сахарином и другими диковинками Запада. В свою очередь охотно покупали чай и сувениры кустарного изготовления. Наряду с немецкими марками имели хождение и советские деньги из расчета 10 рублей за одну марку.

В городской типографии издавалась профашистская газета «Анапский вестник» («Курьер Анапы»), Подвизавшиеся в редакции этой газеты фашистские холуи от литературы в довольно доходчивой форме комментировали и расхваливали «новый порядок», а немецких солдат представляли как освободителей русского народа от ига «царствующего дома Кагановичей».

В доме на углу улиц Калинина и Таманской находилось гестапо, где состояла на службе так называемая «зондер-команда», укомплектованная из наиболее активных предателей Родины. Эта команда была на казарменном положении и располагалась во дворе гестапо. В период массовых репрессий начальником «зондер-команды» был некто Умрихин, одно имя которого наводило ужас на городское население. Этот затаившийся враг ещё задолго до прихода немцев заносил в свой черный список свои будущие жертвы. В благодарность за оказанную услугу гестаповцы довольно снисходительно относились к алчности Умрихина, который присваивал имущество казненных советских граждан.

Принцип материальной заинтересованности был даже не последним из методов в работе гестапо. Из-за золотых зубов гестаповцы и сами убивали совершенно безвинных и даже вполне лояльных граждан. «Добыча» золота была их исключительной монополией, и они никому не позволяли себя обкрадывать. Умрихин умер в застенках гестапо от немец-

ких шомполов, его последняя жертва, еврейка по национальности, погибнув сама, увела в могилу и Умрихина, изблотив его во взятке золотыми вещами. Такова была полуофициальная версия. Исчерпав свою записную книжку, Умрихин сделал всю грубую и грязную работу в гестапо. Умственная ограниченность предателя не позволяла использовать его на более тонкой работе, и он стал не нужен гестапо.

Избавившись от свидетеля своих преступных деяний, гестаповцы назначили на его место Григория Зубенко, единственного грамотного из всей «зондер-команды». Безынициативный и трусливый службист, он именно благодаря своей трусости проделал «головкружительную» карьеру от председателя рабочего комитета до начальника зондер-команды гестапо менее чем за три месяца. В животном страхе перед фронтом цеплялся он за бронированное место до самого прихода немцев. Из страха быть призванным в армию остался в оккупации, трусость не позволяла ему уклониться от службы в полиции. Боясь прогневить начальство, он с немецкой аккуратностью являлся на службу и исполнял свои обязанности. Немецкое начальство заметило эти качества и предложило Зубенко перейти на службу в «зондер-команду», а потом он не посмел отказаться от поста начальника «зондер-команды». Впоследствии военный трибунал учёл заячью особенность его души и дал ему пятнадцать лет каторги.

Первое время из ст. Раевской в город подавалась электроэнергия, но потом прекратилась. Румынские солдаты с присущим им остроумием говорили, что с наступлением холодов из лесов Сукко пришли партизаны и украли на дрова электрические столбы. Не работала в городе и радиотрансляционная сеть, вместо неё на улицах появилась машина с громкоговорящей радиоустановкой. Русские песни и грамзаписи чередовались с изоциренной пропагандой и ханжеской демагогией о «ничейных людях», от которых отреклась родина. «Люди без родины» были объектом особых забот германского государства, принявшего на себя это «тяжкое» бремя.

Была в городе и ещё одна приметная автомашина – автобус с голубыми занавесками на фальшивых окнах и с червонной десяткой на крыльях. На этой машине увозили из Анапы тех, кто подлежал принудительной эвакуации из прифронтового города. В то время живые ещё не знали, что это и есть та самая душегубка, получившая впоследствии всемирную известность, унесшая человеческих жизней больше, чем атомная бомба над Хиросимой.

С наступлением темноты хождение по городу было запрещено, нарушителю этого приказа грозил расстрел на месте как партизану. Ночью, теперь уже тайком и без лишнего шума, гестаповцы увозили из квартир свои очередные жертвы. Большая часть городских жителей, боясь оставаться на ночь дома, под предлогом опасения бомбежек собиралась большими группами в подвалах, где коротали ночи. Хотя и в тесноте, но зато на людях, ночь не казалась такой жуткой. Здесь, в подвалах, обсуждались все события минувшего дня – события той примитивной жизни, которой жила отрезанная от мира частица общества.

В городе ручных мельниц с деревянными жерновами, примитивного огнива и других допотопных орудий весьма много было первобытных деревянных веретен, с которыми женщины не расставались и в подвалах. Здесь, слушая откровения «пророков» и «проро-

чиц», вперемежку с вещими снами, гаданиями и городскими сплетнями, сучили длинную, как ночь, бесконечную пряжу. Уму непостижимо, откуда за такое короткое время и в таком количестве могла появиться эта нечистая сила в образе пророчиц, колдунов и спиритистов, которые целыми ночами при свете коптилок крутили чайные блюдца, вызывая души давно умерших людей, читали откровения Иоанна и переписанные десятками рук письма богородицы «троеручицы». В подвалах было душно от спертых воздуха, чада коптилок и сознания того, что за три месяца оккупации небольшая частица человечества отброшена на три столетия вглубь средневековья...

Каждую ночь с наступлением темноты и до рассвета, над городом тоскливо гудел одинокий самолёт, как будто искал кого-то и никак не мог отыскать. Время от времени он будил город взрывами бомб небольшого калибра или сбрасывал светящуюся ракету. Иногда лучи прожектора ловили в небе одинокого «кукурузника», и начиналась частая стрельба зениток, самолет улетал, а на смену ему, как часовой на смену караула, приходил следующий – и так до рассвета.

Немцы предпочитали ночевать в блиндажах и убежищах, на частных квартирах их было гораздо меньше, чем румын и словаков. Днем Анапа ничем не отличалась от городов глубокого тыла немцев, через которые уже прошел фронт, и только не прекращающийся ни днем, ни ночью орудийный гул со стороны Новороссийска напоминал о том, что этот рубеж совсем недалеко.

Несмотря на близость фронта, по городу куда-то спешили «деловые» люди в старомодных поддевах и жилетах с неизменными бабочками и тростью. И, не дай Бог, было назвать такого, по привычке, товарищем. Теперь он уже не товарищ, а господин и, к сожалению, не всегда это было маскарадом. Захватчикам ничего не стоило создать для отдельных лиц некоторые привилегии за счет остального населения. А такие находились. Немецкие власти усиленно зазывали к себе тех, кто в прошлом был репрессирован органами Советской власти. На видных местах были расклеены объявления немецких властей, куда и к кому следует обращаться бывшим собственникам, у кого при Советской власти было отобрано имущество. Геббельсовская пропаганда работала в полную силу своих способностей, используя все средства дезинформации и деморализации населения. Разжигался антагонизм между городским и сельским населением, в станицах – между коренным казачеством и пришлыми людьми.

Парней в городе было немного, в основном те, кто, изменив Родине, стал активным пособником захватчиков. Любимец невзыскательной публики, исполнитель цыганских песен Афанасий Кипариди сменил гитару на немецкую винтовку и стал полицейским. А бывшие ученики старших классов средней школы: Воронков, Зайцев, Соколов и другие, вслух, мечтавшие до войны о героических подвигах, сделали еще большую карьеру. Вчера они были известны лишь в среде своих сверстников, а сегодня их знал весь город. Еще бы не знать! В девятнадцать лет В. Соколов стал начальником жандармерии Анапы. В немецкой униформе с черепами и маузером на боку этот ходячий детектив искал практических применений своим теоретическим познаниям, которые он почерпнул из детективных романчиков еще в школьные годы.

Но, пожалуй, самой колоритной фигурой из всех предателей был Явлинов. Благодаря своей исключительной активности, карьерист Явлинов сумел вкрасься в доверие работников госбезопасности еще задолго до войны. Своими доносами он добивался снятия с облюбованной им должности честных и хорошо знающих дело специалистов. Так были сняты с работы как не внушающие доверия начальник радиостанции Каршев, а затем Роктанен. По доносу Явлинова почти год просидел в следственной тюрьме военный комиссар радиостанции Маевский.

Когда началась война, Явлинов по совместительству занимал три должности (все оплачиваемые) – начальника радиостанции, комиссара и начальника спецчасти связи. На этой последней должности он более всего преуспевал, приводя в трепет простых смертных сакраментальной фразой: «Вы что-то не внушаете мне доверия. Потрудитесь написать подробную автобиографию». Более бдительного и более требовательного к другим в Анапе, пожалуй, не было человека, и это не оставалось незамеченным руководящими, работниками района. Как радиоспециалист Явлинов обладал лишь элементарными познаниями, но большего ему и не требовалось.

До войны радиостанция находилась в основном в консервации, и он довольно успешно справлялся с обязанностями начальника, а когда началась война и радиостанция перешла на круглосуточную работу, штат работников увеличился до двадцати человек. В то число попал и я. Как заместитель по технической части я должен был обеспечивать бесперебойную работу радиостанции в любых условиях. Скоро заметил, что для работы радиостанции вполне достаточно и половины штата, который там содержался. Я попросился добровольцем в уходящий на фронт полк и 9 ноября 1941 года ушел с радиостанции. О дальнейшей карьере Явлинова и его стычке с комиссарами я узнал из письма Толи Алехина, который очень просил меня поговорить с командиром полка, чтобы его тоже приняли добровольцем.

Но я уже убедился, что фронт – не детская забава, за несколько дней до получения письма от Толи мы похоронили его ровесника, воспитанника полка, пятнадцатилетнего Колю, похоронили после того, как приказ о представлении его к правительственной награде и отправке на учебу в тыл был уже оформлен. Настроение у всех было подавленное, больше всех переживал командир полка, у которого Коля был вестовым. Работая на штабной радиостанции, я очень близко знал нашего командира полка, но в тот момент не посмел бы перед ним заикнуться о Толином письме. Ответил я Анатолию Алехину довольно некорректно: «Не торопись, коза, в лес, все волки твои будут».

В свободные минуты я часто настраивался на волну анапской радиостанции и старался по «почерку» узнать, кто сейчас работает на ключе. Частая и четкая дробь Дуси Новак и морского волка Маевского иногда сменялась, неровным детским почерком Толи. Были и другие, неизвестные мне радиооператоры, не слышал я только медленного и аккуратного, как на классном занятии почерка Явлинова. Он остался верен себе и не мог снизойти с пьедестала начальника и сесть за ключ. Когда формировался партизанский отряд, более подходящего радиста, чем Явлинов, и не искали, ибо только ему и можно было доверить шифр, код и другие секретные вещи. С этими секретными вещами он и сбежал к фашистам, предварительно испортив партизанскую рацию.

Впоследствии Явлинов хвастался, как ловко он это сделал. Вдвоем с Алехиным они вышли на очередную связь, для чего нужно было удалиться на почтительное расстояние от отряда, чтобы немцы не запеленговали точного местонахождения отряда. Проведя связь, Явлинов сильно ударил ногой рацию и столкнул ее в обрыв. Захватив документы, он бросился в кусты и побежал. Последнее, что он видел, это широко открытые, испуганные глаза Толи Алехина, который только успел сказать: «Дядя Слава, что вы делаете?»

Так ли это было или не совсем так, но именно таким остался в моей памяти образ Толи Алехина в партизанском отряде. Когда матерый враг уродовал рацию, готовясь всадить нож в спину партизанского отряда, Толя не мог даже понять, что происходит, насколько для него это было противоестественно.

До войны мы часто играли с Толей в шахматы. Я был в два раза старше него, слыл одним из сильнейших шахматистов города, и Толе очень хотелось померяться со мной силами. Внешность моего партнера напоминала мне гимназиста Володю Ульянова, тоже шахматного болельщика. Меня забавляло, а иногда и злило (когда проигрывал) его упорство и желание победить во что бы ни стало, даже тогда, когда положение было явно безнадежным. Казалось, явно безнадежным было и его стремление попасть на фронт, когда началась Отечественная война. Какие только лазейки он не испробовал – все безрезультатно: годами не вышел.

В начале войны при Осоавиахиме были организованы курсы по подготовке военных радистов-операторов. Мне пришлось провести несколько занятий с курсантами по радиотехнике. Анатолий был тут как тут среди курсантов. Кроме него в то время никто всерьез не думал, что ему придется воевать с фашистами. Я не считал нужным сообщать об этом «курсанте» его родителям. Пусть пацан утешится. Все курсанты, включая и девчонок, были приняты затем в военную школу, кроме Толи Алехина, хотя он был первым по успеваемости. Но это его не обескуражило, он записался в отряд народного ополчения и начал так же старательно проходить строевую подготовку. И добился-таки своей цели. Воспользовавшись суматохой среди взрослых, он проскочил в партизанский отряд и погиб (о гибели Толи Алехина говорил весь город, и многие осуждали за это Явлинова, который предал своего юного радиста).

Став агентом немецкой разведки, Явлинов проявил недюжинные способности провокатора. В станице Варениковской, выдав себя за советского разведчика, он организовал подпольную группу, в которую было вовлечено значительное число патриотически-настроенной молодежи. Был организован диверсионный акт против захватчиков, причем довольно аморальный: заговорщики подсыпали яд в солдатскую кухню. Как и следовало ожидать, диверсия была вовремя обнаружена, а члены организации арестованы. В Анапе Явлинов нарочито утрировал свою преданность захватчикам, в расчете вызвать подозрение окружающих, что он маскирующийся советский разведчик, посланный на службу немцам.

...Когда я пришел из Багерово в Анапу, мне нужно было пройти обязательную для всех проверку личности. Этим занималось гестапо. Здесь я встретил Григория Зубенко, нашего бывшего председателя рабочего комитета. Он посоветовал мне прийти на следующий день, когда будет другой переводчик, а сейчас здесь «придира, который выслужи-

вается перед начальством». На следующий день я сдал документы переводчику, бывшему советскому лейтенанту, если верить отпечатку на петлицах гимнастерки. По пути в кабинет к начальнику он кратко меня проинструктировал: отвечать только на вопросы и не говорить ничего лишнего.

Мы вошли в кабинет гестаповца. Я хорошо запомнил этот кабинет во флигеле. Несмотря на дневное время, здесь горела настольная электрическая лампа, а на окнах висели черные шторы. За столом сидел гестаповец с головой, обритой наголо, с черепами на петлицах и рукаве, даже на перстне вместо камня было изображение черепа. На столе лежала толстая книга в кожаном переплете, и на ней настоящий человеческий череп. «На психику нажимают, следовательно, ничего страшного нет», – подумал я про себя. Эти «устрашения» меня несколько обрадовали, и я начал отвечать на вопросы. От старожиллов я знал, что будут спрашивать, и отвечал как на уроке. На вопрос, с какой целью я пришел из Крыма в прифронтный город, ответил, что жил там среди незнакомых людей, и все меня чуждались, а здесь прожил много лет, и меня знает почти весь город, здесь я дома.

Было задано еще несколько вопросов, на которые я отвечал коротко: нет, не был, не состоял. Я пригляделся к кабинету и кроме черепов заметил ещё две нагайки, обвитые проволокой с гайками на концах, которые висели на стене кабинета. Это уже была не мистика, а самая что ни на есть объективная реальность, предназначенная для реалистов, на которых мистика не оказывает должного действия...

Наконец был задан последний вопрос: могу ли я назвать трёх лиц из жителей города, которые подтвердят всё мною сказанное? Первым я назвал Зубенку и хотел уже назвать второго – Петра Редько, помощника начальника анапской полиции, но гестаповец на русском языке сказал, что одного Зубенку вполне достаточно и я могу идти домой.

Наступил январь 1943 года. И вот однажды в «Анапском вестнике» промелькнуло сообщение о Сталинграде. Из этого сообщения трудно было понять, что там, собственно, произошло, что преодолено и кто преодолел. Ясно было главное: немцев разбили под Сталинградом. Это сообщение сразу изменило настроение города. Скоро зашевелились захватчики и в Анапе. Спешно вывозилось военное имущество, ликвидировались многие гражданские учреждения, перестала выходить газета, удирали активные пособники захватчиков. В городе оставались только полицейские, занятые эвакуацией трудоспособного населения (мужчин). Ушли из города и гестаповцы, их заменила полевая жандармерия. Город патрулировали солдаты регулярных войск, которым, казалось, нет никакого дела до гражданского населения, они никого не останавливали, и дневные передвижения по городу были свободными.

Перед уходом гитлеровцы несколько дней вывозили из города неблагонадежных людей вместе с их семьями. Их выводили на площадь около мельницы и грузили в автобус. В число неблагонадежных попал и мой однополчанин, инвалид Отечественной войны А.А. Семикин. В то время он ещё не знал, что его старшая дочь Лида казнена фашистами за организацию и участие в молодежной организации совхоза Бугас. Вместе с семьей его вывезли на площадь, но автобус был переполнен, и Семикиных оставили до следующей партии, приказав не отлучаться из дома.

Ко мне пришла вторая дочь Семикина, Тамара, и рассказала о случившемся. По городу уже ходили слухи о подозрительных рейсах автобуса, который слишком быстро возвращался из Тамани за новыми пассажирами. Почувствовав недоброе, я немедленно пошёл к Семикину. За время их короткого отсутствия квартира была дочиста ограблена, осталась только голая старая кровать и пустая кадка из-под огурцов. На голом полу сидел трехлетний сын Семикина и плача просил есть. Раздумывать было нечего: Семикину необходимо сейчас же уйти из дома. Объяснив соседям, что его вызывают в полицию для эвакуации и, попрощавшись, он пришел ко мне. Я спрятал его в приготовленном в подполье убежище С.А. Олимпиевой. Олимпиева и соседка по квартире П.С. Бригида принесли туда одеяла, подушки и теплую одежду, чтобы он не замерз. На следующий день в это убежище спрятались ещё два моих товарища – Виктор Василенко и Николай Павлович Михайлов.

Судя по той поспешности, с какой немцы покидали Анапу, мы считали, что освобождение города от захватчиков – дело считанных дней. В городе горели подожженные немцами склады, рвались снаряды и мины. Как сухой валежник, трещали в огне винтовочные патроны. Саперы взрывали большие дома, и едкий дым застилал улицы города. Были обложены толлом и подготовлены к взрыву маяк и водонапорная башня. В городе работали только полиция и поликлиника, где русские и немецкие врачи комиссовывали больных и инвалидов. Перед этим было объявлено, что здоровые мужчины, уклоняющиеся от эвакуации, будут расстреливаться там, где их обнаружат.

В поликлинике на углу Черноморской и Нижегородской улиц было много народу, и пока я ожидал очереди, убедился, что все, даже несравненно более здоровые, чем я, получают справки, освобождающие от эвакуации. Больных обследовали русские врачи, а немецкие только наблюдали. Заключение давала известная в Анапе хирург Антонова, и, надо отдать должное её скромному подвигу, на каждой справке писала: «К физическому труду не годен». Она пользовалась большим авторитетом среди немецких врачей и как опытный хирург и как человек, которому немецкое командование присвоило звание почетного гражданина города. Они всегда соглашались с её заключениями и заверяли справки. Возможно, это объяснялось и тем, что немецкие врачи не были гестаповцами.

Наконец ушли и последние полицейские. Дни проходили за днями, а маяк и водопроводная башня так и не взрывались. Единственный имевшийся у нас продукт питания – подсолнечный жмых – был на исходе. Положение было критическое. В таком же положении находились и многие наши соседи. До ухода немцев ребята-подростки промышляли на свалке около больницы и приносили отходы, теперь не стало и этого источника. К счастью, недалеко от нашего дома подохла от истощения кем-то брошенная лошадь. Вместе с соседом Федором Коноваловым, вооружившись кухонными ножами, мы отправились на разведку. «Прирезали» уже остывший труп лошади и, переждав положенные несколько минут, начали свежевать добычу. Усевшись на свои костыли, Федя разделявал тушу, я ему помогал.

К нам на помощь сбежались соседки и, разделив на всех без обиды добычу, мы вернулись с полной корзиной свежей конины. После сытного ужина стали анализировать создавшуюся обстановку и пришли к постыдному для нас выводу: три радиотехника и

первоклассный механик не знают, что творится на белом свете и на ближайших фронтах войны. Одновременно выяснилось, что у Семикина на квартире замурованы под печкой радиолампы и кое-какие дефицитные радиодетали. На следующий день все эти сокровища были у меня.

Изготовление простейшего радиоприемника – довольно не сложное дело, гораздо сложнее обеспечить его источниками электропитания. Динамика автомобильного типа, привод молочного сепаратора, старые аккумуляторные банки – всё пошло в дело. И вот Федор Коновалов, Женя Жирков, Володя Трушенко по очереди крутим ручку сепаратора и заряжаем аккумуляторы. Первое, что было принято по радио, это сообщение об освобождении города Ейска.

Сделанный на скорую руку радиоприемник проработал недолго: вышли из строя радиолампы, и его надо было переделать на лампы другого типа, для которых требовался более мощный источник питания. А тем временем в город начали возвращаться и те, кто бежал, и те, кого угнали. Снова пришли в город комендатура, управа, полиция, жандармерия и другие институты нового порядка. Вернулось в новом составе и гестапо. Опять начала выходить в свет профашистская газета «Анапский вестник». Всё вошло в старое русло. Узники подполья, просидев месяц в заточении, вернулись домой, как бы возвратившись из эвакуации. Но идея построить надежно работающий радиоприемник стала задачей номер один.

Немцы вновь начали в Анапе укреплять свои позиции. Часть города, от маяка по улице Протапова и до Крепостных ворот, опоясанная заграждениями из колючей проволоки и множеством железобетонных дотов, была объявлена запретной зоной. Городской парк и пляж до самого Джемете были сильно минированы и охранялись часовыми. Второй пояс заграждений из колючей проволоки опоясывал весь город целиком. Вход и выход из города разрешался только по разовым пропускам, которые выдавала комендатура.

Официально город не считался гетто, но фактически он был отрезан от окружающих станций и в нём искусственно поддерживался голод. Немецкому командованию требовалась рабочая сила, и на бирже труда составлялись новые списки трудоспособного населения. В городе обосновался зондерфюрер по вопросам сельского хозяйства, который руководил подготовкой к весенним полевым работам. Городские жители из числа лояльных, то есть не уклоняющихся от трудовой повинности, могли получить земельные участки.

Линия фронта приблизилась к Анапе со всех сторон суши, протянувшись дугой от Азовского моря до Новороссийска. В этой так называемой линией фронта (Голубой линией), образующей укрепление немцев на Кубани, сконцентрировались бежавшие с окрест немецкие разведывательные и другие службы диверсионного характера. Зондерфюреров в Анапе собралось больше чем когда-либо, а их агенты – ещё больше.

Вернулся в Анапу и Явлинов. В гестапо к нему отнесли с участием и стали наводить справки о его семье. Через некоторое время ему сообщили, что семья отправлена в глубокий тыл и ей ничего не угрожает. Каким бы ни был Явлинов, но уж наивным его нельзя было назвать. Как побитая собака, заискивал он перед каждым знакомым с одним вопросом: «Что им известно о его семье», но никто ничего не знал. Агент-provokator, он

был сейчас более опасен, чем раньше. Его мандат с грифом Гимлера был не просто бумажкой, удостоверяющей личность агента по особо важным заданиям. По этому мандату, как в нем было сказано, Явлинов мог потребовать в любой немецкой военной части до батальона солдат и до ста тысяч марок для выполнения задания.

С потерей немцами Краснодара и почти всех районов Кубани Анапа приобрела особое важное стратегическое значение в снабжении немецких армий, расположенных в Новороссийске. На Анапском маяке находился узел связи с фронтом и ставкой. Морской порт и аэродром работали с полной нагрузкой. Однако близость фронта с воздуха сейчас стала более ощутимой, чем раньше. Теперь уже не одинокие «кукурузники», а грозные Илы, прозванные немцами «черной смертью», стали частыми гостями в Анапе. И не ночью, а среди белого дня на бреющем полёте проносились они над городом, сметая огнем своих «катюш» вражескую технику с аэродрома. Немецкие истребители, призванные охранять транспортные самолеты, маскировались по виноградникам на почтительном расстоянии от аэродрома. Советские асы с каждым днем становились всё смелее и смелее. Воздушный мост между Анапой и Крымом стал явно ненадежным для немцев.

Каждую ночь в Анапский морской порт приходили немецкие самоходные баржи с военными грузами. И вот в одну из ночей город потряс взрыв неимоверной силы, во многих квартирах обвалилась штукатурка и вылетели стёкла. Утром узнали, что торпеда, выпущенная советской подводной лодкой, разрешила надвое далеко выдающийся парапет порта и разрушила все причальные сооружения. С этой ночи разбитая грейдерная дорога от Анапы до Тамани стала основной и единственной магистралью, по которой шло снабжение немецкой армии в Новороссийске. На приведение в порядок и ремонт этой дороги были мобилизованы гражданское население и военнопленные лагеря, которыми были расположены на всем протяжении дороги. Ближайшие к Анапе лагеря военнопленных находились в Джигинке и совхозе «Джемете».

Стала более оживленной и старая заброшенная дорога через станицу Раевскую. Днём и ночью шли по ней автомашины с военными грузами и солдатами. К этому времени немцы перестали остерегаться партизан, и только полицейские, именуемые лесничими, находились в соседнем лесу Сукко, исполняя роль дозорных. Эти «лесничие» были полными хозяевами леса. Один из них, некто Мазуров, встретил однажды в лесу девушку-парашютистку, посланную для связи с отрядом партизан, вызвался проводить её в отряд и убил выстрелом из винтовки. Сняв с убитой сапоги, наручные часы и пистолет, он закопал её труп в лесу и не счел нужным доложить своим хозяевам о столь незначительном происшествии. Пистолет он подарил своему закадычному другу Прашуты, а тому его пришлось сдать Советским властям после освобождения Анапы.

Подлый убийца Мазуров не ушел от заслуженной кары. В январе 1943 года он был расстрелян по приговору военного трибунала, к великому огорчению Прашуты, для которого Мазуров был идолом культурного парня, особенно когда выходил при сапожках, при часах и с сигаретой во рту.

Примерно к концу мая радиоприемник заработал, с этого времени и до самого дня освобождения Анапы не было пропущено ни одного сообщения от Советского Информбю-

ро. Первое время сообщения были короткими, и я почти дословно передавал их содержание товарищам, записывая иногда для памяти названия и количество трофеев. Во время одного такого очередного приема Москвы я услышал о предстоящей передаче важного сообщения. До войны мне пришлось более года принимать по радио сообщения ТАСС для редакции нашей газеты «Знамя колхозника», где я так натренировался, что небольшие сообщения записывал со скоростью нормальной речи, т.е. не в сеансе, когда сообщения диктуются под запись, а во время обычных передач; и сейчас, взяв ученическую тетрадь и горсть карандашей, начал их быстро очинять, решив с дословной точностью записать это важное сообщение.

Этим сообщением была историческая нота Советского правительства «О фашистских зверствах и уводе в рабство русского населения». Исчеркав несколько страниц, я понял бесполезность дальнейшего состязания с диктором и начал внимательно слушать. Нота оказалась настолько большой, что не смог бы записать её целиком и в сеансе передачи под диктовку, поскольку приёмник мог проработать непрерывно от силы два часа, а то и того меньше. «Промазать» такую передачу было бы непростительно. Ничего другого, кроме коллективного слушания, я не мог тогда придумать. Я почему-то считал, что нота будет передана вторично во время вечерних передач.

В тот памятный вечер в квартире С.А. Олипиевой по улице Терской, 84 собрались М. Федоров, И. Мищенко, Ф. Коновалов, П. Бригида, Е. Плаксина, С. Вербицкий, М. Вербицкая, Е. Золотарёва, Е. Коновалова, Степанида Илларионовна и ещё кто-то, всего человек пятнадцать. В течение многих месяцев оккупации никто из них ни разу не слышал голоса из Москвы, и все заметно волновались. Вся вечерняя передача на этот раз была посвящена ноте Советского правительства. Передавались отдельные места ноты и цитировались письма на Родину тех, кто на себе испытал все прелести «немецкого рая».

Вместе со всем советским народом эту передачу слушали и здесь, в оккупированном фашистами советском городе. Слушали именно те люди, о которых говорилось в ноте нашего правительства. Развеялся, как дым, миф геббельской пропаганды о ничейных людях. У нас есть Родина. Большая. Сильная. Которая никогда не оставит ни одного своего гражданина в беде, придет к нему на помощь, где бы он ни находился.

Много раз приходилось мне за свою жизнь проводить коллективные слушания радиопередач на площадях городов, в партийных аудиториях, на полевых станах и в сельских избах-читальнях в те далекие двадцатые годы, когда радио только что появилось, и старики, впервые в истории России, перекрестясь, прикладывались к наушникам радиоприемника. Но никогда я не испытывал такой гордости за свою профессию и за нашего соотечественника, изобретателя А.С. Попова, давшего миру это чудо, которое не позволит фашистским мракобесам отбросить человечество в средневековье и повернуть историю вспять.

НИКОЛАЙ ОВСЯННИКОВ ВЫЗЫВАЮ ОГОНЬ НА СЕБЯ

Вечером, уже после поверки, вновь затопали в коридоре. Открылась дверь, и к нам толкнули ещё одного узника в грязной, старой стёганке, латаных штанах и рабочих ботинках без шнурков.

– Головахин! – приказал полицай Виктору. – Выходи!

Виктор вышел, дверь захлопнулась, брякнул засов. Я внимательно смотрю на вновь прибывшего к нам: в грязном, невытом лице, лохматой голове что-то знакомое... Одного глаза нет – пустая, глубокая глазница... Да это же Кизя!

– Кизя! – вскричал я. – Это ты?

Передо мной Вася Кизяков, сын начальника уголовного розыска города. Он старше меня на три года, и у него есть младший братишка, с которым я учился в одном классе.

– Что с тобой? Как тебя прихватили фрицы?

Кизя трясёт мою руку, здороваётся. Нельзя сказать, что мы были друзьями, – я больше знался с его братом, поскольку учился с ним в одном классе. Но в такой обстановке, в которой мы были сейчас, встреча со знакомым, даже очень мало знакомым человеком – большая радость. Сразу находится что-то общее, сближающее. Достаточно было того, что мы учились в одной школе, знали друг друга, жили в одном районе города.

– Долго рассказывать... – говорит он. – Взяли в армию. Бросили в бой под Харьковом. Там был ранен. Как видишь, потерял глаз. Попал в плен к фашистам. Они нас, пленных, погрузили в товарняк и повезли в Германию. На самой нашей границе мне удалось бежать из вагона. И вот шёл, пробирался всё это время домой, в Анапу. Прошёл всю Украину от и до, потом через Ростов, Краснодар... Много пришлось топтать... Прятался, спал, где придётся, ел то, что подадут добрые люди. Но я тебе скажу, Коля, украинцы – очень плохой народ! И не только в западных областях! Не то, что хлеба – воды кружку не выпросишь! Хохлы – плохие люди! Как только перешел в Ростовскую область, а потом на Кубань – сразу легче стало!

Кизя, несмотря на то, что выглядел истощённым, уставшим, несмотря на ужасное ранение, обезобразившие его лицо, наконец, на то, что у самого дома он попал в лапы фашистов, был настроен оптимистично и не унывал.

Мне хотелось ещё его расспрашивать, но тут опять затопали в коридоре, загалдели полицайи, открылась дверь, и в камеру толкнули Виктора Головахина. Он был злой, на скуле ссадина, на ней проступала кровь.

– Всё равно я его, гада, предателя, удавлю! – ругался он.

– Кого удавишь, Виктор?

– Ворона, подлеца, ухайдакаю! Он не уйдёт от меня.

– Что, Женька Ворона здесь? И он предатель? – спрашивает удивлённо Кизя.

– Да нет! – говорю я. – Не Женька, а Володька Воронков, брат Женьки. Женька где-то в армии, а эта сволочь, Володька, продался немцам!

На дворе уже полная темнота: соответственно и у нас в камере темно.

– Ты что такой злой и побитый? Куда тебя так поздно таскали? – спрашиваю я Виктора.

После молчания он ответил:

– Возили на машине меня, Станю и Ворону в Су-Псех. Мы показали, где спрятали оружие! Обратной дорогой я хотел пришибить Ворону, но не получилось, фрицы не дали! Оттого и злой!

А причём здесь Су-Псех, почему там оказалось ваше оружие? И вообще, как ты попал сюда? Ты же боевой, смелый матрос, севастополец и... дался в лапы фашистам!

– А что тут такого? Всё очень просто! Попался, как самый последний дурак... Я сам себе не могу этого простить!

– Обожди, Виктор! Давай я начну всё по порядку, чтобы все ясно было. Вот слушай: мы вчетвером, тогда в Мокрой щели, ушли за водой. Вы все должны были нас ждать...

Я подробно рассказал, что с нами произошло, как мы не смогли взять воду, как вернулись, – а никого из отряда нет.

– То, что произошло в наше отсутствие, нам рассказал нашедший нас Батя, – продолжал я. – Ну, а потом? Куда вы делись? Мы шли по вашим следам, видели брошенные вами кое-какие вещи, патроны, подобрали наволочку с сахаром-песком, рюкзак с сухарями! Как вы могли бросить продукты? У вас же ничего не осталось от еды!

– Как.... как! – бурчал Виктор. – Никак. Бежали, как зайцы! Все потеряли голову. Но ты сам подумай, мы же, были, можно сказать, совершенно небоеспособны. После вашего ухода нас осталось 27 человек. Раненые, семь-восемь женщин, больные... Боееспособных, считай, осталось человек девять! Что мы могли сделать против карателей? Дать им бой? Смешно! Вот и бежали... Вся надежда была только на то, что встретим, найдём своих командиров или партизан из другого отряда. Сахар бросил Ворона, ему было поручено нести его. А сухари потерял Витька Коробов.

– А мы всё время шли за вами! – перебил я Виктора. – То потеряем следы, то опять увидим... Никак не удавалось вас нагнать... Ну, а потом, однажды, где-то в середине дня, услышали такую бешеную стрельбу, взрывы гранат, что решили, что с вами всё покончено! Пришли, посмотрели место боя, и решили, что все погибли и нам некого больше догонять.

– Вы ошиблись! Мы и в тот раз оторвались от немцев, ушли. Перестрелка и вправду была – я тебе дам! До гранат дошло...

Я коротко пересказал Виктору все свои приключения вплоть до дня, когда попал сюда, в Абвер.

– Да, досталось тебе! – выслушал он меня, не перебивая до конца. – Ну, а мы тогда, после того последнего боя, вечером разошлись, кто куда. Дегтярёв и Каруна сказали, что идут в Новороссийск переходить фронт. А сами, гады, как я уже здесь узнал, пришли домой, переночевали и утром явились к немцам с повинной. Вот тебе и командиры, начальники! – Виктор зло, с презрением сплюнул. – Набить бы им следовало здесь морды, да они доходные совсем... После их ухода началась полная неразбериха. Одни предлагали потихоньку всем разбежаться по домам, другие ещё что-то. Никто не хотел слушать и понимать, у каждого было своё мнение. Мы, Станя, Ворона, Витька Коробов и я, посидели, посоветовались и приняли такой план: первым делом надо привести себя в порядок, помыться, побриться, снять с себя рваньё.

– Пойдём в Анапу, – сказал Станя. – Там у меня родственники. У них найдём харчи и всё остальное, что нам надо. А потом и подумаем, как дальше поступить. Может, шлюпку раздобудем и ночью рванём морем на Кавказ, а если не это, то пойдём опять горами к фронту.

Его идею мы поддержали. Другого выхода для нас не было, – а у меня тем более: никого нет в Анапе, и во всей округе. Кроме как пробиться к своим через фронт, мне ничего не оставалось делать. Я согласился с их планом, и мы пошли в Анапу. Благополучно добрались до Су-Псеа, там и припрятали своё оружие. До города рукой подать! Дождались темноты и двинули виноградниками... Полчаса быстрой ходьбы – и вошли в город. Укрылись в небольшом сарайчике, в брошенном жителями дворе, дожидаясь рассвета. А утром, посоветовавшись, послали Коробова пройти по городу, осмотреться в нём, найти родственников, своих или Стани, чтобы можно было укрыться на время. Коробов ушел и долго не возвращался. Как потом выяснилось, его опознали полицаи (один из них знал, что Виктор был в истребительном батальоне и ушёл в партизаны).

В это же время в их двор вошёл румынский солдат-мародёр. Собирая брошенное барахло, заглянул в сарай. Увидев спрятавшихся людей, испугался. Отпрянул от дверей и заорал истошно: «Партизаны!»

У нас действительно был партизанский вид: лица заросшие, грязные, одежда изорванная, а я к тому же и во флотской форме. На крик солдата тут же из соседних домов повыскакивали румыны, оцепили сарай. Нас с ребятами повязали и увели в гестапо, а через день, после предварительного допроса, передали в немецкую армейскую разведку и контрразведку Абвер.

– Вот так я и попался по собственной дурости! – корил себя Виктор. – Как я мог, как я мог потерять тогда всякую осторожность и влипнуть, как какой-то салага? Ну, а теперь, что же – хана мне, крышка! Расстреляют фрицы и не высморкаются! Они, гады, нас, матросов, боятся, не щадят. Мы им показали, туды их мать, как сражаются за Родину морячки: и под Одессой, и в Севастополе! Тебя, Николай, могут отпустить, пацан ты ещё, а меня нет! Жизнь моя уже тую-тую, терять мне больше нечего. А на колени перед фрицами не стану, я – не Ворона!

Да, таков был матрос Виктор Головахин. Мне он всегда нравился, и я ещё в отряде старался подражать ему, быть с ним рядом. Вот и теперь, оказавшись в руках врага, Виктор показывал бесстрашие, презрение к нему. Когда в камеру входили немцы и всегда сопровождавшие их полицаи орали, приказывая всем встать, мы вставали, а Виктор – никогда. И, как следствие этого, каждый раз он лежал избитый на полу, пока не уйдут фрицы. Видно было, что и они в какой-то степени восхищались его стойкостью и мужеством. Кровоподтёки, синяки на лице Виктора не безобразили его. Широкие флотские брюки-клёш, полосатый, местами уже рваный «рябчик», всегда гордо поднятая голова в разговоре с врагами, придавали ему нечто геройское. Лёжа на узком топчане, мы долго говорили с ним. Виктор рассказывал о боях в Севастополе, в Керчи, о своей службе на военном аэродроме в Симферополе, на флоте. Говорил, что у него в Горловке остались родители и меньший братишка.

Утром 5 ноября увели Кизю, а потом в камеру вошли полицаи, молча взяли и унесли наш маленький, колченогий топчанчик.

– Сволочи! – ругался Виктор. – Посчитали за роскошь для нас сидеть на досках.

День Великого Октября, 7 ноября 1942 года, застал нас всё в той же камере. Ночью мы почти не спали: на голом цементном полу невозможно было лежать всю ночь. Больше мы ходили из угла в угол, греясь. Устав ходить, прижались друг к другу и так и сидели до рассвета. Попозже кто-то стукнул к нам в окошко, и мы увидели, как между прутьями просовываются два свёртка: чья-то добрая душа принесла нам еду.

– Поздравляем с праздником, товарищи! – успели шепнуть нам.

На этот раз, по случаю праздника, и еда была праздничная. И вдобавок к ней бутылка с молодым, самодельным, сухим виноградным вином. Поев и выпив вино, мы захмелели и... запели во всё горло! – «Священная война». Что нам подняло дух, не знаю: то ли выпитое вино, то ли сама песня, а наверное, и то и другое.

Вбежал в камеру полицай:

– Прекратите! Я доложу господину Кристману!

Виктор, не переставая петь, швырнул в полицая пустую бутылку. Она, к сожалению, пролетела мимо, в открытую дверь, и разбилась в коридоре.

Полицай скрылся, и, когда мы уже пели матросскую песню «Раскинулось море широко», в камеру ворвались фрицы. На этот раз нам досталось здорово! Били нас долго...

12 ноября меня и Виктора вывели из камеры. После нас были наши товарищи-партизаны. Как долго они ещё продержатся там? Не исключено, что завтра-послезавтра кто-то из них будет здесь.

Во дворе Абвера, у двери штаба, под присмотром немца стоит Шурка Кравченко. Увидев нас, он слегка улыбается:

– Здорово, братцы! Мы ждём вас!

И действительно, из штаба тут же выходит лейтенант-секретарь. В руках у него три тоненькие папки.

– Помаленьку пошли! – командует он по-русски.

Мы выходим на улицу и идём по Крепостной в сторону маяка. Немец-автоматчик и лейтенант позади нас о чём-то тихо беседуют на ходу.

Мы проходим знакомые мне с детства дворы моих друзей. Жителей никого, тишина. Улицы, дворы пусты – запретная зона! Слегка большая, длинная прогалина – площадь у рва Турецкого вала. Совсем недавно мы, анапские пацаны, гоняли здесь футбольный мяч. А вот на перекрёстке улиц Серебряной и Крепостной, по которой мы идём сейчас, – массивный бетонный ДОТ. Пять месяцев назад, в июне, наш молодёжный взвод истребительного батальона строил его по приказу начальника гарнизона. Город вроде бы не собирались сдавать немцам без боя, предусматривались уличные бои, – для них и строились ДОТы. Но, как оказалось, Анапа была отдана врагу без единого выстрела, и ДОТы так и остались необжитыми, необстрелянными. Неужели они пригодятся немцам, когда те будут отбивать атаки наших бойцов, освобождающих город?

Нас ведут в гестапо. Быстрая процедура проверки часовым у калитки – и мы уже во дворе. Здесь мне всё уже знакомо. Много солдат, среди них полицайи. Просто вольно стоящих, празднующихся нет, все куда-то и откуда-то идут, ведут кого-то. Слышатся

выкрики команд, распоряжений. Где-то рядом глухо, словно под землёй, работает движок, вырабатывающая электроэнергию.

Подвели к веранде.

«Сейчас мне дадут! – с тоской думаю я. – Переводчик Вилли вспомнит моё враньё здесь, вот на этой веранде, месяц назад. Будет мне от него сейчас не один нокаут!»

Лейтенант направился через веранду в дом, – докладывать. Вышел он с офицером, тот просматривает наши «Дела» и что-то приказывает конвоиру. Конвоир толкает Шурку автоматом, и того уводят куда-то в глубь двора, а меня и Виктора – в дом. Всё делается быстро, чётко, без суеты, без лишних слов.

Нас завели в большую комнату, из-за темных, тяжелых занавесей на окнах в ней был полумрак. В комнате – широкий, массивный стол. Столешница накрыта чёрным сукном, на ней аккуратно, ровно, строго по рядам разложено множество каких-то блестящих предметов, инструментов. По ранжиру и размеру лежат какие-то пилы, кусачки, иглы, жгуты и всякое другое. Слева, поперёк стола, во всю его ширину, лежит толстая у основания, сплетённая из отдельных ремешков плетель. За столом на стенке висит красное полотнище фашистского флага. В центре его белый круг, и в нём распласталась чёрная свастика.

Стоя посреди зала, мы ничего хорошего для себя, конечно же, не ожидали. Да, собственно, и раздумывать нам не дали. Вошли несколько гестаповцев, и один из них быстро подойдя к нам, с ходу спросил, обращаясь к Виктору:

– Ви немецки зольдат стреляйт?

Виктор с издёвкой в голосе, подражая его акценту, ответил:

– Стреляйт! Много стреляйт!

Немец отскочил в сторону, нам в лицо из-за стола ударил мощный поток света какой-то фары. Ослеплённый на миг, я ухватился руками за Виктора и, ещё ничего не видя, услышал у самого уха тот же вопрос уже мне:

– Ви стреляйт немецки зольдат?

– Стреляя! – крикнул я и увидел, что немец стоит рядом, передо мной. Резкий поворот ко мне спиной, – и он бьёт каблуком кованого сапога по пальцам моих ног. Страшная боль пронзила меня – пальцы на ноге размозжены. Я не удержался и повалился, и, падая, увлёк за собой на пол Виктора. На нас посыпался град ударов. Сколько гестаповцев нас били и чем – я не знаю. Били ногами, чем-то твёрдым, упругим, молча, с придыхом. Свет уже не был ярким, сквозь кровь, залившую глаза, он казался уже тусклым, красным. Я потерял сознание.

Долго ли продолжалось это – не знаю. Когда пришёл в себя, было очень тихо. Я лежал на полу, поперёк меня Виктор. Видимо, большую часть ударов он принял на себя. Больно было шевелиться. Собравшись, преодолевая боль во всём теле, я отёр с глаз кровь и сделал попытку подняться. Зашевелился и Виктор, он тоже приходил в себя. Гестаповцев не было. У дверей стоял полицай.

– Вставайте! Приказано отвести вас в камеру, – сказал он голосом, который показался мне виноватым. Видно, и ему было не особенно приятно видеть учиненную нам экзекуцию. Мы поднялись и, поддерживая друг друга, медленно, всё ещё приходя в себя, выш-

ли сначала на террасу, а затем во двор. Нас затолкали в камеру, где уже были трое: моложавая женщина, её дочь (лет пятнадцати на вид) и их бабушка (она лежала на полу). Женщина почти всё время плакала. Подходила дочь, садилась, прижималась к ней и тоже плакала. Нар и скамеек не было, поэтому все сидели и лежали прямо на полу. Некоторое время мы с ними не разговаривали, присматривались друг к другу. Как я убедился уже неоднократно, в таких ситуациях больше молчат, стараются избегать разговоров, боясь провокаций.

Но затем, видно, подействовало обаяние Виктора, и через некоторое время мы несколько разговорились. Оказалось, это была семья партизана нашего отряда Петраша, бывшего до войны председателем колхоза имени Буденного в Анапском районе – его жена, дочь и мать. До прихода немцев они не успели никуда выехать, и кто-то из предателей выдал их немцам. Жена Петраша много плакала, боясь за дочь, маму, себя, ничего не зная о судьбе мужа. Нам скрывать, что мы партизаны, не было никакого смысла – немцы о нас знали всё, поэтому мы сразу же рассказывали им, что были в одном отряде с Петрашем и что виделись с ним примерно два месяца назад.

В соседней камере, за дощатой перегородкой, сидел всего один человек – до войны он был моим соседом и жил через два дома от нашего. Это был безобидный, добрый, застенчивый старик, которого все уважали и звали просто: дедушка Израиль. С приходом немцев он сразу же был арестован и брошен в гестапо; причина этого была одна – еврей. Жена Петраша рассказала нам, что она через стенку слышит, как его каждый день зверски избивают, не дают ни воды, ни еды. В первую же ночь нашего пребывания здесь мы слышали его тяжёлые стоны, бред, плач. К утру, он затих – умер.

Утром к нам в камеру привели и посадили трёх молодых мужчин лет по 28–30. Это были здоровые, крепкие ребята, работавшие на мельнице и обвиненные немцами в том, что они якобы снабжали продуктами партизан. Все трое были уверены, что немцы вот-вот разберутся и выпустят их отсюда, так как никаких партизан они и в глаза не видели и тем более продуктами их не снабжали. Но нам было видно, что этими разговорами они просто поддерживают, утешают самих себя, а в душе у каждого из них страх.

В середине дня всех троих одновременно увели на допрос. Прошло два часа, и их возвратили к нам в камеру. Это было что-то ужасное! Мы сами уже многое испытали на себе, но то, что увидели сейчас, заставило нас содрогнуться.

Вернули в камеру двоих из трёх: открылась дверь, и через неё от толчка в спину ввалился и упал на пол один; второго, держа за порванную одежду, боясь выпачкаться в крови, внесли и бросили полицаи. Первый в сознании, он стонет, изо рта идет кровь. Мы бросились к нему, подтащили, прислонили к стене: он был весь мокрый и липкий от воды и крови, – видно, терял сознание во время допроса и пыток, и на него лили воду. Одежда в клочьях, по телу раны, из-под слипшихся волос течет кровь и заливает заплывшие глаза. Кости ребер, по-видимому, переломаны, так как при малейшем прикосновении к груди, к животу он стонет от боли.

Бабушка быстро стала рвать что-то белое и вместе с невесткой обтирать, промокать и перевязывать его; дочь, перепуганная увиденным, сидела в углу, закрыв лицо руками.

Мы с Виктором, как могли, старались помочь им, но не успели хоть кое-как привести в порядок одного, как лежащий у стены на миг пришел в сознание, приподнялся, но тут же закашлялся, ртом хлынула кровь, – он упал на спину, захрапел и скончался.

В ярости от всего увиденного, Виктор вдруг бросился к двери, ударами ног вышиб нижние филенки, бьет кулаками, кричит.

Прибежали полицейские, открыли дверь.

– А-а! Гады! Бей! – Виктор совершенно потерял контроль над собой. Ударом ноги в живот он отбросил одного полицейского, бросился на другого, повалил, вцепился в автомат, пытается его сорвать. Но... удар по голове прикладом, и он свалился с перепуганного полицейского.

К моему удивлению, его не стали бить. Прибежали немцы и что-то приказали полицейским. Те подняли Виктора, занесли и бросили в камеру, где недавно умер дедушка Израиль. Потом вынесли труп умершего из нашей камеры. Принесли ведро с водой, тряпку, приказали нам смыть кровь с пола, забили фанерой разбитую Виктором дверь.

Ещё через час пришли и увели нашего случайного товарища по камере: жестоко избитого, уже несколько пришедшего в себя, но ещё не способного самостоятельно двигаться.

Я остался один с женщинами. Все мы были подавлены ужасом увиденного, так быстро произошедшего на наших глазах, в душе понимая и сознавая, что нечто подобное не минует и нас. Остаток дня и наступившую ночь мы в камере не разговаривали, каждый был занят своими мыслями. Изредка вздыхала и охала бабушка, тихо плакали мама с дочерью. Утром, после того как прошли по камерам немцы и полицейские, проверив наличие заключенных, вновь брякнул замок на дверях в камеру Виктора. Туда вошли немцы, и я услышал команду:

– Вставайте! Вэк! Пошеть! Скоро!

Топот ног, возня, – и Виктора вывели. Руки у него были скручены и связаны сзади. Проходя мимо нашей двери (Виктор не знал, что я наблюдаю в щель за происходящим), он стукнул ногой в дверь и крикнул:

– Прощай, Николай! Не забывай матроса Витьку!

Немцы загалдели, замахали кулаками.

Щель в двери позволяла мне далеко видеть вперёд. Вот подходят машины, кого-то привезли, вот полицейские ведут людей из камер на допросы, – и назад, избитых, еле волочащих ноги. Среди полицейских я вижу знакомых: Кирьякиди, Володьку Мартына. У входа в казарму беседуют предатель Яринов и начальник полиции Кипариди. Мимо двери полицейские проводят моего товарища по истребительному батальону и партизанскому отряду Витю Коробова. Его рубаха, руки в крови, лицо белое, как стена...

Во дворе, у ворот, автомашина с крытым кузовом. К ней и подвели Виктора Головахина. Пока открывали задний борт, к нему подошёл Яринов и что-то со злобной усмешкой сказал. Плевок в рожу, удар ногой в живот – и вот уже Яринов, отлетев к ступенькам крыльца, корчится от боли, схватившись за живот. Полицейские бросаются на Виктора, мелькают кулаки, и, наконец, его бросают в кузов машины. Туда же прыгают немцы, двое полицейских, борт закрывают, и машина выезжает со двора.

Остаток дня, да временами и на следующий день, я не отходил от двери, наблюдая за всем происходящим во дворе. Возможно, увижу Виктора! Но не увидел. Можно было предполагать, что его увели и расстреляли на Глинице у Супсехской горы, где гестаповцы расстреливали всех, но я надеялся хотя бы что-либо услышать о нём. Я чувствовал, что он не может так просто уйти из жизни. И моё чувство не обмануло меня...

Много лет спустя, в разговоре с мамой, вспоминая тяжелые военные годы, я повторил ей рассказ о Викторе, сожалея, что ничего не знаю о его судьбе. И вдруг от неё я услышал следующее.

На подступах к Анапе в сентябре 1943 года развернулись жестокие бои. Но, в конце концов, наши войска ворвались в город и вскоре очистили его от гитлеровцев.

В одном из полуразрушенных домов, в здании городской больницы, быстро разместился и развернул свою работу армейский госпиталь. Для обслуживания раненых не хватало персонала, моя мама бросилась в ближайшие дворы, улицы, быстро собрала из женщин большую группу и привела её к начальнику госпиталя, предложив помощь. Это было очень кстати. Женщины стирали бинты, носили воду, помогали бинтовать, утешали мучавшихся от боли. К вечеру, когда уже не было суеты, один раненный в ногу матрос подозвал маму и спросил её: «Не знаете ли, не проживают ли в Анапе Головахины?»

– Нет, – ответила мама. – Город наш небольшой, и мы, старожилы, знаем здесь всех. Головахины у нас в городе не проживают, но я знаю Виктора Головахина по рассказу сына. Они вместе были в партизанском отряде и затем сидели в гестапо. Что потом стало с Виктором, ни мне, ни сыну неизвестно.

– Я знаю, что с ним стало. Я видел, как он погиб, – сказал раненый моряк. – Я матрос с катера «морской охотник». В 1942 году мы базировались в бухте Геленджика и оттуда совершали на катерах набеги, дерзкие вылазки на побережье, оккупированное немцами, от Большого Утриша до Джемете. Высаживали на берег небольшие диверсионные или разведывательные группы, возвращались за ними через время, подходили близко к берегу и обстреливали Анапский аэродром.

Однажды даже ворвались в порт Анапы и наделали там переполоха. В общем, пока немцам не давали. В последние дни ноября во время таких походов мы и наши товарищи на других «охотниках» стали замечать нечто странное. Почти каждый раз, идя с задания вдоль берега, мы видели на берегу человека, что-то пытающегося передать нам флотским семафором. Он явно хотел привлечь наше внимание. Подойти близко к берегу было рискованно, а издали разобрать, что к чему, не было возможности: то видимость ухудшала ранняя утренняя дымка, то лёгкий туман.

Как-то, выполняя одно из заданий под Благовещенской, мы увлеклись и на свою базу возвращались уже совсем засветло. Когда проходили Лысую гору, солнце было высоко, туман рассеялся. Мы шли сравнительно близко вдоль берега, внимательно просматривая его. Вдруг у щели Шингари в прибрежном кустарнике мы заметили какое-то движение, а затем на берег, к самой кромке воды подошёл, к нашему удивлению, матрос. Командир дал нашей машине «стоп», приказал занять все места по боевому расписанию, а сам стал наблюдать за происходящим в бинокль. Матрос был в брюках, в флотской

полосатой тельняшке, голова перевязана бинтом. Сначала он поднял руку, как бы приветствуя нас, оглянулся назад на кусты, а затем, несколько помедлив, снял с себя тельник, поднял руки вверх, сделал по азбуке семафора вызов и начал быстро писать: «Я матрос Виктор Головахин. Немцы приказывают заманить вас... Не подходите к берегу... Стреляйте по мне... Рядом много гадов... Прощайте, братцы... Стреляйте, бейте...»

То ли у немцев был кто-то умеющий читать семафор, то ли по какой другой причине, – но они поняли, что Виктор пишет нам не то, что им надо. Несколько солдат выскочили из-за укрытия и на виду у нас, в упор расстреляли его из автоматов. Виктор качнулся, сделал два-три неровных шага вперед в море, к нам, и, ещё раз подняв руку с тельняшкой вверх, упал в воду. Мы, потрясенные, открыли огонь по берегу из всего, что у нас было.

Хлётко била наша пушка на баке, я очередями стегал по мелькавшим в кустарнике, убегавшим вверх по щели немцам из ДШК. Мы просили командира высадиться на берег, добить убежавших гадов. Было видно, что и наш командир горел тем же желанием, и неизвестно, что бы произошло, но обстановка вдруг резко изменилась не в нашу пользу. Со стороны Анапы, из-за Лысой горы, вынырнули два «Мессершмитта-109», один из которых атаковал нас. Командир развернул катер, и мы, лавируя и отстреливаясь от нападающего самолёта, стали быстро уходить в открытое море. «Мессер», сделав ещё пару безрезультатных заходов, оставил нас и ушёл.

Из этого рассказа мне стало понятно, что немцы не хотели просто расстрелять Виктора. Они угрозами, побоями, пытками надеялись склонить его к предательству. В то время почти ежедневно, если позволяла погода, вдоль побережья курсировали советские военные катера, а вдали, в море, – крупные корабли. Вот немцы и надумали, по-видимому, захватить один из таких катеров, используя Виктора как приманку. Для этого они вывозили его на берег в удобные для подхода катера места и заставляли семафорить проходящим мимо катерам, просить подойти к берегу и взять на борт его, матроса, будто бы скрывающегося на берегу после выполнения какого-то задания. Подводили к воде, а сами устраивали засаду для захвата катера с командой в случае, если их уловка удастся.

Но комсомолец, моряк, старшина 2-й статьи Виктор Головахин из Горловки на предательство не пошёл...

ЛЕМЯКИНА Зоя Николаевна историк, первый директор анапского археологического музея (1975–1989 гг.). В настоящее время – старший научный сотрудник отдела археологии (заповедник). Заслуженный работник культуры Кубани. Публиковалась в журнале «Родная Кубань», альманахе «Парус», «Санаторно-курортное лечение и отдых в Анапе», местных газетах.

МОРСКОЙ ВОЛК

Георгий Петрович Апостолов появился на свет Божий в 1910 году. Девять лет спустя перебрался с родителями из Керчи в Анапу, где его отец стал приемщиком-отправителем морских грузов и пассажиров в порту. Время было тревожное, не всегда понятное – гражданская война, на город один за другим накатывали «шквалы»: то красные, то белые, то опять красные...

Учился, ясное дело, урывками. Только в 1924 г. продолжил занятия в школе II ступени. Как и полагалось, был пионером, комсомольцем. А стукнуло восемнадцать – устроился на работу. Тогда в Анапском ОСВОДе (Общество спасения на воде) имелось свое парусно-моторное судно «Надежда», которым заправлял Козбаненко. Вот у него-то будущий подводник и прошёл матросскую выучку, во время которой прослыл отменным пловцом, одним из лучших городских футболистов.

По воспоминаниям родных, Георгий с юных лет мечтал посвятить себя флотской службе. Это неумное стремление привело в Ленинград. Никто, естественно, не ожидал его на берегах Невы. Путёвку на поступление в военно-морское училище он мог заработать только физическим трудом. И Георгий устроился чернорабочим на стройку электростанции. Мечта сбылась – в феврале 1930 года – комсомолия выдала ему рекомендацию в Военно-морское училище им. Фрунзе.

После учёбы Апостолов был направлен на Черное море, в Севастополь, где базировались подводные лодки. Службу начал в должности штурмана подводной лодки Щ-202.

В ноябре 1936 г. Георгий Петрович был определен на учебу в слушатели командного отдела Учебного отряда подводного плавания им. Кирова. После учебы он возвратился на службу в должности помощника командира и через два года стал исполнять обязанности командира Щ-202. Война застала молодого офицера в Севастополе.

В первый же месяц войны Апостолова назначили на должность исполняющего обязанности командира подводной лодки Щ-215. Для моряков тип корабля этого класса так же знаменит, как Т-34 для танкистов. О действиях «щук» складывали легенды, об их подвигах на Севере снят фильм «Командир счастливой «Щуки». О первых боевых успехах на Черном море писали журналисты и военные корреспонденты в 1941 году. В частности, Н.П. Вьюненко: «Систематические поиски подводными лодками вражеских транспортов и потопление некоторых из них» вызвали большую тревогу немецко-фашистского командования на Черном море. Противник выделил значительные силы для борьбы с нашими подводными лодками, до минимума сократил свои морские перевозки, испытывал чувство скованности в своих действиях».

Первый успех подводников Черноморского флота в 1941 г. связан с боевыми действиями экипажей «щук» – подводных лодок «Щ-211», «Щ-214» и «Щ-215», их командиров: капитан-лейтенантов А. Д. Девятко, В. Я. Власова и Г. П. Апостолова.

Боевой счет был открыт на Черноморском флоте 15 августа 1941 г., когда подводная лодка «Щ-2Н» потопила транспорт «Пелес» водоизмещением 5708 тонн, когда «Щ-215» отправила на дно другой транспорт водоизмещением 4000 тонн.

Биография двести пятнадцатой и ее экипажа, которым командовал Георгий Петрович Апостолов, начиналась именно летом 1941 г. Лодка успешно прошла всю войну, в числе ее боевых командиров был Герой Советского Союза капитан третьего ранга М.В. Грешилов. 22 июня 1944 г. лодка удостоена почетного наименования гвардейской. А первый подвиг экипаж совершил под командованием капитан-лейтенанта Апостолова, бывшего на ней командиром до 9 февраля 1942 г.

В боевой аттестации на Георгия Петровича от 5 февраля 1942 г. значится: «Энергичен, решителен, сообразителен и смел. В сложной обстановке способен хладнокровно ориентироваться и правильно оценить ее. Маневрами корабля овладел отлично».

За этими скупыми строчками главное – они определили по сути то, что происходило в тот период. «Щука», потопившая транспорт, оказалась в критическом положении. Противник, понеся большой урон, предпринял массированное бомбометание в районе потопления транспорта, не давая уйти отважной «Щуке». Нужны были колоссальная выдержка и маневр, и командир принял решение лечь на дно, затаиться. Сколько времени придется лежать на грунте, сколько времени может выдержать на дне подводный корабль – все это было на ответственности командира.

Наконец, самолеты ушли, и уже в критическом режиме нехватки кислорода командир отдает приказ «к всплытию». Но лодка отказывается повиноваться, бегут неумолимые секунды, минуты, а корпус вздрагивает и замирает в бессилии сдвинуться с места: илистый грунт засосал подводную лодку. Вдали от портов базирования, с ограниченным уже запасом кислорода положение казалось безнадежным. И тогда командир предпринимает действия, ведущие к раскачиванию лодки. Дышать становилось все труднее, а «Щуку» никак не удавалось сорвать с места. Умение и выдержка командира и экипажа лодки решили исход поединка. Лодка начала подъем к свету, воздуху, жизни.

За нечеловеческим напряжением последовало тяжелое заболевание – командир был госпитализирован в Гагры.

В октябре 1941 г. гитлеровцы прорвались в Крым, вышли на подступы к Севастополю. Черноморский флот перебазировался в кавказские порты, базой подводных лодок стал город Поти. Более чем в два раза увеличилось расстояние до вражеских коммуникаций у западного побережья Черного моря – нефтяной артерии врага. Трое суток требовалось, чтобы пройти сложный путь с востока на запад только в один конец. Под командованием Апостолова лодка «Щ-215» успешно совершила 4 боевых похода.

В феврале 1942 г. Георгия Петровича назначили командиром подводной лодки «Л-24» типа «Ленинец». Это был корабль новой серии с надводным водоизмещением 1051 т и подводным – 1327 т, с экипажем пятьдесят человек. «Ленинец» имел на вооружении торпедные аппараты (6 носовых и 2 кормовых) с запасом 6-ти торпед, 2 пушки (100 и 45 мм), 2 минных аппарата с 20 минометами.

В боевую задачу подводных лодок данного типа входило использование их в торпедно-артиллерийском варианте. Кроме того, они занимались установкой минных заграждений на участках вражеских фарватеров и в портах.

Героическое сопротивление Севастополя, державшегося на исключительном мужестве его защитников, требовало поддержки Черноморского флота. И когда к осажденному Севастополю не мог уже пробиться ни один корабль, с 7 мая по 3 июля 1942 г. прорывались подводники с продовольствием, боеприпасами и горючим. Из города они вывозили раненых.

Враг минировал подходы к осажденному городу, его шумопеленгаторные установки фиксировали малейшие шумы, связанные с движением лодок, применялось массированное бомбометание глубинными бомбами, предназначавшимися для подводников, – вот далеко не полный перечень препятствий, которые преодолевали советские подводные лодки на пути в Севастополь. Семь раз ходила «Л-24» под командованием капитана 3 ранга Апостолова в осажденный город.

В один из переходов в районе Новороссийска подводная лодка получила повреждения от авиабомб, а в Севастополе, стоя на мостике при погрузке раненых, Георгий Петрович был ранен в голову. По возвращении в Поти отважный подводник во второй раз попал в госпиталь. Оттуда он прислал последнее письмо родным, находившимся в Сухуми. Не долечившись, подводник выписался из госпиталя и снова принял командование подлодкой.

И опять постановка минных заграждений, торпедные атаки, дальние походы к западным берегам Черного моря, походы тяжелые и дерзкие. Так, со 2 августа по 24 октября 1942 г., «Л-24» произвела две минных постановки... А всего же, по данным кандидата исторических наук капитана 1-го ранга В. И. Дмитриева в книге «Атакуют подводники», указывается более 450 контактных мин, в том числе «учтены 20 мин, которые должна была установить в декабре 1942 г. в районе мыса Калиакрия подводная лодка «Л-24», погибшая в этом боевом походе».

У берегов Болгарии, в акватории города Варна, находится мыс Калиакрия, куда в свой последний поход уходила подводная лодка под командованием Апостолова...

Нет точных сведений о причине гибели корабля. Быть может, выполнив задание, лодка, получившая повреждение, ушла на дно, не сдавшись врагу. Так погибали подводники, так утверждалась главная морская традиция: «Погибаем, но не сдаемся!».

В письме на имя Зои Петровны Гаккель (жившей в блокадном Ленинграде) от 14 июля 1943 г. это звучит без уточнений и описаний: «Капитан 3 ранга Апостолов Георгий Петрович погиб на фронте борьбы с германским фашизмом на Черноморском флоте 21/1-43 г.» Морскому волку было всего-навсего 32 года.

В этом последнем походе как-то неожиданно «сомкнулись» западный и восточный берега Черного моря и вдруг проявилась историческая связь между городами – чужими как бы, но связанными в истории когда-то в XIX веке: русские войска, отличившиеся в штурме крепости Анапа, отличились и при взятии Варны. В Анапском музее в экспозиции выставлено объединяющее их знамя, на котором надпись «За взятие Анапы и Варны». И здесь же, в музее хранится модель подводной лодки «Л-24», погибшей у мыса Калиакрия вблизи города Варны. Модель эту привез в Анапу из Ленинграда в 1976 г. Иван Иосифович Калодяжный – морской офицер, анапчанин, выпускник анапской школы II степени, учившийся вместе с Георгием Апостоловым. Он изготовил ее сам и бережно привез в Анапу в память о своем школьном товарище. Анапчане хранят память о своем земляке в городе детства героя-подводника.

Если вы, читатель, вдруг окажетесь в Севастополе в Военно-морском музее Черноморского флота, обратите внимание на большую фотографию в зале Победы. Там на снимке 1942 г. под Военно-морским флагом – моряки-подводники после вручения им орденов Красного Знамени. Такова была военная традиция. Стоит под Военно-морским флагом Отечества и морской офицер Г. П. Апостолов.

Мудрецы о войне, мире и власти

- ✓ Воля — это то, что заставляет тебя побеждать, когда твой рассудок говорит тебе, что ты повержен. (*Карлос Кастанеда*).
- ✓ Истинное мужество готово встретиться с любой опасностью и останется непоколебимым, какое бы бедствие ни угрожало. (*Джон Локк*).
- ✓ Страх только ослабляет вашу мощь, а ваша слабость — это мощь врага. (*Уильям Шекспир*).
- ✓ Значительная часть мужества состоит в том, чтобы подготовиться к делу заранее. (*Ралф Уолдо Эмерсон*).
- ✓ Только болван может воображать, будто если в мирное время приучить человека быть трусом, так тот на войне станет вести себя как лев. (*Артур Конан Дойл*).
- ✓ Не тот или иной вид оружия, а правое дело дает истинное превосходство над врагом. (*Мигель де Сервантес Сааведра*).
- ✓ Никакая победа не принесет столько, сколько может отнять одно поражение. (*Гай Юлий Цезарь*).
- ✓ Тот, кто преуспел в военном деле, подчиняет чужие армии, не вступая в битву, захватывает чужие города, не осаждая их, и разрушает чужие государства без продолжительного сражения. Он должен сражаться с высшею целью — «сохранения». Тогда его оружие не притупится и плоды победы можно будет удержать. В этом стратегия наступления. (*Сунь-цзы*).

ХОМЕНКО Татьяна Константиновна – родилась на Вологодчине в 1946 г. Жила и получила образование в Ленинграде – полиграфист (ЛИПТ, 1965 г.). Трудилась в Анапе: главным инженером Анапского полиграфического объединения (1969–1979 гг.), в Анапском археологическом музее возглавляла отдел научно-просветительской работы. Литературным творчеством занималась со школьных лет. Автор книг: «Путь длиною в сто лет», «Продолжи песню леса» (об истории её рода – Горышиных). Публиковалась в журналах «Родная Кубань», «Санаторно-курортное лечение и отдых в Анапе», «Высокий берег», газетах «Анапа», «Черноморка», «Анапское Черноморье» и др.

ПИСЬМА СОЛДАТСКИЕ

1. «Фронтовое письмо, не молчи – расскажи...»

Самыми сокровенными в летописи Великой Отечественной войны были и остаются страницы солдатских писем. Они приходили почти в каждую семью. Фронтовые письма передают характеры авторов, их отношение ко всему происходящему. Их знали наизусть те, кому они были адресованы. Пожелтевшие, стёртые на сгибах, зачитанные до дыр... Письма с фронта часто писались наскоро, в промежутках между боями, в окопах, в блиндажах, при свете масляных снарядных коптилок, на койках фронтовых медсанбатов и госпиталей. Кажется, что некоторые письма до сих пор хранят запахи пороховой гари, фронтовых госпиталей и санбатов, сырых землянок и прокуренных вагонов... Эти письма нельзя читать без волнения, восхищения мужеством и оптимизмом авторов. Читали со слезами на глазах и с гордостью за тех, кто их писал. 70 лет их берегли как самую большую драгоценность, святыню, как самое дорогое, что осталось на память об отцах, дедах, братьях и сёстрах.

Война у каждого была своя. Для одних война – нескончаемая вереница бессонных ночей, проведённых в раздумьях над картами. Для других – огромный груз ответственности за приказы, отправлявшие десятки, сотни и тысячи людей в самое пекло боевой схватки. Для третьих – победа над собой, заставляющая подняться из окопов и идти навстречу шквальному огню. Война состояла из миллионов личных ситуаций, поэтому у каждого пережившего войну – своя история, своя память, свое детство, свои родители и дети, своя единственная и неповторимая жизнь, которую он может потерять в любую минуту. В письмах есть тревога и забота о родных и близких, размышления о будущем, о мирном завтрашнем дне. В скупых строчках – тоска по родным местам, по домашней еде. Это уникальные, подлинные документы истории, не редактируемые в угоду времени.

К сожалению, именно тема фронтовых писем Великой Отечественной войны ещё недостаточно изучена. В поисковой и научной работе в своё время она отошла на второй план, хотя в художественной и документальной литературе, в фильмах о войне и в экс-

позициях музеев письма с фронта периодически использовались для иллюстрации тех или иных событий. Если цифры о победах и поражениях, о количестве участников войны называются постоянно, уточняются и дополняются новыми сведениями, то нет даже приблизительных данных о том, сколько было написано писем нашими бойцами на фронте и отправлено домой родным, друзьям, любимым.

Сегодня, по прошествии 70 лет со дня Великой Победы советского народа в самой большой по масштабам войне XX века, мы можем представить и самый большой «океан» фронтовой переписки – с миллионами посланий, разлетевшихся по необъятной стране. Соприкасаясь с перепиской военных лет, можно бесконечно удивляться работе почтовой связи, как умудрялись почтальоны находить адресатов – на полях сражений, в госпиталях, на фронтах! А бывало и так: солдат погибал, но и после извещения о смерти родственники получали треугольники со знакомым почерком...

2. Заветное

Рядовое письмо с фронта порой расскажет нам о войне больше, чем сводки информационного бюро. Они – репортаж, и рассказ, и эссе, и записка, и признание, и покаяние... Письма с войны можно с полным правом назвать исповедью поколения, которое приняло на себя основной удар врага, не сломилось под тяжестью испытаний. В них – дух того времени, в котором жили наши предшественники, ровесники нынешних ветеранов войны.

Начало войны 1941–1942 гг. – самые тяжкие, самые суровые годы войны: период отступления наших войск, период горьких поражений, огромных жертв. А в письмах нет ни растерянности, ни паники, ни упаднических настроений.

Наш земляк майор Иван Павлович Мельников писал осенью 1941 года: *«...И думаю: неужели мы отдадим это на поругание немцам, неужели мы будем рабами их? Нет. Не бывать этому. Не позволит наш русский народ. Он любит свою Родину, свой быт, свою свободу. Много вдов и сирот останется после этой кровавой бойни, но мать-Родина будет жить...»*.

Майор Мельников погиб, защищая Ленинград. Жена осталась вдовой, дети – сиротами, но Родина осталась свободной.

Какой бы трудной и жестокой ни была война, на ней, как и в мирной жизни, ничто не было чуждо человеку. Война принесла разлуку горькую, часто навсегда. Была мучительная тоска по оставленным жёнам, детям, любимым, родным. Вот выдержки из письма анапчанина Петра Васильевича Ломанова, участника двух войн – Гражданской и Великой Отечественной в 1941–1945 годах, участника боёв под Харьковом и за Сталинград. В результате тяжёлого ранения в Сталинградской битве он потерял зрение и после нескольких сложных операций частично восстановил его.

«...Я часто смотрю и мечтаю о прошлом, ты у меня с ума не исчезаешь, одна мысль и мечты – это ты, моя красавица; моя хорошая, не унывай, живи и радуй детей. Я верен тебе до смерти... Чёрт возьми, да почему я не с тобой! Как мне надоел этот мужской пол, да в шуме-гаме войны! Пиши чаще, я жду - не дождусь... Целую, твой Петя» (1942 г.)

В период оккупации в Анапском районе неоднократно высаживались морские десанты. Незабываемый подвиг совершил отряд моряков под командованием капитана Д.С. Калинина в ночь с 30 апреля на 1 мая 1943 года в селе Варваровка, южнее Анапы. Их было 35 человек. Разведка – люди необыкновенные. Это был отвлекающий, демонстрационный десант. Как говорили, ложный, но для этих 35-и – самый настоящий. Перед разведчиками стояла задача: выявить систему обороны противника в этом районе, уничтожить телефонную и телеграфную связь, и вернуться в штаб под Новороссийск. Чтобы лучше справиться с заданием, они разделились на 3 группы.

На рассвете 1 мая перед Варваровкой раздались выстрелы. Врагов в несколько раз больше, схватка была жестокой. Группа капитана Калинина пошла на помощь товарищам. Противник, предполагая, что высадился крупный десант, начал спешно усиливать гарнизон: были срочно вызваны 2 кавалерийских эскадрона и истребительная авиация. На бреющем полёте прочесывалась каждая складка местности, где находились разведчики. Силы были неравны и быстро таяли. Вражеский полковник приказал взять командира живым. Капитан Калинин, расстреляв все патроны по наседавшему врагу, бросился вверх по склону оврага, но наверху его встретила цепь вражеских солдат. Тогда капитан достал из-за пазухи гранату и, когда оказался в полном окружении, взорвал её. Не пожалев своей жизни, он превратил её в смерть для врагов. Взрыв был не очень громким, мины рвались громче. Однако этот взрыв потряс всех.

Короткой была жизнь капитана Калинина. Его бессмертный подвиг привел в изумление даже врагов. Преклоняясь перед личной отвагой офицера, они похоронили его со всеми воинскими почестями. Вы только вдумайтесь: фашисты хоронят своего врага как героя! За стойкость и мужество, за героизм и самопожертвование во имя Родины капитану Калинину присвоено звание Героя Советского Союза (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1944 г.).

Третья группа разведчиков, по приказу командира десанта не вступавшая в этот бой, собрав разведданные, вернулась под Новороссийск. Это был тяжёлый, поистине героический путь: 8 суток ни маковой росинки во рту, походы, отчаянные броски, преследования, лай собак, ожесточённые схватки... Их уже не ждали. Разведчики уходят и не возвращаются – сколько раз на их памяти такое бывало. Но они – сначала шестеро из 35, а позднее ещё двое – все-таки вернулись! Мичману Н.А. Земцову за выполнение общей задачи десанта, за добытые разведданные присвоено звание Героя Советского Союза.

А теперь почитайте, какие удивительно тёплые, заботливые и щемяще-нежные письма писал мужественный разведчик капитан Калинин своим маленьким сыновьям и жене:

«Добрый день, мои дорогие ребятки, Вова и Валерик! Целую вас обоих, курносых, крепко-крепко! Посылаю вам свою фотокарточку, чтобы вы смотрели и не забывали своего папу. Вова, Валерика ты теперь должен воспитывать как старший брат – не давай его в обиду, заступайся за него, люби и жалеяй. Напишите мне письмо. Сделай так: Валерину ручку обведи карандашом на листе бумаги и на этом месте напиши мне, что найдешь нужным» (от 21 марта 1942 года).

«Нонночка, убедительно прошу, опиши мне сцену игры или, как ты говоришь, возни ребят... Я, кажется, до смерти зацеловал бы их, увидев, как эти два хлопчика кувыркаются на полатах...» (от 6 января 1943 года).

«Спасибо, Нонна, за описание рассуждений ребят. Мне очень нравится, что Валерик хочет иметь «чёлочку», а Вова беспокоится, что всех фашистов перебьют и ему не достанется их бить. Вот хлопчики растут! У меня на лице расплывается неудержимая улыбка» (от 13 марта 1943 года).

Поистине волнующие документы красноречиво свидетельствуют о высочайшем накале боевого духа, когда даже нет времени на лишние слова, еще чуть-чуть... Письмо от сына-артиллериста Евгения Васильевича Лобаса своей маме, анапчанке Анастасии Трофимовне Лобас:

«Нахожусь уже в Польше. Скоро дойдем до Берлина, немчура бежит без оглядки. Все дороги усеяны трупами и их техникой. Представлен к двум наградам. Насчёт писем – не обижайтесь. Времени нет писать чаще. Нужно быстрее врага разбить, пока он в панике» (от 23 июля 1942 г.).

Бережно хранится в семье Кристины Бездудней, правнучки К.Н. Пытько, документ военных лет – письмо из Центрального архива по персональному учёту потерь личного состава действующей армии тухтетскому районному военному комиссару: «Объявите гр-ке Пытько Евдокии Константиновне (старшая сестра её бабушки), проживающей в пос. Н. Амочеево, что её отец, стр. красноармеец Пытько Константин Николаевич, рождения 1904 г., в бою за социалистическую Родину был ранен и умер от ран 28 января 1943 года. Похоронен: кл. Горки Ильинского района Смоленской области».

Семейная статистика семьи К.Н. Пытько такова: из самой близкой родни 9 человек мужчин ушли на фронт. Погибли все. Остались дома вдовы, постаревшие до срока. Без отцов и старших братьев остались 15 детей в возрасте от 1 месяца до 17 лет. Дети сироты военного поколения: голодные, рано узнавшие горе; объединённые потерями, безотцовщиной, обрушившейся как стихия; с простыми желаниями покоя и сытости, с мечтами, придавленными бомбёжками, нищетой и разрухой.

Солдатскому сердцу безмерно дорога весточка из родного дома, хотя иногда это были горестные сообщения. Из фронтового письма сына, Владимира Михайловича Гончаренко, матери анапчанке Екатерине Ниловне Гончаренко:

«Мамочка! Наконец и я от вас получил письмо. Я каждый день его ждал и, наконец, дождался. Когда дочитал за папу – у меня покатились слёзы. Мне стало стыдно, ведь я боец, а слёзы текут, как у маленького. Вы знаете, как мне жаль своего отца, ведь мне не пришлось его даже увидеть перед смертью» (от 11 октября 1944 г.)

И наконец, последний год войны. Письмо воина-десантника Михаила Ефимовича Куликова своему брату Павлу. Был такой страшный бой, что во время короткой передышки бывалый солдат Куликов написал брату сдержанное прощальное письмо:

«Здравствуй, дорогой брат Павел Ефимович! Я в огне величайшего сражения в горах Венгрии, около озера Балатон. Дивизии «Мёртвая голова» и СС с тысячами танков реутся на восток. Тысячи тонн металла градом сыплются на головы наших бойцов. За время

войны я не видел такой бойни. Десятки раз моя жизнь была на ниточке. Я получил твоё письмо, ты пишешь «трудно». Я никогда теперь не скажу, что трудно – когда я живу. Трудно только здесь, где видишь человеческие клочки жизни. Дорогой братишка, прости меня за это письмо. Не подумай, что я боюсь. Нет, я очень спокоен, потому что живым остаться вряд ли кто сможет. Если увидишь Марусю – успокаивай её тем, что она сама сможет воспитать своих детей. Пусть это письмо будешь читать только ты, а все остальные не будут знать об этом. Целую тебя! Михаил» (от 17 марта 1945 г.)

Он остался жив! Имеет 16 наград Родины. Война закончилась для десантника М.Е. Куликова 12 мая 1945 г. в Будапеште. После войны – учитель математики. Отличник народного просвещения, заслуженный учитель школы РСФСР. Жил в Анапе, шефствовал над молодыми десантниками военной части. Умер в возрасте 96 лет.

И ещё одно письмо – в Центральный госпиталь г. Москвы, Сергею Александровичу Жигальцову от его командира С.Д. Марковцева:

«Серёжа! Здравствуйте! Ваше письмо получил, но с ответом задержался – добываем немчуру. Извините за задержку, а с полной победой над врагом поздравляю от всей души. Ваш труд в деле разгрома вложен также немалый, жаль, что вы не смогли принять участие в доколачивании врага; не всем же суждено делать это лично. Враг добит. А ваше желание вернуться в часть – я поддержу» (от 15 мая 1945 г.).

С.А. Жигальцов был награждён четырьмя боевыми орденами и многими медалями. После войны он работал врачом-невропатологом Анапской городской поликлиники, заведовал неврологическим отделением районной больницы. 40 лет трудовой биографии были отданы здравоохранению.

Возможно, сегодняшним молодым людям могут показаться несколько непонятными размышления их далёких ровесников о жизни, долге, смерти. Какие высокие моральные требования предъявляли они себе и близким! И они были искренни, думая сначала о Родине, а потом о себе. Верись проникновенным словам этих по-особому мудрых, безусых солдат, курсантов о любви к своей стране, их вере в победу.

Авторы писем навсегда остались в памяти родных и друзей молодыми, весёлыми, любящими и любимыми.

3. Фронтовые письма как исторический источник

Многие исследователи исторических событий обращаются ныне к письмам Великой Отечественной войны. Эти письма с пометкой «воинское» пришли к нам через годы, связывая прошлое и настоящее. Они «свидетели» того, как люди в солдатских шинелях шли трудной дорогой войны, как они вершили свой подвиг, подчас ценой жизни, ради победы, пусть маленькой, но победы, которая влилась в Великую Победу 1945-го...

Фронтовые письма – документы особые. Их авторы – люди разных возрастов и профессий, различного жизненного опыта. Война оторвала их от мирной жизни и сделала фронтовыми «коллегами». Каждое письмо могло быть последним. Поэтому любое письмо,

пусть глубоко личное, пусть, на первый взгляд – незначительное, имеет историческую ценность.

Самый распространённый вид фронтового письма – это лист бумаги, сложенный «треугольником». Интересно, что были письма, сложенные и «ромбом» и «прямоугольником» с заправленными краями. В ход шел любой материал: тетрадные листы, листы обёрточной бумаги, фрагменты листов бухгалтерских книг, школьных дневников, блокнотов разных форматов.

В годы войны наряду с плакатами и листовками, которые являлись поддержкой духовных сил фронтовиков и несли особое смысловое значение, были созданы специальные типографские бланки, почтовые карточки, почтовые открытки с иллюстрациями. Эти художественные изображения имели определённый психологический настрой. Специальные бланки издавались в типографиях по госзаказу Управления военно-полевой почты, Военкниготорга, Воениздата НКО и госиздательства «Искусство». На лицевой стороне таких бланков и карточек было выделено специальное место для адреса, а рядом помещалось графическое изображение патриотического содержания.

Первоначально почтовые карточки были без иллюстраций, в верхней части лицевой стороны, над адресом крупно написано «Воинское бесплатное». Позже стали издавать – с иллюстрациями, и на них указывалась цена: 3 коп., 6 коп. Цветные бланки для писем стоили 10 и 15 копеек. Иногда на таких бланках стоит штампель «Доплатить».

Почтовые бланки и карточки выпускались большими тиражами. На многих указан тираж – 1000000, 1300000 экземпляров. Иллюстрации на почтовых бланках и карточках интересны не менее, чем содержание самих писем. Чтобы поднять патриотический дух, на этих бланках и карточках изображали портреты великих российских полководцев – Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова. Эти иллюстрации чаще чёрно-белые. Под портретом – обязательный текст, либо крылатая фраза, либо цитата из речей Верховного главнокомандующего. К примеру: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Сталин». Или: «Смерть немецким оккупантам!», «Наше дело правое – победа будет за нами!», «Мы ведём войну справедливую!»

Другой вид графических изображений представляет собой целый сюжетный ряд. Например, группа советских бойцов атакует немецкие позиции; советские танки идут в атаку; воздушный бой и т.д. Все сюжеты сопровождаются текстами патриотического содержания. Тексты часто писались в стихотворной форме.

Наглядность и доходчивость изображения, массовость, оперативность отклика на текущие события отвечали насущной потребности в боевом, агитационном, проникнутом идейностью, характере изображений, способном мобилизовать народ на борьбу с фашизмом, поднять дух и укрепить веру в победу.

Большое количество фронтовых писем написаны карандашами, чаще химическими, реже – цветными. Ручкой с чернилами могли себе позволить писать не все (как правило, офицерский состав). Интересно, что если в письмах указывалось место боевых дей-

ствий или еще какие-нибудь запретные сведения, эта строка густо замарывалась военной цензурой. Но из контекста письма адресатам многое становилось понятным.

На всех письмах, открытках, почтовых карточках военной поры проставлен штемпель «Просмотрено цензурой». Военная цензура была образована 6 июля 1941 г. В соответствии с требованиями секретного постановления Государственного Комитета Обороны, «в целях пресечения разглашения государственных и военных тайн и недопущения распространения через почтово-телеграфную связь всякого рода антисоветских, провокационно-клеветнических и иных сообщений, направленных во вред государственным интересам Советского Союза». В каждой из 124 армий было отделение военной цензуры, а в каждом отделении до 20 контролёров. При управлении фронтов тоже были отделы военной цензуры. Обратную почту контролировали тыловые пункты военной цензуры. Ежедневная норма для контролёра составляла 600 писем. Задача эта была очень сложной, необходимо было внимательнейшим образом перечитывать содержание корреспонденции для выявления изменников, паникёров, дезертиров. В общем почтовом потоке также необходимо было выявлять агентурные шпионские отправления.

Победа в войне была добыта ценой великих жертв. Фронтовые письма – великая и горькая правда о той войне, о невыносимых страданиях и бездне горя нашего народа. Всё меньше и меньше остаётся ветеранов Великой Отечественной войны – тех, кто был, знал и видел. История Великой Отечественной войны составлена и из их судеб. Нынешнее поколение людей – последнее, кто может видеть участников этой войны.

Известный русский актёр Василий Лановой рассказывал: «В Европе журналисты мне в лицо говорили: «Что вы в России со своей Победой носите? Вот мы уже забыли». Я у них спросил: «Сколько дней ваши страны сопротивлялись Гитлеру?» Молчат. Тогда я продолжил: «Польша была завоёвана за 28 дней, и за те же 28 дней в Сталинграде немцы смогли захватить всего несколько домов. Дания продержалась ровно день. А вся Европа покорилась за три месяца. И освободить её пришлось нашим солдатам. И какой ценой! Миллионы жизней советских солдат, отданных за освобождение европейцев от фашизма». Но Европа предпочла об этом забыть». Мы забывать это не должны! Наш святой долг понять, сохранить и передать молодёжи как можно больше достоверных деталей этого вселенского столпотворения народов. Чтобы знали и гордились участниками Великой Отечественной войны, чтобы помнили их. И чтобы никогда больше такое не повторилось!

ПУТЬ К МЕЧТЕ

Чьи вы будете, земляки?

30-е годы XX века на Кубани характеризовались массовой высылкой жителей станиц (кулаков), голодом, коллективизацией хозяйства. Вот как вспоминает то время Л.И. Бузулук (Денисова), которую маленьким ребенком привезли сюда родители: «В 1930-х годах 30–40 семей были переселены со Ставрополя на постоянное место жительства в станицу Анапскую. Там оставили государству свои дома. К этому времени из станицы Анапской были сосланы в Среднюю Азию крепкие середняки – кулаки (1 корова, 2 кабанчика в хозяйстве семьи, земля – уже кулак). В их освободившиеся хаты и заселили прибывших. Жили приезжие коммуной, как одна семья: вместе работали, из одного котла ели, для детей была выделена маленькая хата-ясли. Дети вместе содержались. Тогда образовывались колхозы, местные люди трудились в колхозах имени Ленина, им. Коминтерна, Политотделе, Большевике; а приезжие ставропольцы всей коммуной вошли в колхоз имени Димитрова. Работали много, голод пережили. А в это же время в Ставрополье гибли люди целыми селениями. «Мы рады были, что оказались на Кубани и остались живы» – вспоминает Л.И. Денисова.

Заневестилась в семье Денисовых красавица дочь Любушка, вышла замуж за вернувшегося с войны моряка тральщика-минёра Бузулука Ивана. Его семья – переселенцы из Украины. Отец, Иван Артёмович Бузулук, был кузнецом колхоза им. Кирова, известным на всю округу. Молодые перебрались жить в Анапу. Родились у них дети: в 1953 – Валентин и в 1963 – Лариса. Построили на пару с отцом большой дом на 2 семьи. Муж работал и учился, окончил институт легкой промышленности. Работал в горбытуправлении – последние годы главным инженером, заместителем директора. Жена трудилась в зелентресте, мехпекарне, 26 лет перед пенсией – зам. главного бухгалтера анапского хлебозавода. И.И. Бузулук ушел из жизни в 1986 г. (инфаркт). А Любовь Ивановна (ей сейчас 87 лет) живёт вместе с семьёй дочери на улице Парковой. Не нарадуется своей внучкой Дианой и ждёт сына Валентина, приезжающего к ней каждый год. Вот об этом достойном представителе семьи – Бузулуке В.И. и будет мой рассказ.

Послевоенное детство

Город наш стоит у моря, но Валентин с раннего детства полюбил небо. Родные это заметили и «пророчили», что будет он лётчиком. Он и сам в это искренно верил. Как-то к ним в детсад пришел фотограф с детской лётной формой, многих детей сфотографировали. Фотографию, где пятилетний Валентин Бузулук – «лётчик», он до сих пор показывает с некоторой гордостью.

Несмотря на всеобщую бедность, детская жизнь была счастливой. А какой вкусной была акация – её цветки во время цветения! Ели также и стручки, когда они только поспевали – то можно было съесть ядрышки. А осенью стручки становились сухими и коричневыми, но внутри находилось нечто густое и тёмное: горькое и сладкое, как мед. А серый хлеб, помазанный маслом и посыпанный сверху сахаром, был праздничным блюдом!

Средняя школа № 2 г. Анапы

Первая школьная учительница – Любовь Евгеньевна Вартеросян. В начальных четырёх классах она пыталась заложить в головы своих подопечных все основы общечеловеческих ценностей: что курить вредно, а мусорить нехорошо, что нужно уважать старших и помогать беспомощным.

В пятом классе учительница по математике Екатерина Сергеевна Данилова разглядела у Валентина математические способности. Но ему больше нравились физика, которую преподавал участник войны, завуч школы Виктор Семенович Нечитайло. У кого из учеников он замечал интерес к физике – давал дополнительную литературу и задачи сверх школьного курса.

Валентин Бузулук очень благодарен своим школьным учителям.

А небо по-прежнему влекло. В те годы анапский аэродром находился в конце ул. Ленина, за «Скорой помощью». Однажды их классом повели на аэродром, и он впервые увидел самолёт вблизи. Это был «кукурузник» Ан-2. Можно было подняться по трапу и заглянуть вовнутрь. При этом получил некоторое разочарование, так как изнутри самолёт показался очень тесным. С тех пор часто ездил со сверстниками на велосипедах смотреть самолёты. В Анапу тогда прилетали легкомоторная «Пчёлка» Ан-14 и Чешское аэротакси «Морава» (я тоже их помню: билет до Краснодара стоил 4 руб., и через 40 минут полёта ты – в Краснодаре! – *авт.*). Прилетал и более тяжёлый самолёт Ли-2. Тогда к самолётам можно было запросто подойти, и вблизи можно было посмотреть, как они взлетают. Огромным событием стало появление самолёта Ан-24. Он казался просто огромным, а его хвост был виден за несколько километров.

В 5-м классе Валентин жадно прочитал книгу «Цель жизни» авиаконструктора А.С. Яковлева, а в 7-м классе его душой завладел авиамодельный кружок в Доме пионеров г. Анапы. Так хотелось ему по-настоящему стать конструктором и создавать новые самолёты! Крепло желание поступить в авиационный институт.

Несколько раз участвовал в городских олимпиадах по физике и математике. В восьмом классе учительница Е.С. Данилова рассказала ему про спецшколу-интернат физико-математического профиля (ФМШ) при МГУ. Можно было попытаться туда поступить, но сначала – на краевую олимпиаду в г. Крототкин. В составе группы школьников от нашего города был и Валентин Бузулук. На краевой олимпиаде среди анапчан победителей не было, но первый тур экзаменов в ФМШ прошли все. Вскоре в Ростове состоялся

второй тур, после которого из всей анапской группы приняли в ФМШ одного Валентина Бузулука. Так в 15 лет он уехал учиться в Москву.

Физико-математическая школа в Москве

Таких спецшкол в стране в то время было пять, созданы они по инициативе всемирно известного математика – академика А.Н. Колмогорова. Спецшколы были задуманы для того, чтобы по всей стране отыскивать одарённых учеников и как можно быстрее привлекать их к научной работе. Здесь учились ребята, занимавшие призовые места на Всесоюзных и Международных олимпиадах. А.Н. Колмогоров руководил московской спецшколой, в которой читал им лекции по геометрии. Большинство преподавателей были из МГУ. Сейчас московская ФМШ называется Специализированный учебно-научный центр – СУНЦ им. А.Н. Колмогорова. Тогда в интернате было 5 девярых и 7 десятых классов. Валентин попал в «А» класс. Из Краснодарского края здесь было 5 человек, и жили все в одной комнате. Девочек в интернате было очень мало, в их классе всего трое.

Уже в более поздние годы Валентин Иванович осознал, какая это была удача встретиться с такими преподавателями и одноклассниками! Двухлетнее пребывание в такой необычной среде сыграло немаловажную роль в его жизни. Самое главное – он научился тому, как надо учиться. В ФМШ было множество факультативных курсов по математике и физике, ракетодинамический кружок, который был ему интересен. Про интернатскую жизнь он может много и долго рассказывать.

Всех выпускников ФМШ ориентировали на поступление в МГУ или МФТИ (престижные во все времена вузы в Москве). Но при этом учителя советовали, чтобы каждый про запас имел обычный ВУЗ. В МГУ и МФТИ экзамены проводились в июле, а в остальных – в августе. По окончании этих ВУЗов они стали бы преподавателями физики, математики, а ему хотелось строить самолёты, а это – возможно только после окончания Московского авиационного института.

Но всё же вначале Валентин поступал в МФТИ. Экзамены сдал, но его не приняли по результатам устного собеседования, которое проводилось после всех экзаменов. Значит, к лучшему!

Московский авиационный институт

Бузулук сразу же поехал подавать документы в МАИ на факультет «Самолётостроение и вертолётостроение». И поступил! В группе он оказался самым успевающим, сказавшись учёба в ФМШ. Но учился не очень старательно, о чём потом пришлось ему сожалеть. Последние семестры сдавал экзамены на отлично, получал повышенную стипендию. По тем временам, это были очень приличные деньги – где-то 75 руб. Окончил институт с отличием в 1976 году.

Затем В. Бузулук женился на Атарщиковой Тамаре Михайловне, окончившей анапскую СШ № 2 позже его на 5 лет. И с тех пор они всегда вместе.

При распределении отличникам давалось право самостоятельного выбора места работы. В самолётное конструкторское бюро Москвы брали только москвичей, жилья не предоставляли. Он выбрал Подмоскowie – г. Жуковский, ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт им. профессора Н.Е. Жуковского). Смутно представлял себе, что это такое, так как все предприятия авиационной и ракетной отраслей были засекреченными.

В 1977–1979 годах служба в Советской армии. В МАИ была военная кафедра, и по окончании всем присваивалось звание лейтенант инженерно-технической службы ВВС. Вначале служил в Монголии, а затем – в авиационном полку в Забайкалье. Работал техником самолёта Су-17 (истребитель-бомбардировщик с изменяемой геометрией крыла). Понял, что военная служба – тяжелый труд.

ЦАГИ – это удача

ЦАГИ – это головной институт авиапромышленности. Он был образован по инициативе Н.Е. Жуковского ещё в 1918 г., это история развития российской авиации. Из ЦАГИ вышло большинство современных научных институтов. Рядом с ЦАГИ находится лётно-испытательный институт им. М.М. Громова с самой длинной в Европе взлётной полосой. Ни один самолёт не поднимается в воздух без заключения ЦАГИ, и практически все отечественные самолёты испытывались в ЛИИ.

В 1980-е годы численность ЦАГИ была максимальной и достигала 14 тысяч человек. В ЦАГИ создана уникальнейшая экспериментальная база, отрабатывались не только образцы авиационной и ракетной техники, но и различные уникальные объекты народно-хозяйственного назначения. В разные годы здесь работали всемирно известные ученые, даже будущий президент академии наук СССР М.В. Келдыш. В тяжёлые 1990-е годы всеобщего развала институт устоял, хотя его численность сократилась в несколько раз.

Когда В. Бузулук впервые пришел в ЦАГИ, им руководил академик Г.П. Свищев. Его отделение занималось исследованием перспектив развития авиационной и авиационно-космической техники. Оно было создано по инициативе известного ученого Л.М. Шкадова, который и руководил отделением долгие годы. Все эти годы В. Бузулук трудился в секторе, где исследовалась гиперзвуковая и аэрокосмическая техника. Теперь Валентин Иванович хорошо понимает, какая ему тогда выпала удача!

Так практически сбылась его мечта. Хоть он и не стал авиаконструктором в прямом смысле этого слова, но всю жизнь занимался разработками перспективных изделий.

Итоги работы

За годы работы им лично и в соавторстве выпущено свыше 200 научно-технических отчётов и 60 печатных работ. Несколько работ были представлены на различных Международных конгрессах и конференциях. Участвовал в разработке проектов одноступенчатых воздушно-космических самолётов Ту-2000 и МиГ-2000, двухступенчатой авиационно-

космической системы МИГАКС. Приходилось сотрудничать с ведущими специалистами различных предприятий авиационно-космической отрасли, в том числе с главным конструктором орбитального корабля «Буран» Г.Е. Лозино-Лозинским.

Определённым итогом его работы стала монография «Оптимизация траекторий движения аэрокосмических летательных аппаратов», изданная в честь 90-летия ЦАГИ. В этой книге изложено большинство разработанных им алгоритмов, необходимых для расчёта высокоскоростных летательных аппаратов. Сейчас В.И. пишет вторую книгу – по перспективам развития авиационно-космических систем.

В последние годы участвует в работах по созданию семейства новых многоразовых ракетно-космических систем (головной разработчик – космический центр им. М.В. Хруничева). Через несколько лет эти системы выведения должны стартовать с нового космодрома «Восточный», строительство которого было начато недалеко от г. Благовещенска.

В 1993 г. В.И. Бузулук защитил кандидатскую диссертацию, в 2007 г. – докторскую. С 1995 г. он – член-корреспондент Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского.

В 2008 году в честь 90-летия ЦАГИ награжден ведомственной медалью (знаком) «За содействие космической деятельности». В 2010 г. в честь 50-летия нашего научного отделения награжден медалью Г.Е. Лозино-Лозинского и Золотым знаком ЦАГИ; в 2011 г. – медалью ЦК КПРФ «50 лет космонавтике», юбилейной медалью Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского «50 лет полета Ю. Гагарина».

В. Бузулуку очень повезло в жизни: он занимался любимым делом. Это очень много значит в жизни человека.

А кем будете вы, сегодняшние школьники? Как видите, у настойчивых, целеустремленных, упорных в повседневной работе – мечты сбываются!

Мудрецы о времени и мироздании

- ✓ На основе прошлого познаем будущее, на основе ясного познаем скрытое. (*Мо Цзы*).
- ✓ Какое счастье, что память возвращает нам прошлое не для того, чтобы переделать его, а лишь затем, чтобы осмыслить, оплакать и понять. Мы в ответе за все — за каждый поступок и за каждое слово, и память предлагает нам обдумать, зачем мы жили, что мы сделали со своей жизнью, было ли у нас назначение и выполнили ли мы его. (*Надежда Мандельштам*).
- ✓ Сегодня вот все, что есть; сейчас — единственное время, в котором вы есть, единственное время, в котором вы когда-либо будете. Если вы хотите жить, значит — сейчас или никогда. (*Ошо*).
- ✓ Время летит — это плохая новость. Хорошая новость — вы пилот своего времени. (*Майкл Альтишулер*).

«ПОКА ЧИСЛЮСЬ В ЖИВЫХ...»**БЕЛОУСОВ Константин Фёдорович****(1913 г. – 02.03.1943 г.)**

В первые часы войны по повесткам, присланным из военкоматов, и добровольному желанию защищать Родину отправились большинство из тех, кто мог держать оружие. Но далеко не всем им суждено было вернуться домой. Среди них – и Константин Фёдорович Белоусов, мобилизованный на фронт в возрасте 28 лет.

Родился Константин в 1913 году в селе Сердеж Салобелякского района Кировской области. С детских лет отличался трудолюбием, сноровкой, дисциплинированностью. Потому предприятие, на котором он работал после школы, послало его на учебу в Ленинград – на Высшие Курсы Прикладной Зоологии и Фитопатологии (ВКЗиФ). Вместе с ним на двухгодичных курсах училась миловидная, но необычно строгая анапчанка – Ведергорн Ольга Яковлевна, которую все близкие ласково называли ее «Лёка». С каким увлечением она рассказывала Константину об Анапе, о море и его скалистых берегах, золотых песках пляжей, о парковых аллеях и деревянных резных беседках с загадочными названиями: «Вилла Коломбины», «Мавзолей», «Беседка любви», о своей комсомольской юности! А ещё о Доме обороны, где молодёжь обучалась военным специальностям, слушала оркестровую музыку, пела песни. Как иногда ночью по тревоге совершали марш-броски до Сукко, а днём делали заплывы от Бимлюка до порта. Даже похвалилась тем, что в числе первых советских девушек закончила с отличием стационарную снайперскую школу, и Северо-Кавказский военный округ в её честь выпустил агитационный плакат, на котором она изображена во весь рост со снайперской винтовкой. Молодые люди много времени проводили вместе, полюбили друг друга, и после окончания учебы поехали вместе на родину мужа, в село Сердеж Кировской области.

А вскоре началась война. Специалистам-агрономам предоставили отсрочку – до конца уборки урожая хлеба. Поэтому на фронт Белоусова забрали в сентябре 1941 года. Остались дома молодая беременная жена Лёка вместе со свекровью, сестрой мужа – Матрёной (Мотей) и ее дочерью Ниной. Грамотного парня сразу направили на 2-х месячные курсы политработников – на Урал, в Свердловскую область (г. Красноуфимск). После курсов – назначение политруком миномётной роты г. Димитров.

30 декабря 1941 г. – первое ранение (в руку и плечо), которое мучило очень долго. Затем воевал на севере Московской области (Клин, Ржев). Второе ранение – у деревни Парфенково. А 24 марта 1942 г. в его семье, в далеком Сердеже, родился долгожданный ребенок – дочь Белоусова Эмилья.

С 23 июля 1942 г. Белоусов – комиссар 181 отдельного сапёрного батальона. Вскоре, с 20 ноября 1942 г., он – уже капитан, помощник командира того же батальона по политчасти. В январе 1943 г. едет через Москву, Калач (Воронежской обл.) на курсы командиров стрелкового батальона. С вокзалов шлёт домочадцам почтовые открытки.

Участвовал в боях за освобождение Украины.

Жуков Г.К. так писал о пехоте: «Я много раз видел, как советские солдаты шли вперёд, презирая смерть. Это нелегко – подняться в бой, когда смертоносным металлом пронизан воздух. Но они поднимались! А ведь многие из них едва узнали вкус жизни, лучший возраст для человека – всё впереди! А у них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергающий пулемётный огонь...»

Биографию отца составила его дочь, Белоусова Эмилья Константиновна со слов своей матери – анапчанки Ведергорн Ольги Яковлевны. Им не довелось встретиться, лишь бережно сохранены дочерью фото, документы и письма отца. Предлагаем Вашему вниманию 34 фронтовых письма Белоусова, опубликованных с сохранением (по возможности) орфографии и пунктуации автора писем, чтобы полнее была воссоздана обстановка тех лет, характер героя, не вернувшегося с войны.

28/IX 1941 г.

«Любимая мама, сестра и Лёка! Сегодня у нас выходной день, и я решил написать письмо, и думаю отправить телеграмму о немедленной... посылки, но удастся или нет, сказать трудно. Живу почти хорошо. Все главные трудности впереди, после окончания курсов. Курсы по плану кончатся 18 ноября. Если удастся выдержать экзамен, то ...в часть в качестве политического руководителя роты и батареи. День загружен до отказа: встаём в 6 часов утра, и отбой в 11 часов ночи. Организм пока выдерживает вполне без особенных трудностей. В смысле успеваемости от товарищей не отстаю, т.к. большинство в армии не были, и образование имеют не больше моего.

Материальное обеспечение хорошее: 550 рублей в месяц и удержание из них не больше 150 рублей. Личные дополнительные расходы будут незначительные. Будучи на курсах, ежемесячно думаю посылать вам рублей по 300. Хлеба дают по 800 грамм.

Вы, наверное, изрядно ругаете меня за то, что оставил вас без корма, дров, не заготовил их. Постарайтесь выполнить эти задачи сами, а я, если вернусь, когда-нибудь возьму несделанное. Корову следует обязательно продать, и все деньги употребить на покупку хлеба, на который можно будет купить корову весной. Если корму не хватит, то следует купить только сейчас, а весной его не найти, и он будет очень дорог. Дров заготовьте сейчас же, иначе они будут очень дороги. По всем этим вопросам действуйте быстро и решительно. В квартиру никого не пускайте, не смотря ни на что, если даже будут принуждать кого-нибудь пустить.

Вам следует улучшить питание. Не жалейте для этого средств. Сестрёнку можно перевести на работу в Сердежский колхоз. Тогда можно будет улучшить её питание. О вашем здоровье. Надо беречь его всеми мерами. Озаботьтесь о теплой обуви для каждого. Лёке нужно заказать новые валенки хорошему мастеру. Сейчас пусть Лёка в качестве обуви использует мои хромовые сапоги – их надо отремонтировать. Обеспечьте тёплой одеждой на зиму и особенно Лёка. Убедительно прошу: не жалейте имеющегося материала для изготовления одежды. Материал всегда можно приобрести, а потерянное здоровье не купишь. Мама, уступите, пожалуйста, на одно платье Лёке, а то у ней их скудно, а достать ей из дома сейчас невозможно.

Дорогая Лёка! За организацию своей жизни берись сама, не стесняйся мамы и сестры. Лёка! Попробуй, напиши в Анапу; нельзя ли послать пальто, может, через военных, а то ты можешь замерзнуть. И не только одна, но и с наследным принцем. Пожалуйста, черкни, как с ним, какие симптомы. Береги свое потомство как зеницу ока.

Не обижайся, может быть, когда-нибудь был грубоват. Поверь, что мои отношения к тебе неизменны: я люблю тебя сильно и не жду ничего лучшего. Ты стала для меня дорогой и незаменимой. В тебе я нашел полное удовлетворение своих планов и замыслов. Жаль, что летом меня заела работа, и на тебя я недостаточно выделил времени. Пиши подробней все новости Сердежа, Камашки, Москва–Анапа! Кого взяли в армию в Сердеже и Камашке. Как живете, состояние здоровья и хозяйственных дел, как с работой и т.д. Обнимаю и целую вас всех. Костя.

18/X-1941 г.

«Здравствуйте, дорогие Лёка, мама, сестра. Сегодня возвращаюсь из городского отпуска. Долго пришлось ждать вашего письма, и я уже начал приходить к заключению, что все вы забыли о моем существовании, и решил никому из вас ни разу не писать. Сейчас пришлось изменить это решение, по-видимому, как ошибочное.

Вчера в 20 час. 00 мин. вернулся из шестидневного похода. Перед походом беспокоился за состояние здоровья, т.к. нужно жить в шалашах, и все походы требуют дополнительного и большого напряжения сил. Снежная и холодная погода, тяжести похода перенёс хорошо. Весь мой организм переживает коренную реорганизацию и с ней справляется лучше всех моих ожиданий. В весе потерял очень немного. Во время похода удалось кой-какие продукты подкупать. Уничтожил один литр молока, о котором уже изрядно соскучился. Сегодня, будучи в городском отпуске, приятно по домашнему пообедал в городской столовой.

Пока живу хорошо. Здоровье в порядке и, пожалуй, лучше, чем дома, а поэтому обо мне можете не беспокоиться.

Рад, что сынишка растет. Ты, наверно, становишься совсем толстенькой. Интересно бы на тебя посмотреть в таком состоянии. Довольна ли ты тем, что у нас с тобой растет наследный принц? Ты подумай как его или её назвать и черкни мне для согласования. Сама берегись, а то может бесполезно пропасть наша работа. Дети делают жизнь интересней, полней, радостней.

Было бы хорошо встретиться с тобой до отъезда на фронт. Если назначат в формирующуюся часть и в ней задержусь с месяц, то я думаю, ты сможешь приехать на это время ко мне. Как ты думаешь?

Прошел уже целый месяц пребывания на курсах. Впереди ещё один месяц. Не исключена возможность досрочного окончания, т.к. часть людей уже взята в часть. При назначении в часть буду проситься в химическую роту. Как ты думаешь по этому вопросу?

Пошли мою яранскую фотокарточку. Пиши, как обеспечились хлебом, кормом, дровами. Привезли ли хлеб из Гришинского колхоза и сколько. Много ли накопили картофеля на усадьбе, созрел ли на усадьбе овёс. В состоянии ли обеспечить корма-

ми овец и корову. Пишет ли чего Иван Арсентьевич? Кого взяли в нашей Камашке в армию. Как с уборкой в колхозах. Как учится Ниночка. На дрова купите хлев у Спиридона Яковлевича в нашей деревне.

Пишет ли Нинин отец и где он? Что едят из Москвы? Все средства, именно все, затратьте на приобретение хлеба, дров, корма. По каким бы не было ценам. Черкни, как идет дело с заготовками льносемян в нашей станции. Кто там заведующий.

Если лаборанта возьмут в армию, то телеграфируй мне, и я договорюсь с Кировом о назначении тебя лаборантом. Завтра pošлю письмо председателю РИК (районный исполнительный комитет. – *сост.*) с просьбой о назначении тебя на работу и о помощи дровами. Пиши получила ли посылку и что именно, и денег 200 рублей. Пиши о всем подробней. Пусть едят и сестрёнка, что же она молчит. С приветом ваш Костя».

Письмо Белоусова К.Ф. без даты

«Здравствуйте, моя дорогая и любимая старуха Лёка, мама и сестра!!! Еду с большой быстротой на Москву (военной цензурой зачеркнута строка. – *сост.*). Из Арзамаса послал заказным письмом денежный аттестат для получения 580 рублей ежемесячно, две квитанции на 550 рублей телеграфного перевода и одну квитанцию на отправленную тебе посылку. Ехал через Красноуфимск. Воспользовавшись остановкой, разговорился с товарищами. Они учебу кончили, назначений ещё не получили и живут в Красноуфимске.

Вашей посылки в Красноуфимске не было – она ещё в пути в Красноуфимск. С дороги написал заявление о возвращении пока её обратно. Любимая Лёкочка! Прошу тебя – не ограничивай себя в питании. Не жалея средств. Свои права отстаивай. Береги здоровье и потомство, что бы со мной ни случилось. Маму прошу самого хорошего отношения к Лёке. К Лёке относиться так же, как ко мне. Если даже не вернусь, Лёку ни в чем не стесняйте. Помогите ей достать овощи, в которых она сильно нуждается. Приехал уже на место. Деньги по аттестату выдают 15 числа каждого месяца.

Крепко, крепко целую всех. До свидания, Костя. г. Димитров, Московской обл.

Ничего не едите. Пошлагаю квитанцию на заказное письмо, в котором – денежный аттестат. Деньги расходуйте, не жалеите, обеспечивайтесь».

26/X 1941 г.

«Здравствуйте, милая, дорогая Лёка, мама и сестра! Привет из новых мест. 22 октября окончил курсы и выбыл с них. Взяли нас с курсов только часть, около 30% , а остальные продолжают учебу в соответствии с учебным планом. Я назначен политруком минометной роты – думаю, что лучше, чем стрелковой. В нашу роту прибыли только я да командир роты, а остальной состав ждём. В другие подразделения народ прибыл вполне подготовленным и как только сформируемся – выедем на фронт. Предполагают, что через декаду тронемся в путь.

Годовщина нашей первой... (три строки письма вычеркнуты. – *сост.*). Летом был непрерывно в работе и не имел возможности обратить достаточного внимания тебе. Если буду жив, мы жизнь организуем на иных духовных, полного понимания,

началах. В общей сложности я вполне доволен тому, что я познакомился и сдружился с тобой, и за совместно проведенные дни. Дни нашей совместной жизни были для меня днями большого счастья, несмотря на мое иногда ворчание. Я был рад, как ребёнок, твоей человечности, твоему оптимизму и твоему здравому смыслу в большинстве случаев. Прости меня за некоторую бесчеловечность в отношениях к тебе. Я сейчас много прочувствовал и понял, и если будет возможность – возьму грехи своей любовью.

Береги нашего сына больше своего глаза! Крепко целую всех вас. Ваш Костя.
P.S. От вас получил только одно письмо, посылки нет».

30/XII-1941 г.

«Мама, Лёка, Мотя и Нина!!! Привет, мои дорогие и любимые! Все больше и больше увеличивается счёт времени как я не среди Вас, а вместе с тем растёт и тоска по вам, по родным и знакомым местам. Сегодня есть время помечтать об этом: я сейчас занят полным бездельем, начиная с 12 часов дня 22 декабря.

В это время я был ранен в руку и плечо двумя пулями, к счастью – не разрывными и без повреждения костей. Брюки и шинель оказались во многих местах изрешечёнными, но к моему величайшему счастью раны оказались только в руке и плече. Это был тяжёлый и кровопролитный бой. Величайшим чудом я остался жив. Мы встретились с немцами на расстоянии 50 метров друг от друга. Бои за последнее время носят ожесточенный характер, и наше продвижение сильно уменьшилось.

Врачи утверждали, что потребуется не меньше месяца для выздоровления. Пробыв 8 дней в полевом госпитале, я сбежал и решил снова вернуться в свою часть. Поездка в госпиталь может привести к тому, что назначат в другое подразделение. Расстаться со своими минометами я не могу, т.к. к ним привык и даже полюбил.

Как хороши и дороги эти 8 мирных дней, проведенных в госпитале. Что бы не случилось со мной в будущем, прошу обо мне не скучать и не плакать. На войне бывает всякое, и плакать бесполезно.

Моя любимая Лёка, как у тебя с сыном, хотелось бы видеть его. Всего доброго, мои дорогие и любимые. Завтра снова буду на фронте. С приветом К. Белоусов».

27.01.1942 г.

«Дорогая Лёкочка, мама и сестра! С 25 января приступил к работе. Устроился снова в своей роте, где работал и до ранения. Этим я вполне доволен, так как привык к бойцам, командирам, и миномётное подразделение все же чуть-чуть лучше пехотных, особенно для меня, непривыкшего к большим пешим переходам. У нас есть повозки, и при переезде с одного пункта на другой можно переехать на лошади.

Общее состояние здоровья хорошее, но с рукой плохо: боли не прекращаются, рука почти беспомощна и мёрзнет. Думаю пойти на гарнизонную комиссию, может, дадут домашний отпуск. Сейчас пока отдыхаем, но отдых будет кратковременным, а впереди снова тяжёлые упорные бои.

Вчера видел паровозы – соскучился о них и их гудкам. Это было на дороге, по которой они ехали... Писем получил от тебя 5 штук. Сейчас они идут быстро, доходят за 10 дней. В одном из писем обнаружил копию с оригинала интересной фигуры. Снова вспомнились дни совместной учебы и жизни. Они неизгладимо дороги для меня, одного жалею, что летом меня заедала работа, и я как-то недостаточно обращал на тебя внимания – не было времени.

Лёка! Я часто вижу тебя во сне и много, очень много думаю о тебе. Я любил тебя, и моя любовь к тебе сохранится до последнего дыхания. Я нашел то, чего так долго искал. Мне часто снится возвращение домой к тебе. Я страшно обиделся на тебя за твою неосторожность в обращении с малышом. Разве можно так небрежно обращаться с ним? (Лёка сообщила мужу, что нечаянно упала с лестницы. – *сост.*).

Относительно отпуска можно сообщить, что его, конечно, могу получить, но только после окончания войны, если останусь в живых. А сейчас не может быть речи об отпуске, кроме состояния здоровья.

Здоровье свое берегите. Особенно берегите маму, разгружайте её по возможности от всяких дополнительных дел. Пусть она напрасно не ноет и не мерзнет, и побольше поручает дел сестрѣнке.

Милая Лёкочка! Тебе следует установить такой порядок, при котором выделить время и для своей подготовки. Нельзя забывать занятий над повышением знаний. Пока все. Крепко, крепко целую всех вас. Ваш Костя».

1.02.1942 г.

«Дорогая, милая, любимая Лёкочка, мама и сестра!!! Все ещё отдыхаем около Клина. Пользуемся благами мирной обстановки. Осталось отдохнуть несколько часов. Затем в новый путь, где ждут ещё более упорные и кровавые бои. Наши прошлые бои оценены высоко: Михаил Иванович Калинин сказал, что мы боролись хорошо. Силами нашей ударной армии разрушен план окружения Москвы с севера-востока. Мы с боями прошли от канала Москва–Волга до... (неразборчиво. – *сост.*) – Шаровская, по кривой до 200 километров. Помни, я был участником боѣв за города Яхрому, Клин и станции Шаровская по ж.д. Москва–Ржев. Нам объявлена благодарность со стороны т. Сталина.

30 января в... (зачеркнуто военной цензурой. – *сост.*) приезжал Калинин. В числе 6 человек и я был участником встречи с ним. Это была прекрасная замечательная встреча. Наверняка это будет в киножурнале. Можешь увидеть и меня. Я сидел на пятом ряду, на левой стороне первым от среднего прохода. (По воспоминаниям дочери Костантина и Лёки – Белоусовой Э.К., мать после войны действительно видела этот киножурнал, в котором был снят её муж и отец дочери, она целый месяц специально ходила в летний кинотеатр на это горькое свидание. – *сост.*).

Выполнив первую задачу, мы направляемся на выполнение второй: с западного фронта – на новый. Буду дальше, чем мы учились с тобой. Еду в места, откуда приезжал и писал знакомый тебе Роман. Помнишь, во время учёбы? Там будет во много раз трудней, чем здесь, на этом фронте.

Все то, что пишется в газетах о зверствах немцев над мирным населением, пленными и ранеными красноармейцами – это исключительная правда. Я мог бы привести на этот счет бесчисленное количество примеров. В дер. Б. Исакиевская Московской области они раздели раненого красноармейца, привязали на улице проволокой и заморозили. В дер. Алферьево убили 100 стариков, женщин, детей. В деревне Парфенково (где был ранен и я), около Волоколамска, все наши раненые, которые не могли выбраться сами, были захвачены немцами и все до одного сожжены. В г. Волоколамске они повесили на виселице 8 человек из гражданского населения. Сплошь жгут деревни – города.

В руке улучшения нет. Она сильно болит, и это будет месяцев 5–6. Становится за руку немного страшновато, особенно в новых условиях. Идти к врачам просто неохота, да и время для лечения неподходящее – нужно воевать. Было большое желание в Клину сфотографироваться, но там нет материалов для фотографии. Мой план провалился.

Как твой увеличенный животик себя чувствует? Интересно посмотреть в такие времена на оригинал интересной фигуры! В меру своих сил прошу помогать маме – она стара и нуждается в помощи. Крепко, крепко целую вас всех. Костя. Привет москвичам».

20 февраля 1942 г.

«Родная Лёка, мама, сестра и Нина! Сегодня 20 февраля. Лёка! Это время нашего близкого знакомства в Ленинграде. Жаль, что оно было таким запоздалым.

К Донцу подходит и русская зима. Ярче светит солнце. Длинней стоит день. Время подходит для самых красивых мечтаний, если бы не война. Хотелось бы испытать это на себе после войны, но сие зависит не от меня. Письмо от 30 января получил. Узнал о вашем беспокойстве в связи с длительным отсутствием от меня вестей. Напрасное беспокойство. Оно лишнее, ненужное и бесполезное. Надо быть готовым ко всяким неожиданностям. Ведь я на войне, и каждая минута чревата всякими опасностями. Какой бы конец не был, я прошу вас переносить спокойно. Надо быть готовым ко всему – такова горькая правда. Несмотря на это прошу тебя беречь нашего наследника. Он дорог бесконечно, это большое счастье человека и полное использование предоставленных человеку прав. Сегодня видел во сне, что ты родишь рыжую дочку, похожую на саму себя. Ну и пусть, ладно и рыжую, чем никакой. Родить советую в Салобежке, т.к. туда и оттуда легче приехать – больше ездят (можно с почтой). О рождении срочно сообщи, если можно – телеграммой. Если место рождения малыша будет в Салобежке, то сфотографируй малыша, там ведь есть фотография.

Привет москвичам и твоим сёстрам. Целую крепко, крепко. Костя».

23.2.1942 г.

«Родные, любимые Лёка, мама, сестра и Нина!

Родная Лёкочка! Получил от тебя письмо от 30 января. Как жаль, что ты стала писать очень редко, в промежутки времени равный 15 дням. Я получил только первое письмо. Почему ничего не пишет сестра? Ленивый вы, оказывается, стал народ. Я

прошу тебя писать ежедневно, независимо от частоты получения моих писем. Писать каждый день дело нелегкое, но вполне возможное.

О себе. Сейчас числюсь в живых. Ведём яростные, ожесточённые бои. Враг упорно сопротивляется, пуская в ход всю силу своей техники и живой силы.

Вчера тебе послал перевод на 850 руб. Пиши о получении всех переводов. Черкни, получила ли посылки из Лебяжья и Красноуфимска. Крепко, крепко целую. Костя».

1 марта 1942 г.

«Мои дорогие, родные Лёка, мама, сестра и Нина! Сегодня первое марта – начало весны. Поздравляю Вас с наступающей весной и приближающимся 8 марта.

У меня сейчас большое счастье – получил от вас два письма. Письма на фронте это величайшее, неоценимое счастье. Я их получаю часто и за это вам очень благодарен. Эта благодарность так сильна, что я не имею слов для её выражения. Моя душечка, если удастся, я отблагодарю тебя за это после войны.

Сегодня встал рано утром вместе с солнцем. Видел багровый восток. Всюду шумит сосновый лес. В морозную и ясную погоду снег на деревьях искрит самыми разнообразными цветами.

Вблизи нашего жилища слышны артиллерийские разрывы. Весь день слышна эта музыка. К вечеру поднялась пурга. Сейчас должны поддерживать наступление на одно из селений.

Лёка! В отношении козы советую сделать сейчас же. Надо её купить непременно и именно сейчас. Сообщи наличность у вас денег! Привет москвичам и сёстрам! Крепко, крепко целую. Костя».

2.03.1942 г.

«Моя родная любимая мама! Скоро шесть месяцев, как мы не видели друг друга. Я сильно соскучился о тебе. Думаю, что не меньше и ты о мне. Я часто, дорогая мама, вижу тебя во сне и думаю о тебе. Я знаю, что ты иногда плачешь о своем единственном и любимом сыне, на воспитание которого затратила сил и труда.

Я помню твою заботу о мне в течение всего времени: и во время учебы, и во время работы. Я не забыл и того, как ты, погрузив на себя мешок, приносила мне в Салобеляк, Знаменку и Опытное поле тяжёлый груз.

Я знаю твое беспокойство в дни моей болезни. Да, ты любила и жалела меня сильно. И сейчас вместо того, чтобы жить вместе, судьба разъединила нас. Мама! Не горюй об этом. Горе и слёзы напрасны и бесполезны. Если на гитлеровских полях, снарядах, бомбах и минах не написано мое имя, то я вернусь, и мы ещё поживём вместе и рассчитаемся за эти тяжёлые дни войны.

Мама! Я прошу тебя всеми силами беречь здоровье. Оно тебе нужно, чтобы встретить сына, увидеть и помочь воспитать его детей.

Я жив и почти здоров. Раненая рука ещё болит, но уже не так сильно. Живем в лесах. Бои идут очень тяжёлые. Ведь я на такой войне, какой ещё никогда не было.

Мама! Я слышал, что ваша коровка нестельная. Поэтому советую сейчас же купить козу. Деньги советую расходовать смелей. Нечего их копить. Живы будем –

будут и деньги. Мама! Береги Лёку – она ведь очень хороший человек! Пока все. Крепко, крепко целую тебя, дорогая мама. Костя».

31.03.1942 г.

«Дорогая и милая Лёкочка, мама, сестра и Нина! Давно уже не писал вам писем. Слишком тяжелая была обстановка, и не было никакого настроения писать. Кроме того, были два случая, когда писать было некуда. Ночью, когда бой несколько стих, решил черкнуть пару слов и поставить в известность, что пока числюсь в живых.

Завидую судьбе Соловьева и Старикова, и жду себе такого же счастья. Всех вас крепко, крепко целую. Костя.

На комиссии не был и не собираюсь туда идти, т.к. бесполезно».

1 апреля 1942 года.

«Моя любимая, дорогая Лёкочка, мама, сестра и Нина! Сегодня вечер первого апреля. Я жив и почти здоров. Чувствуется энергичное наступление весны. Ярко светит апрельское солнце, подтаивают дороги. Немного за последние два дня заболел: чувствую слабость, недомогание и сильный кашель. Думаю, что скоро поправлюсь. Дорогая Лёка! Тебя можно поздравить с благополучным рождением нового человечка, т.к. пока идет письмо малыш уже будет на этом свете. Желаю тебе удачи! Берегите свое здоровье и не стесняйтесь в расходовании моих денежных средств. Крепко, крепко всех вас целую, Костя.

Лёка! Ты не представляешь сама, как я жду появления потомства.

Как бы я отблагодарил тебя, будучи дома!»

2 апреля 1942 г.

«Дорогие, любимые Лёкочка, мама, сестра и Нина! Шлю вам свой сердечный привет. Сегодня уже 2 апреля. Все ближе праздник весны – первое мая. Если бы не война, можно бы порадоваться весне и её великими благами. Прекрасна природа, созданная для человека, но фашисты хотят лишить нас права пользоваться ею. На сегодня числюсь в живых.

Немного за последнее время начал прибалывать – боюсь как бы не открылся снова туберкулез, так как весна – самое подходящее для этого время. Я знаю, что мое долгое молчание (я продолжительное время вам не писал) заставило вас беспокоиться. Прошу вас о мне не беспокоиться, так как чему быть – того не миновать. Недавно от Головина получил письмо, его письма идут ко мне ровно семь дней, значит – мы недалеко друг от друга. Ваши письма, т.е. от мамы, сестры и Лёки получил. Они пришли все сразу. Привет МТСовским девчатам. Крепко, крепко целую вас всех. Ваш Костя».

8/IV-1942 г.

«Дорогие Лёкочка, мама, сестра и Нина! Сегодня живу уже 8 апреля. На улице тепло и пасмурно. У нас в землянке уже каплет. Ждем отдыха, но дождемся ли неизвестно.

Вчера получил письмо от Лёки и Павла Арсентьича. Корову обязательно нужно сменять, а также купить козу. Было бы хорошо, если бы вы занялись ремонтом дома в Камашке. Сестренке советую работать в Сердеже! Костя».

9.04.1942 г. «Дорогая Лёлочка! Из твоего и сестры письма узнал о появлении дочери и превращении тебя в мать. Искренне рад этому известию и поздравляю тебя с благополучным исходом. Расти дочь здоровой и береги её как зеницу ока. Сообщи о степени совершенства существа. Быстро сама набирайся сил. Крепко целую! Костя».

23 апреля 1942 года.

«Дорогая мама, Лёка, сестра, и Нина!

Сегодня блуждаю в Бежецке, всматриваюсь в очертания красивых и весёлых домов, парков, стадионов. Уже двенадцатый день, как выбыл с ожесточенного и беспощадного поля битвы, какого история ещё никогда не видела. Только двенадцать дней были под стенами Старой Руссы, видел древнюю русскую и памятную битвами реку Ловать, многоводное озеро Ильмень.

Здесь обычный спокойный мир. Здесь мирная обстановка, блага которой бесконечно дороги. Я ревниво всматриваюсь в жизнь города, в каждую его деталь, в резвую и жизнерадостную детвору школ, в весенние улыбки цветущих девушек, в бегущие речки, покрытые серебристой водной поверхностью. Весеннее жизнерадостное солнце! Сколько в его обильных лучах ласки, жизни и бодрящей силы! После многодневных боев по-особому переживаешь легкое дуновение ветерка, шелест деревьев, шаги по городской панели родных советских людей, открывшиеся от снега поля, зеленеющие озимые, гудки паровозов. Я понял и оценил по-особому, чем раньше, жизнь, ее прекрасные жизненные блага, природу во всех её проявлениях.

Пока отдыхаем, а затем снова на фронт. Живём в колхозах. Дважды был в городе. Вчера фотографировался, и через день пошлю свои фотокопии. Вчера же послал телеграмму с просьбой о присылке денег. Они мне очень нужны на отдыхе. Я просил переслать телеграфом, но думаю, почтой будет быстрее. (Вычеркнуты военным цензором две строки. – *сост.*).

Вам всем советую переехать в Камашку. Лёке по-моему можно устроиться счетоводом в колхозе. Квартира в Сердеже мне будет не нужна при любых условиях. Я понимаю, что переезд в деревню связан с выполнением заготовительных, денежных и других обязательств, но это не беда. Переезд сестры в Сердеж может вызвать её быструю мобилизацию, а без неё вам не прожить.

Сюда много приехало ленинградцев, там жизнь в отношении продовольствия трудновата. Писала или нет сёстрам в отношении присылки мне посылки? Как дочь? Пока всё.

Крепко, крепко всех вас обнимаю и целую. С приветом, ваш Костя».

27.04.1942 г.

«Дорогие мама, Лёка, сестра и Нина! Получил от вас письмо 14.04.42 г. Слишком редко вы стали писать мне за последнее время. Возможно, у вас нет времени, и кроме того я уже давно из дома, и о моем присутствии в этом мире можно с успехом забыть. Начинаю отдыхать, набираться новых сил и поправлять здоровье. Живу хорошо. Предполагаю, что отдыхать буду весь май и возможно с гаком. Кой кто пригласил к себе родных. Часто бываю в Бежецке, посещаю кино. Был уже дважды в бане, а это

большое событие для человека, изголодавшегося по ней и имевшего порядочные запасы представителей из отряда tisanura или anoplura – точно не помню, но, надеюсь, понимаешь, о чём идет речь. Здесь уже появляются представители из Lepidoptera.

Денег мне не посылайте... Крепко, крепко целую вас всех, ваш Костя».

30.041942 г.

«Дорогие мама, Лёка и сестра! Вчера получил сразу 11 писем, сегодня ещё три. Из них 7 – от Лёки, три – от мамы, одно – из Анапы от Кати, одно – от Александра Яковлевича и других друзей. Многие завидуют такому моему счастью. Да, это действительно очень и очень большое счастье. Я веду, кроме вас, переписку со многими моими друзьями. Пишет Головин Георгий, вчера получил от Белоусова Тимофея Ефимовича. До сих пор не получил письма от Ивана Арсентьевича. Я и сам исключительно своевременно отвечаю всем, кто мне пишет. Живу хорошо, отдыхаю. Размещены в деревне около г. Бежецка, Калининской области. Май месяц, вероятно, весь, а возможно и больше, пробуду здесь. Многие пригласили к себе родных. Думал пригласить маму или сестру, у меня большое желание встретиться с ними, но знаю, что им до меня добраться трудно, т.к. они железной дороги не видели никогда, а о приезде Лёки и не думаю.

Здоровье у меня хорошее. Некоторое недомогание, о котором я писал продолжалось только три дня и давно прошло. Мое здоровье сейчас значительно лучше, чем когда-либо было дома. Мои опасения в период весны оказались неосновательными. Рука еще болит, но втерпех. Поэтому прошу о моем здоровье не беспокоиться. Период отдыха думаю использовать для лечения руки. Обо всем этом я тебе уже писал в последние дни, но письма посылаю с товарищами, может, забыли сдать и затаскали. Это бывает. Твои письма за март где-то долго блуждали и пришли не в порядке очередности их отправления. Чувствуется, что все ваши письма до меня доходят полностью. Писем от вас получаю в общей сложности много. Значит, обо мне еще не забыли. Письма о рождении дочки получил быстро, как будто 9 апреля. Рад этому безгранично. Получил письмо уже от 17 апреля вместе с частью мартовских писем, писанных даже 15 марта. Несколько дней послал письмо со своими переживаниями, черкни о получении его. Посылаю фотокарточки матери и тебе.

Крепко, крепко целую вас. Береги дочь! Адрес старый. Костя».

3 мая 1942 г.

«Лёка, сестра и Нина! Поток ваших писем продолжает поступать. Многие из них где-то сильно задержались и приходят не в свою очередь, но это не беда. Следовательно, вы писали мне часто и вполне добросовестно. Надеюсь, что и дальше Лёка и мама будут писать так же часто, как писали до сих пор.

Продолжаю отдыхать и радоваться благами мирной жизни. Хотелось бы отдохнуть подольше, но это зависит не от нас, и, кроме того, надо кому-то быть и на полях ожесточённых, кровавых сражений. Мы ушли на отдых в самое лучшее и счастливое время, когда весна начала вступать в свои права: всюду появилась вода, блиндажи и окопы затопило, дорога почти рухнула, и Ловать готовилась к бурному течению.

Воевать в такое время тяжелей во много раз, чем в суровые зимние морозы. За два месяца пребывания на этом фронте ни разу не удалось ночевать в деревне, был обитателем лесов и кустиков. Если сохранюсь и уцелею, то после войны буду любить лес и всякие заросли или ненавидеть их, но скорее всего – первое.

В течение всего времени пребывания на этом фронте был на таком участке, где враг стремился прорваться к своей окруженной 16 армии. Надеюсь, что отсюда понимаете о характере сражений и их беспощадности. Из этих боёв вышел целым и живым. Что будет дальше – сказать трудно. Ясно одно, что борьба будет вступать в решающую фазу.

Пленных, о которых ты спрашиваешь, видел неоднократно. Зимой пленные были, главным образом, молодые, а в последнее время встречались пожилые и 17–18-летние юнцы, а на сбитых самолетах – даже девушки. Среди военнопленных встречаются и инвалиды. Немцы для условий зимы были одеты очень плохо: на головах – пилотки, уши заматаны тряпками, шинели тонкие, а под ними одет френч. Сапоги короткие кожаные, на подошвах – железные шипы. Голенища сапог выглядят в виде воронки, кверху сильно широкие. Зимой для солдат, стоящих на посту, давали галоши, связанные из соломы. Их я видел лично. Видел и добровольно перешедших к нам немцев. Без поддержки технических средств (танков, самолетов, артиллерии и др.) они очень плохие и трусливые вояки. В условиях леса далеко от дороги не углубляются. При равном бы количестве мы давно бы были на территории Германии. Питание, как рассказывает население, у них незавидное. Грабеж, насилие, издевательства, сжигание сел и городов, расстрелы – неперемный спутник армии противника. Это не газетная агитация, а исключительно факты, виденные мною много раз. Таков вид пленных и немецкой армии.

Я знаю, что вы беспокоитесь обо мне. Прошу не беспокоиться. Чему суждено быть – того не избежать. Поэтому слёзы и беспокойство пользы не принесут. Лучше берегите себя, будьте здоровы и полней пользуйтесь благами жизни. Пребывание на отдыхе начал использовать для лечения руки, вчера принимал электролечение.

В последнее время меня постигла некоторая неудача: сгорело при дезинфекции все обмундирование и белье. Сейчас нужное приобрел. Питание и здоровье хорошее. Наше обмундирование все время хорошее. Мы одеты исключительно тепло.

Как растёт дочь, её здоровье, а также здоровье её мамы. Пока всё.

Крепко, крепко всех вас целую. Костя»

8.05.1942.

«Лёкочка! Продолжаю отдыхать. Живу хорошо. Идет часто снег, дождь и холодно. Письма ваши получаю часто. Получил письмо от Ивана Арсентьяча. Если деньги мне не высланы – то не посылайте, они мне сейчас не нужны. Денег вам за время отдыха посылать не буду, израсходую сам. Черкни новости из Анапы. Как дочь? Поцелуй её за меня.

Как твоё здоровье, дорогая? Крепко, крепко целую вас всех, Костя».

6 июня 1942 г.

«Мама, Лёка и сестра! Шлю вам привет, мои дорогие, и желаю вам всяческих успехов.

Живу все ещё в старых местах. Продолжаю отдыхать от боев, одновременно готовясь к новым. Отдых у нас в наше время понимается так: бродить в тылу и заниматься упорной учебой. Таким отдыхом занимаемся сейчас мы. Здесь, вероятно, пробудем весь июнь и захватим часть июля. Наверно, на фронте будем в июле месяце, но не раньше.

С 23 мая работаю комиссаром саперного батальона. Не хотелось мне идти в саперы, но пришлось, не смотря ни на что. Так как наш батальон является отдельным, то комиссар должен быть утвержден ЦК партии. Имея ввиду отсутствие у меня инженерной подготовки – не знаю, утвердят в Москве или нет. Во всяком случае, начинаю изучать премудрости саперов.

Живу хорошо. Здоровье вполне нормальное. Постараюсь сфотографироваться на визитку и копию с себя послать вам. С лечением руки дело получается плохо: живу от города 19 километров и принимаю процедуры не чаще одного раза в неделю.

Получил от вас несколько писем, в том числе и письмо от мамы. Переезжать в Камашку нужно обязательно, если не хотите быть голодными в будущем. Со мной может все случиться, и поэтому на мою помощь особенно не рассчитывайте. Надежней надеяться только и только на себя. Еще хуже будет, если мобилизуют сестрёнку. Вы ещё не видели нужды и горя, какое испытали люди, которых мне немало пришлось видеть. Не повторите их участи на себе, а поэтому быстрее переезжайте в деревню и принимайтесь за работу.

Лёка! Тебе нужно непременно устроиться на счетоводную работу в колхозе. Я думаю сейчас не место и не время «набираться терпения для поездки в деревню, только – до осени» – как пишешь ты. Лучше жить в деревне, чем умирать с голода в других местах. Я знаю, ты мне часто говорила о своем умении жить. Уметь жить в наше время – это значит: жить в деревне и быть сытым. Кроме того, заявлять, что «у меня хватит терпения только до осени» – это просто неумно. Что же говорить нам, участникам кровавой битвы, испытывающим огромные тяготы войны, часто лишаясь жизни? Ехать нужно с полным сознанием необходимости и неизбежности этого.

Поиски родственников Клары (Сестры Лёки – Клавдии Яковлевны Ведергорн. – *сост.*) не увенчались успехами. Здесь никто не знает людей, которых ты указывала по заявлению Клары. Видимо, это далеко отсюда. Козу постарайтесь купить. Если денег своих не хватит – займите. Все остатки денег вам пошлю, как только получу перевод.

Милая Лёкочка! Сейчас здесь стоит хорошая погода. Природа во всем своем многообразии и великолепии раскрылась перед нами. Как сейчас прекрасна пора. Природа радуется даже самых черствых.

Страшно хочется видеть тебя. Если не дочь – ты могла бы погостить у меня длительное время. Если буду жив – ещё увидимся. Напиши откровенно – хорошенькая у нас дочь или нет? Пока все. Крепко, крепко целую. Ваш Костя».

1 июля 1942 г.

«Дорогая Лёка, мама, сестра и Нина! Лека! Сегодня получил два твоих письма от 18 и 20 июня. Выслушал твой упрек о том, что редко пишу письма. Вполне согла-

сен с замечанием, но до момента отправки на фронт исправить себя не в силах, т.к. нет времени. Живу без существенных изменений. На фронт ещё не уехали, но это, видимо, дело ближайших дней. Мой друг Георгий тоже был на отдыхе, но в последнее время – снова на новом фронте, видимо, на южном. Больше недели жил в городе – там мы занимались.

Скоро пошлю целую серию самых разнообразных фотокарточек. Сейчас посылаю одну фотокарточку, остальные вышлю позднее.

Переезжать следует быстрее, а также быстрее устраиваться на работу. Если останетесь без хлеба и средств существования, то пеняйте на себя. На меня много не рассчитывайте, а лучше совсем не рассчитывайте. Здесь погода все время капризничает – очень часто льют дожди, мало теплых дней. Виды на урожай хорошие. Начали уже сенокос. Живу хорошо. Постарайтесь сфотографировать дочь. Пока всё. Крепко, крепко целую всех. Костя».

31 июля 1942 г.

«Мама, Лёчка, сестра, Нина и Эммочка! Привет, мои дорогие и любимые.

Лёка, сегодня получил твоё письмо. Слишком долго его пришлось ждать. Я думал в ответ на это совсем не писать вам и забыть об вашем существовании, но решил изменить своё решение на некоторое время. Второй день иду в тяжёлые наступательные бои. Только сейчас для меня началась настоящая война (вычеркнута цензором одна строка. – *сост.*). Прошу тебя беречь Эммочку и заботиться о маме. Тороплюсь в бой, батальон уже выстроился. Через 30 минут наступление. Крепко, крепко целую всех вас. Ваш Костя».

6.08.1942.

«Лёка! Сажу в командном пункте одной части нашего соединения. Только сейчас вместе с комбатом вернулся с осмотра переднего края нашей обороны. Сегодня сравнительно тихо: иногда прострочит очередь вражеский снайпер и автоматчик. Изредка со свистом пролетит мина, образует воронку и пошлет тысячи осколков в самых различных направлениях.

Вчера был ожесточенный и кровавый бой. Все участки, по которым проходил я, были ареной ожесточенной битвы. Все напоминает об этом: изуродованные тела людей, подбитые танки, орудия, винтовки, ...воронки от снарядов и другие следы. Саперы вчера дважды ходили в атаку и захватили пленных. Если ты спросишь о потерях, то я могу сказать, что войны без жертв не бывает, а остального тебе знать не обязательно.

Погода стоит исключительно скверная: ежедневно льют дожди, всюду грязь. Если бы была хорошая погода, то мы наверняка были бы в Р. Заводские трубы и окраина города отчетливо видны простым глазом. Город насчитывал 5088 домов. Судя по карте, он довольно красив по своей планировке и природным условиям. Волга делит его на две части. До него 5–6 километров. Хорошо поддерживает наша авиация и танки. Здесь много английских подарков – самолетов и танков.

Пока всё. Привет маме, сестре, Эммочке...

Если можешь – пиши чаще. Крепко, крепко целую. Костя».

С 31 августа 1942 г. началась 386 – дневная оккупация Анапы.

20.11.1942 г.

«Лёка! Живу без серьезных изменений. Работаю в той же части, но только на положении пом. командира батальона по политчасти. Выбраться никуда не удалось. В начале ноября оформлен материал на утверждение главного политуправления РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии. – *сост.*) о посылке меня на курсы командиров стрелковых батальонов. Просился в военно-инженерную академию (было одно место на дивизию), но непустили. Если утвердят, то буду учиться (зачеркнуто цензором, в Москве – по воспоминаниям дочери Белоусовой Э.К. – *сост.*) в течение двух месяцев.

В течение почти двух последних месяцев здесь нет больших боев. Сидим в обороне, в дополнение ко всему учимся.

Снегу почти нет и нет больших морозов. Пока живу совсем хорошо. Питание и обмундирование вполне хорошее. Из зимнего обмундирования получил шапку, рукавички кроличьи, меховой жилет, носки теплые, суконные портянки, теплые суконные брюки и гимнастерку. Одет вполне надежно. На нашем складе есть уже и валенки. Одно плохо: раненая рука очень чувствительна к холоду и вообще чувствует себя плохо.

Питание хорошее и высококалорийное. Ни в чем дополнительном нужды нет. Для командного состава существует комсоставский паек. Водки пока не дают.

Несколько раз лакомился молоком (выменивал у населения на табак). Поэтому меня удивляет, когда ты пишешь, что сухари подготовлены, и следовательно собираешься послать их мне. Если бы принимали посылки, то я мог сам вам послать сухарей, печений, сахара, сливочного масла, рыбы и др. Из продуктов ничего не посылайте – это для меня абсолютно лишнее и ненужное. Можешь или нет приехать ко мне в Москву, если буду там на курсах?

Скоро будут введены погоны, дня через два пошлю портрет. Нельзя ли сфотографировать дочь. Как она растет? Крепко, крепко целую вас всех. Ваш Костя».

3.01.1943 г.

Москва, Брянский вокзал: «Дорогие Лёка, мама и сестра! Сегодня с необыкновенной быстротой из Сухиничей прибыл в Москву. Доехал благополучно. Буду следовать дальше. В остальном никаких изменений в жизни нет. Погода очень теплая, временами даже идет дождь.

Крепко вас целую. Ваш Костя».

16.01.1943 г.

«Лёка! После длительных мучений доехал до города Калача. Все идет пока благополучно. В последние дни стали сильные морозы – это весьма неприятное явление. Болят зубы. Впереди ещё длительный путь пешком и работа. Крепко, крепко вас целую. Ваш Костя».

20.01.1943 г.

«Лёка! Вчера остался позади г. Богучар. Следую дальше. Недалеко – Кантемировка. Иду по освобожденной земле. Бои здесь носили скоротечный характер, а поэтому разрушений немного. Села здесь большие. Ландшафт однообразный. За время пешего 150 км пути порядочно устал. Крепко, крепко всех вас целую. Костя».

31.01.1943 г.

«Лёка! После длительных путешествий оказался на территории другой республики (на Украине. – *сост.*). Население встречает исключительно хорошо. Немцы драпают. Здесь тоже действовали кнутом и пряником. Прошел уже около 300 км. Второй вашей посылки не получил и не получу. Привет всем вам. Целую. Ваш Костя».

2.01.1943 г.

«Лёка, Эммочка, мама и сестра! Поздравляю Вас с новым 1943 годом и желаю вам всяческих успехов в работе и жизни.

Очень рад, Лека, твоему письму, т.к. получил его вечером, накануне нового года. Новый год успел встретить в старых местах. Сегодня еду. В последние дни видел скверные сны. В связи с ними тяжелые предчувствия. Пишите чаще. Получил письмо от Георгия и Александра. Целую всех вас. Ваш Костя».

6.02.1943 г.

«Лёка! Вот и я оказался на территории Советской Украины. В 60 километрах – крупный город... (зачеркнуто цензором. – *сост.*). Идем быстро вперед, часто без боёв. Жив, здоров. Желаю вам всего хорошего. Почта отстаёт, и я в связи с переездом не получаю писем целый месяц. Вчера первый раз получил пачку писем. Писать некогда, тороплюсь. Идем быстро. Крепко, крепко целую вас всех, ваш Костя».

17.02.1943.

«Лёка, Эммочка, мама и сестра! Закончилась битва за... (зачеркнуто военным цензором. – *сост.*) взятием его нашими войсками 16 февраля 1943 г. в 8 часов 30 минут утра по московскому времени. Я жив и здоров. Бои на нашем фронте временами достигают большого напряжения. Сейчас слышна беспримерная артиллерийская канонада. Рвутся огромные немецкие склады. Весь горизонт в сплошных облаках дыма и огня.

С доставкой почты дело обстоит плохо. Железные дороги все нужно перешивать (немцы сузили на 9 см), и это требует много времени.

Пишите чаще, но и не обижайтесь на мои редкие письма. Чаще писать нет времени. Крепко целую вас от всего сердца. Ваш Костя».

22.02.1943 г.

«Привет, привет тебе, моя старушка. За два месяца получил от тебя третий раз письма. Писать почти некогда, все время в пути, в движении. Привет всем: дочери, маме, сестре. Пишите, миленькие, чаще. Получаешь ли письма с Кубани? Как живёте и ваше здоровье. Береги дочь. Нельзя ли ее сфотографировать? Чувствуется весна. Воюю на территории Прокопенко Дмитрия. Костя».

Это последнее сохранившееся письмо. 2 марта 1943 года капитан К.Ф. Белоусов в боях за освобождение города Харькова пропал без вести.

КОГДА ЗАКОНЧИЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ...

Фамилия Ведергорн хорошо известна старожилам Анапы и уважаема всеми, кому безразлична история нашего города. Эпохальные события прошли через судьбу сестёр Ведергорн: гражданская война, коллективизация, финская компания, Великая

Отечественная война... Они выстояли во всех невзгодах, всегда и во всем помогая друг другу; твердо веря, что вернуться на свою малую Родину, где родились, крестились, учились; одно название которой вызывало в душе трепет. Анапа – маленький городок, в котором, казалось, все друг друга знали. И доводились друг другу если не родственниками – то соседями, друзьями.

Милая провинциальная Анапа! Как часто вспоминался веснами твой чарующий томительный аромат цветущих белых акаций! Твои извилистые тропинки берега, тротуары и пустыри, оплетенные белым ажурным кружевом мелкой аптечной ромашки. По отвесным скалам Высокого берега вспыхивали огненные маки, и низкие кустики барбариса притягивали взгляд мерцающими блестящими ягодками-бисеринками, синеглазый изящный барвинок с густыми темно-зелеными листьями сиял оптимизмом нового дня. Утреннее море жемчужно искрилось, поющая нежная синева неба наполняла пространство ощущением необыкновенной легкости, безбрежного парения в возникающей радости. Хотелось петь...

А бурное море? Если долго смотреть на его несущиеся к берегу пенные гребни волн, то можно увидеть огромный, во весь горизонт, табун лошадей с развевающимися гривами, несущийся прямо на тебя. Море с разбегу яростно ударяет высокой волной в скалистый берег – как будто мускулистая, вздыбленная лошадь с разбегу попытается заскочить на берег, но кто-то подсекает ей ноги, и она яростно, с хрипом и стоном, всей тяжестью рушится вниз. Разбиваясь на тысячи брызг и гулко шипя, взъерошенная волна злобно отползает обратно... И, набрав разгон, несется к берегу новая грозная волна – взмыленная лошадь, пузатый ветер со свистом выгибает ей шею – душа замирает от восторга и взлетает высоко-высоко, туда, где, наверное, живет счастье!

Великолепны необозримые пляжи с чистыми сыпучими песками и атмосферой всеобщего расслабления! На просторах этого объятая праздностью берега раскаленное солнце своей невыносимой тяжестью распластало на горячих песках множество курортников. Жара – истома, жара – нега... Поступки людей потеряли смысл, да и самый смысл существования, казалось, был навсегда утрачен. Запах сигарет, масел для более ровного красивого загара зависает в воздухе над полусонными людьми. И неподвижное, будто нарисованное, нереально голубое море...

...Ах, как хотелось домой, в Анапу, чтобы вновь видеть это Вечное, чувствовать и переживать его прикосновения вновь и вновь!

Из разных мест возвращались домой в Анапу сестры Ведергорн после Великой Отечественной войны: Клавдия – из армии, Галина – из Грузии, куда была эвакуирована вместе с Опытной станцией виноградарства и виноделия; Ольга с дочерью – из Кировской области. А дома их уже ждала младшая сестра Екатерина. Жили они в то время на улице Владимирской, в старом доме без удобств, но с многочисленными соседями.

Их было пять сестер. Младшая, Любочка, умерла в раннем детстве. Старшая – Клавдия Яковлевна Ведергорн (1908–1990 гг.) – была ветераном здравоохранения, в 1931 г. закончила Кубанский медицинский институт им. Красной Армии. Заведовала

противомалырийной станцией, клинической лабораторией, была судмедэкспертом. 27 июля 1941 года была мобилизована, трудилась начальником лаборатории тылового госпиталя в в/ч 2130, ей было присвоено звание военврача III ранга. Но наступила в её жизни «черная полоса»: кому-то показалась, что фамилия у нее какая-то нерусская...

Клавдия Яковлевна Ведергорн с 1947 г. и до выхода на пенсию (в 1963 г.) работала в здравоохранении Анапы. Она – известный краевед. В анапском городском музее её фонд один из самых больших: материалы по организации здравоохранения, истории курорта Анапа, сведения о докторе В.А. Будзинском, семье Пиленко и других видных деятелях Анапы, ею собраны различные воспоминания, значительная коллекция фотографий и открыток Анапы и ее здравниц на рубеже XIX–XX веков. Часть документов переданы ею в государственный архив Краснодарского края, с которым была постоянная переписка. Клавдия Яковлевна оказывала неоценимую помощь и Центральному государственному архиву РСФСР (Москва): там её фонд насчитывает 18 дел.

Галина Яковлевна Ведергорн (1909–2002 гг.) работала в АЗОСе (анапская зональная опытная станция виноградарства и виноделия) с 1930 по 1949 гг. и ещё 15 лет (с 1949 по 1964 гг.) – на Анапском винзаводе. Анапчане избирали ее депутатом городского и районного Совета депутатов трудящихся 25 лет подряд – с 1934 г. Лучшим периодом её жизни (считала она) была комсомольская спортивная юность.

Екатерина Яковлевна Ведергорн (1917–1948 гг.) много лет до войны работала секретарем райисполкома, её знали как человека огромной душевной теплоты и щедрости. Перед самой фашистской оккупацией покинула она Анапу, но в ближайшей станице болезнь свалила ее с ног. Станичники 13 месяцев прятали её от фашистов, лечили – кормили. Спасали. Здоровье было основательно подорвано, жизни было ей отпущено совсем немного.

В Анапу к своим сестрам в 1946 году вернулась Ольга Яковлевна Ведергорн (1913–1991 гг.) с дочерью Эмильей. Она долго работала агрономом по защите растений в разных организациях города, из ОПХ «Анапа» в 1968 году ее торжественно проводили на пенсию. Активная, доброжелательная, она в последние годы жизни была прикована к постели.

Сёстры жили щедро, не жалея для людей любви и сердечного тепла, потому и на друзей семья Ведергорн всегда была богата. Ещё в 20–30-е годы происходили у них встречи, перешедшие в дружбу на всю жизнь. Зачастую друзья одной из них становились друзьями и других сестёр. Именно тогда познакомились они с Георгием Ивановичем Павловым – замечательным краеведом, основавшим в Санкт-Петербурге некое Землячество анапчан, детство и юность которых прошло за одними школьными партами, на одних танцевальных площадках, на одном золотом пляже. А какие вечера-встречи (сначала – одноклассников, а позднее – всех, кто учился в Анапской школе II ступени) организовывались этим неутомимым признанным лидером до и после войны! Места проведения встреч – не только в Анапе (в средней школе № 1, в город-

ском музее, на квартирах их участников), но и в Ленинграде, в Москве! Еще до войны подружались сестры с Андреем Сергеевичем Корытиным – будущим известным авиаконструктором, лауреатом Государственной премии СССР. В 70-е годы активно помогали ему в сборе материалов по истории анапского комсомола. Собранные сестрами сведения о развитии виноградарства и виноделия в анапском районе, о становлении государственной энтомологической службы пополнили фонды музея. Музейными экспонатами становились и некоторые предметы мебели их дома, картины, редкие книги, старые фотографии, милые безделушки.

В семье Ведергорн росла, училась, работала Белоусова Эмилья, дочь Константина Федоровича Белоусова, пропавшего без вести в 1943 г. Она окончила среднюю школу № 2 г. Анапы, а затем – Кубанский медицинский институт им. Красной Армии (лечебный факультет). С 1966 г. началась трудовая биография Белоусовой Эмильи Константиновны; последние 43 года она трудится врачом-лаборантом Анапской городской больницы. Все эти годы она жила рядом со старшими – заботливая дочь и племянница, – внимательная, чуткая, всегда спешащая помочь. Она и сегодня продолжает семейные традиции, так же сотрудничает с музеем и хранит память о своих замечательных родственниках. Она поддерживает добрые отношения со школьными одноклассниками и институтскими однокурсниками: обязательно ездит на вечера-встречи с ними. И всегда помогает живущим рядом. Дом её по-прежнему гостеприимен. Если высоким слогом дать определение жизни семьи Ведергорн-Белоусовой, то можно сказать: «Они посвятили жизнь родному городу».

Мудрецы о времени и мироздании

- ✓ Чего можно добиться с четырьмя тысячами человек, если они сплочены и стоят сомкнутым строем плечом к плечу, то невозможно совершить с сорока и даже четырьмястами тысячами солдат, если они разделены и раздираемы внутренними конфликтами. (*Мубарак-шах*).
- ✓ Мягкостью мы сумеем завоевать все сердца и обеспечить себе прочную победу, жестокость же не уберезжет от ненависти и не поможет удержать победу хоть на сколько-нибудь продолжительное время...
- ✓ Это новый способ побеждать, укрепляя свое положение милостью. (*Гай Юлий Цезарь*).
- ✓ Кто хочет править спокойно, пусть охраняет себя не копьями, а общей любовью.
(*Периандр Коринфский*).

ШЕРЕМЕТЬЕВ Борис Евгеньевич – уроженец Кубани (1945 г); выпускник Ленинградского Нахимовского и Высшего военно-морского инженерного училищ, Литературного института; корабельный офицер гвардейского БПК «Сообразительный»; работал в редакциях журналов «Пограничник» и «Морской сборник», «Юнга» и «Баталист и маринист»; секретарь правлений Московской писательской организации, Союзов писателей России, СССР, Международного сообщества писательских союзов. Главный редактор Книжно-журнального издательства «Граница». В настоящее время проживает в г. Анапа.

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

РУСС-ИВАН

Предисловие

Как символ священного борения – над убитыми и вечно живыми, над пепелищем и возрождением, над ржавеющим кладом войны и берлинскими улицами, полными налитой и упругой силой жизни, – стоит в Трептов-парке памятник Воину-освободителю, рядом с которым повседневная суета, мелкие заботы человека кажутся пустяшными, недостойными внимания. Курган монумента напоминает стародавний могильник Дикой степи с бранными останками погибших ратников. На владычествующей высоте поставлен, точно громадный древнерусский шлем, цилиндрический мавзолей с богатырской фигурой солдата. На лице глубокая тихая радость и гордость, сродни, пожалуй, отцовству: в победном бою он спас невинную детскую душу. Кто этот избавитель от смерти, чьи большие руки, очевидно, привыкшие оживлять землю трудом, поддерживают малышку, прильнувшую к его груди с такой доверчивостью? Кто этот воин, сжимающий меч, придавивший долу, будто гадюку, обломки разбитой фашистской свастики? Из каких дальних краёв или ближних мест прибыл он сюда, в срединную Европу, чтобы своим благородным поступком открыть всем тайный смысл жизни, гибели, победы?

Может, это старший сержант Трифон Андреевич Лукьянович, спасший 29 апреля 1945 года немецкого ребёнка от выстрела эсэсовца на перекрёстке улицы Эльзеништрассе и проспекта Пушкиналлея? Может, это рядовой 220 полка Николай Мосолов, который, день спустя, услышав на развалинах Тиргартена плач ребёнка, с риском для жизни пробрался через минное поле к Потсдамскому мосту и вынес в безопасное место маленькую трёхлетнюю девочку? А может, это твой дед, сражавшийся за Берлин? А может... Трудно сейчас доподлинно установить фамилию солдата, какой он роты, взвода. Важно, что российская женщина родила его для праведной жизни. Напевая песнь у сыновней колыбели, как всякая другая мать, об одном молила Бога: не посылать на их голову войну, чтобы сердце её дитяти никогда не знало ни железа врага, ни горе вечной разлуки.

Жизнь готовит каждому свою долю. Когда Русс-Иван, так уважительно прозвали берлинцы нашего героя в Трептов-парке, вошёл в красные годочки, налил сил, счастливо женился, обзавёлся чадушкой и только-только распознал хлеборобские дела, как распахивать горбом землю под новь, – в разгар лета 1941 года, точно снег на голову, свалилась германская война. На третий день, 25 июня, военком послал Русс-Ивану пакет с нарочным. Через неделю он по первому зову Родины, как и тысячи ему подобных военнообязанных, был переодет в форму красноармейца, поставлен под ружьё. Таким живым манером Русс-Иван из труженика-землепашца превратился в труженика фронта, солдата, на плечи которого возложили задачу государственной важности: на исконно русских землях восстановить погранный порядок и народное счастье.

Боевое крещение Русс-Иван принял в первую зиму под Москвой. В сорокоградусные морозы узнал, почём фунт лиха стоит. Поначалу от каждого внезапного выстрела, пристрельной, огневой, яростной бомбёжки сжимался в тугой обречённый комок, смыкал до боли глаза. А пообвыкнув, прозрев, что враг, словно клещ, впился в тело его Отечества, без которого ни он, ни его товарищи не мыслили своего существования, начал воевать с удвоенным мужеством, благородной яростью, упорством в законных требованиях.

Прикипев душой к армейскому строю, всегда делал то, в чём была острая необходимость, работал с необыкновенным рвением. Как все, нёс посильный груз на фронте: стоял на часах, рыл траншеи, строил землянки. В минуты боевой тревоги, отдохнувший или усталый, сытый или голодный, оборонял свои редуты и атаковал укрепления противника. От пуль не прятался, но и поклоны им не бил. Каждая складка на пересечённой местности его укрывала, каждый кустик служил ему навесом, и слепые снаряды обходили стороной. Словом, удача сопутствовала на первых порах.

После удачного наступательного боя к Русс-Ивану подошёл тщедушный красноармеец Чернов, прозванный Христосиком за присловье «Христом-Богом прошу». Вручив письмо, сказал:

– Господь к тебе милостив, Ваня. И ты не забывай его. Христом-Богом прошу, обращайся с молитвой к нему чаще.

Русс-Иван поднял голову. И, взглядевшись в лицо стрелка, нештатного ротного почтальона, впервые увидел, что глаза у него синие-синие, будто васильки на кружевной белоснежной скатёрке морского прибоа.

– Довольно каркать. Слышишь? – Русс-Иван еле сдерживал себя, чтобы не обложиться. – Сколько можно тебе, Христосик, втолковывать, а ты всё за старое! Да пойми ты, наконец. Нет у нас господ ни на земле, ни на небе. Искореняй в себе пережитки прошлого.

У стен Сталинграда, во вторую зиму, Иван испытал гордость русского солдата. И когда выбивал фашистов, вросших в камень, в землю, и когда, поменяв диспозицию, лежал на мёрзлом бруствере, елозил с бойцами на животе под вражеским огнём по глинистому грунту. Отдать правый берег Волги – значило лишить Россию кавказской нефти, а стало быть, погубить государство. Естественно, встал вопрос ребром: Родина или смерть?!

Как на кремень-пятью вся страна оперлась на Мамаев курган, окутанный древними легендами.

Ах, русские люди! Всем на удивление создал вас творец. Чем серьезнее обстановка, чем круче опасность – тем крепче генетическая связь: нет в боевых порядках суеты, паники, сердечной робости. Отодвинув всё личное, наносное в сторону, вы обороняетесь и трудитесь как проклятые. Ну вот, кажется, выбились из последних сил, едва на ногах стоите, пришёл каюк. Никак нет! Не только без понуждений держите на своих плечах непомерную тяжесть, небесный Сталинградский свод, а ещё шутки шутите, подтруниваете друг над другом, ядрёна ваша мать! Отец ваш корень!

Вот и Русс-Иван, находясь в сердцевине того сражения, не дрогнул под прессом германской военной машины. Месяц везло, второй, а на третий довезло до ручки: ранило в правое предплечье. Попросил санитаров покрепче перевязать бинтами, а покинуть блиндаж наотрез отказался. Отрубил промёрзлым голосом:

– Не время греться у печурки! Попахивает жареным. Слева прут танки, справа стрельба. Льётся кровь, закипает бой. Каждая рука на счету, а я буду прохлаждаться в медпункте? Дудки! Пока зубы целы, не сдадимся.

Санитар ушёл – приползает по-пластунски Христосик. У того свой вопрос:

– Откуда, Ваня, у тебя такая бычья сила? Какой-то ты двужильный. С виду вроде обыкновенный мужик, а тащишь без надрыва за двоих. Глядя на тебя, поневоле плечи расправляешь. Ты у нас светлая личность.

Помял губы Русс-Иван в усмешке. Ответил снисходительно:

– Светлая – не светлая, а в святые не гожусь... Ты, божья душа, не расставляй на меня свои силки. Мы с тобой хоть и деревенские колобки, да слеплены из разного теста, пропечены в разных печках, стужены на разных оконцах. У тебя дух подавляет плоть, а у меня дух владеет плотью. Я сам умею снимать боль со своей души.

– Вона как! Мудрёно, – изрёк Христосик, и протянул кулачок. А раскрыл – на ладошке писаная иконка. – Христом-Богом прошу, положи в левый нагрудник гимнастёрки, не оттянет. Это твой оберег.

Русс-Иван строго глянул на него, но гнев сменил на милость. Только когда положил образок в кармашек над сердцем, заметил:

– У меня на всё своё разумение, свои резоны. Ты их не подрывай.

– Помилуй, Ваня, что за вздор. Иконка лишь укрепит твой дух в бою.

В те роковые сумасшедшие дни Русс-Иван и его товарищи по оружию не согнулись, выстояли, защитив от посягательства противника самую главную высоту в их жизни – Мамаев курган. И только тогда, когда враг попал в окружение, в капкан маршала Чуйкова, он со спокойной совестью отбыл в госпиталь.

Жена Екатерина, узнав, что его прооперировали, оказывала всяческую поддержку. Будто предчувствуя впереди что-то неладное, вызывающее чувство страха, слала ему нежные письма с ласковыми словами, прежде редко употребительными в семье. Здоровье Русс-Ивана быстро шло на поправку. И там, в тылу, на госпитальной койке, он неожиданно понял, что смерть, оказывается, ещё заслужить надо, чтобы от неё людям польза была.

Полтора года спустя, летом 1943-го, на Курской дуге Русс-Иван впервые увидел огромное скопление бронированных машин врага, давящих души и кости людей. В один из ответственных моментов боя дрогнули наши танки, как раки, попятились назад. И тогда вместе с другими смельчаками поднялся Русс-Иван в полный рост, преградил им дорогу. Потный, прокопченный гарью, он сновал от машины к машине и, стуча по железу прикладом автомата, останавливал их. А потом, широко раскидывая руки, истощно бранился кучерявыми русскими словами, приказывал:

– Братцы, ни шагу назад! Умрём, не пропустим фрицев! Погибнем – так с честью.

И увлёт за собою десантников. Вспоротое небо над ним свистало на разные тона: то назойливым громом снарядов, то визгом крестящих воздух пуль, то диким ором лужёных глоток: «За Родину! За Сталина!».

Русс-Иван был, конечно же, в первых рядах. А вместе со всеми кричал выпренные слова, а сам видел в эти, может быть, последние мгновения на земле свою родимую сторонку и отчий дом, кровных и близких ему людей. Их он постоянно подбадривал во сне и наяву, особенно в письмах. Вот несколько строк из одного послания: «Обо мне не горюйте, я – орешек крепкий, дюжий солдат. Побьём фрицев – вернусь домой целым, здоровым и невредимым. Мы обязательно все соберемся вместе. Закатим пир на весь мир». Никогда прежде не хвастался, а тут не утерпел-таки, приписал: «Поздравьте, я теперь сержант! Как говорится, плох тот солдат, который не мечтает быть маршалом».

После продолжительных боёв в ушах его долгое время стоял скрежет ленточных цепей, дребезг стальных кузовов и надрывное дыхание дизель-моторов. В глазах мельтешили картины видений; не давая жизни «тиграм» и «пантерам», он подкрадывается к ним и швыряет в гусеницы, жующие землю среднерусской равнины, связки гранат. Жесткие, клокочущие взрывы – огонь рвёт сцепление колёс, и подбитые танки останавливаются, как вкопанные.

Из этого испепеляющего огня, из этой безжалостной круговерти битвы он вышел живым и невредимым. Казалось бы, есть повод погулять на радостях. А тут на тебе – запоздалое письмо от старика-соседа по дому с убийственной вестью: «Фашисты согнали всех малолетних и пожилых сельчан в амбар, в котором от пожара, лютой казни скончались твои дочурка Светлана, жена Екатерина и сёстры Ольга, Татьяна. Мать Мария Владимировна, чудом уцелевшая, живёт лишь по привычке, а не желанию...»

Будто электрическим прожгло Русс-Ивана. Выходит, он всё это последнее время разговаривал с мёртвыми, поверяя им свои сокровенные мысли и чувства?.. Ноги его сами собой подкосились, вся округа вдруг поплыла в глазах.

Христосик, разносивший письма, вырос перед ним, как из-под земли. Подставил плечо под бок, обхватил руками. И, бегло окинув взглядом скорбные строчки письма, зашептал на ухо:

– Не падай духом, дружище! Метили в тебя, а попали в твоих родных. Таков их дьявольский расчёт: выбить тебя из колеи. Христом-Богом прошу: держись из последних сил. Господь поможет.

Не один день Русс-Ивана душили невыплаканные слёзы, обливая огнём боли всё нутро. Кривым гвоздём до мозга костей засел в голове недоуменный вопрос: «За что ты,

жизнь, так жестоко покарала? За что?! Кому я сделал плохо? Врагам?! Так они к нам пришли с огнём и мечом, а не мы к ним...» Зубы его скрежетали, он грозил им: «Вы ещё меня узнаете, сволочи! Попляшете под дулом моего автомата!»

Христосик, чуя, что Русс-Иван впал в хандру, крутился возле него. То пожимал ему на ходу руку, то дружески похлопывал по спине, желая привести в чувство. Наконец, как бы ненароком сказал:

– На то мы и мужики, Ваня. На то и солдаты, чтобы уметь терпеть, сносить все удары, коли нужда приспела. Ты же мне говорил, что сам умеешь снимать боль со своей души. Так будь верен своим словам. Показывай достойный пример: прикажи себе – и баста!

Сердце Русс-Ивана сосала смертная тоска от пустоты, от горя безысходного. Он отмахивался от Христосика, как от назойливой мухи:

– Навязался на мою голову. Ни черта ты, брат, не понимаешь. Не было для меня красивей и желанней моих девчат, не было на свете и не будет!.. Будь она проклята, эта война! Всё кончено: Богу – богово, Кесарю – кесарево.

И вздыбившись, точно загнанный зверь, шёл к снабженцам за спиртом. Пить пил, а из рутинных армейских дел не выходил.

В рукопашных боях с фашистскими варварами закипало сердце Русс-Ивана, как чайник на плите. Он быстро, словно губка, впитал в себя науку ненависти, точно угорелый, метался по переднему флангу, нещадно уничтожая солдат третьего рейха и их сателлитов. В особенности ужасно страшен и цепок был в сражениях, тесня к кордону потрёпанную рать пришельцев с Запада.

Однако когда вышли к Бугу и перешагнули через заветную линию границы государства Российского, Русс-Ивана как подменили. В его сердце вдруг выросла неумная тяга к Христосику, к его глазам необычайной сини, а пуще всего к тихому голосу. Он видел, что этот рассудительный человек с головой, природным умом, который прочнее всех познаний и опыта.

Однажды в конце июня 1944-го, сидя на припёке в польском лесу и поглядывая на Христосика, как тот, с присущим ему добродушием, быстротой, чистит оружие, Русс-Иван хмыкнул и сказал:

– Ерундистика какая-то получается, чёрт возьми!..

– Сколько тебе говорить, Ваня, не поминай чёрта всуе, к беде... Так что ты хотел сказать?

– Ерундистика, говорю, какая-то. Три года жизни – псу под хвост. Я чувствую себя уже не человеком, а каким-то пушечным мясом... Против нас теперь не только Германия, но и другие страны. Мир как будто раскололся надвое.

– А он испокон веку и был расколот. Люди ищут правду, в кровавой борьбе её отстаивают, приносят свои жизни на алтарь Отечества. А тебя что, на тёплую печку потянуло?

– Да пойми же ты меня! Я истосковался по настоящим людям, по крестьянскому труду, по праздникам с гуляниями на всю катушку.

Христосик отложил в сторону вычищенный автомат.

– А мы с тобой, наши товарищи по оружию – не настоящие люди?

– Настоящие, настоящие, но... всего лишь оловянные солдатики. Эти марш-броски,

марш-манёвры, бесконечные бои местного значения и сражения – мне надоели до одури. Руки в кровище, душа в озлоблении, сердце подорвано...

– А в глазах – адский огонь, – добавил Христосик, крестясь мелкими крестиками. – Ты взгляни, Ваня, на себя в зеркало. Только беспристрастно. Жуть! Лицо некоего демона во плоти... Пора уже умерить пыл классовой борьбы и всякого рода психологические атаки, свойственные безусой молодости, но не нам с тобой, бывалым воякам. Во всяком случае, надо постоянно помнить, что мы теперь не на своей земле, а на чужой, что нельзя вымещать злобу на гражданском населении. В каждом чужаке мы должны видеть человека, а не врага. Учиться различать в нём добро и зло. Жажде мести нельзя дать овладеть собой.

Русс-Иван скосил глаза и, сделав неуклюжий реверанс, покатился со смеху. Потом обнял своего верного друга и, морщась от жалости, сказал:

– Благодетель ты мой. Ну, что бы я делал без тебя, скажи на милость?

Насмотревшись на мирян чужеземных, которые, казалось, и в мыслях не держали причинять кому-то худо, он почувствовал неподдельный интерес к их жизни, религии, нравам. Более того, ввиду влияния Христосика в нем зародилось убеждение в существовании Бога и Спасителя.

Творя перед сном молитвы, Русс-Иван вновь стал обращаться к душам своих родных – Екатерины, Ольги и Татьяны, названных им великомученицами. Разговаривал, как с живыми. Эти тонкие незримые связи облегчали его внутреннее состояние, врачевали душу, вошли в привычку.

Прошагав пол-Европы, через сотни деревень, посёлков, городов, потеряв в малых и больших боях великое множество своих товарищей, израненный, он не переставал жить своим русским умом, живым, бойким, быть верным своему слову, друзьям и товарищам: стремился не только понять чужеземцев, но и помочь им обрести счастливую судьбу.

Понагляделся Русс-Иван и на Берлин. В уличных боях поковырял его сапёрной лопаткой, поползал по булыжным мостовым, полазил по крышам, чердакам и подвалам. Пришлось её, столицу рейха, прежде многим казавшуюся исчадием ада, осматривать и узнавать не только с лица, но и с изнанки...

Вот и тот первомайский день, когда линия фронта проходила через одну из площадей, Русс-Иван столкнулся с необычным фактом. И не отмахнулся от него, оставив в народной памяти неизгладимый след. Впрочем, всё по порядку.

Итак, по одну сторону участка стояли наши войска, по другую – остатки фашистской части, упорно оборонявшие свою «святую фатерлянд». В центре пространства – развороченная взрывом клумба с цветами. Около воронки, на опалённой траве, как насмешка над жизнью, лежала убитая шальным снарядом женщина, а рядом – маленькая девочка. Кроха вертела белокурой головкой, подбирала к животу голые ножки и сучила ими. Лишь в редкие минуты затишья, едва замолкал треск перестрелки и отдалённый гул канонады, отчётливо прорезался её жалобный плач. Звуки, округлённые, надрывные, обретали протяжность в каменном мешке площади: «И-и-в-в-а-а, и-и-в-в-а-а...»

Русс-Иван в те минуты укрывался вместе с бойцами за руинами разрушенного дома и не сразу услышал прерывающиеся всхлипы ребёнка. Но вдруг уловив призывный зов,

как бы непосредственно обращённый к нему, насторожился. В чертах усталого, закопчённого лица проступила растерянность, какая обычно овладевает человеком на берегу моря в шторм в первый момент, когда видит, что там, за стенами волн, чья-то живая душа ждёт непрременной помощи.

– Ба! Детёныш... – удивился синеокий Христосик, высунувшись на мгновение из окопа. – Это, наверное, сам Господь ниспослал его, как божье испытание.

Русс-Иван удивлённо вскинул брови, сказал:

– Господь, говоришь?.. Бог-то Бог, да сам не будь плох!

В его груди в яростной силе заходило сердце. Он поспешно накинул на ствол автомата каску. А поднял над бруствером – несколько пуль тотчас пробили стальной шлем. Спасать ребёнка – значило идти на верную гибель. От этой мысли у Русс-Ивана защемило под ложечкой. Неподалёку, среди пепелища, лежало беспомощное малое существо, чужое коротенькое счастье, высшая жизнь мироздания, а он, страшась и волнуясь за безвыходность положения дитяти, как если бы это была его дочурка Света, взывающая о помощи, не знал, как оградить немецкую девочку от пагубы, которая могла наступить в любой момент. Эта безвыходность тяжёлым грузом ложилась на душу Русс-Ивана, готового пойти на отчаянный шаг, предпринять любое действие, лишь бы спасти ребёнка – никто не имел право расплачиваться его судьбой за авантюризм гитлеровцев. Собственно, он, как и тысяча его соратников, потому и спешил к Берлину, чтобы уничтожить, добить страшное чудовище в его логове, остановить смерть, чтобы люди больше не испытывали неутешного горя. В этом, и только в этом, как он полагал, и заключался высокий смысл прихода Русской армии в заклятую Германию, разумное основание, без постижения которого справедливая народная война из правого дела легко могла превратиться в примитивное преступление.

Плач ребёнка становился всё громче, всё отчаяннее.

По спине Русс-Ивана пробежал холодок. Он поочерёдно всматривался в лица солдат своего взвода и ни у одного уже не замечал тех искорок в зрачках, которым удивлялся в прежнее время. Сегодня мутны были их глаза, уклончивы встреченные взгляды: отчаяние и недоверие металось под опущенными ресницами. И всё же Русс-Иван был уверен – кого ни отправь на боевое задание, всяк пойдёт без лишних слов на самое неизвестное и высокое – на подвиг и победу. Только ведь каждого из них ждали в России родные и близкие. А его кто?.. Счастья своего и то показать некому.

Но не это мучило, другое. А что же он сам: не празднует ли труса? Придирчиво ощупав себя со всех сторон, отметил: он уже не раз встречался со смертью и лучше многих знает, как её отвести. И вдруг в голове метрономом застучали слова Христосика, запавшие в душу: «Показывай достойный пример: прикажи себе – и баста!»

Всем гибким телом, привыкшим слушаться, он прицелился к кирпичному брустверу. И этак, между прочим, сказал подчинённым:

– Я за девочкой. Если что – прикройте.

И легко перемахнул на тротуар площади.

По обе стороны передовой вдруг наступила тишина, будто бившиеся люди разбрелись и оставили место боя пустым. Поступок Русс-Ивана внёс смятение в рациональное,

подверженное суеверным предрассудкам сознание врагов. В окнах дома, стоящего напротив, вылепились их физиономии, следившие за тем, как русский солдат ползёт к цветочной клумбе.

Вот он, наконец, встал на колени. Первым делом закрыл глаза женщине, лишённой жизни в расцвете лет, перекрестил её. Только потом уже поднял девочку, нежно прижал к груди. Она слегка успокоилась, но продолжала горько всхлипывать. И тогда он залопотал ласковым голосом:

– Ну что ты, что ты, успокойся. Всё будет хорошо, я не дам тебя в обиду.

К горлу подкатил комок. Огрубелый сухой ладонью стал приглаживать на детской головке вихры, напомнившие ему цыплячий пух, по-отцовски принюхиваться к тельцу, пахнущему материнским молоком.

Назад он возвращался тем же путём. Медленно, с трудом полз на боку: живая ноша не позволяла стелькой распластаться по искрошенному асфальту. Но сознание, что они с малюткой могут остаться невредимыми, заставляло силой своего яростно бьющегося сердца напрягать усталые мышцы.

У кирпичного бруствера остановился. Заслоняя собою ребёнка, поднялся в полный рост, чтобы перелезть через каменную оградку, радостно крикнул:

– Ребята, нашему полку прибыло...

Но, покрывая его голос, с вражьей стороны по-волчьи взвыли обозлённые пули. И тут же Русс-Иван ощутил, как под левую лопатку вклинился свинец, ужаливший изнутри. И понял: смерть, ходившая за ним по пятам, сцапала когтями. Его упругое тело стало оплывать. Из последних сил, выгнув спину, мешком перевалился за бруствер на руки товарищей.

– Кажется, песня моя спета, – пробормотал он спекшимися губами.

Русс-Иван слышал, как его клали на спину, подложили под голову солдатскую скатку, расстегнули ворот гимнастёрки. Душа его не испытывала ни страха, ни горести, ни сожаления. Он только чувствовал счастливую праведность, важность исполненного им воинского долга.

И вдруг, как ярчайшее видение: то ли синяя полынья неба, то ли светлые глаза Христосика, склонившегося к груди.

Русс-Иван, сморгнув веками, неразборчиво забормотал, давясь звуками голоса. Трудно было разобрать, что он говорил. И лишь только угрюмый, подавленный скорбью невосполнимой утраты его верный друг хорошо расслышал слова:

– Девочку береги. Христом-Богом прошу...

И с последним вздохом любви святой дух Русс-Ивана лёгким облачком воспарил над землёй...

Христосик бережно провёл ладонью по его лбу, надбровным дугам, отяжелевшим векам. Скорбно вздохнул и трижды перекрестил. Потупился на минуту, промолвил:

– Живые закрывают глаза мертвым, а мертвые открывают глаза живым.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ни для кого уже не секрет: желая увековечить подвиг советского народа и мощь Вооруженных сил, спасших мир от коричневой чумы фашизма, – правительство СССР после Победы озаботилось сооружением мемориального комплекса в Трептов-парке Берлина. После Потсдамской конференции глав союзных держав К.Е. Ворошилов призвал скульптора Е.В. Вучетича и, возложив на его плечи госзаказ, посоветовал в качестве центральной фигуры архитектурно-паркового ансамбля изваять бронзовый памятник генералиссимусу Сталину. При всём том подчеркнул: «Вождь трудящихся должен стоять во весь рост, с моделью земного шара в руках, олицетворяющего Европу».

Вучетич в короткий срок выполнил высокий заказ. И, воодушевленный творческим энтузиазмом, без надрыва сердца изготовил ещё один макет: «Воин-освободитель», с риском для своей жизни спасший немецкую девочку во время штурма Берлина. И в назначенный день водрузил свои произведения для обзора в одном из залов Московского Кремля.

Выставка работ мастеров возымела в столице небывалый успех. Особо, конечно, толпились около скульптурной фигуры генералиссимуса и громко высказывали своё одобрение. А укрытую ваятелем фигуру солдата с девочкой, отодвинутую в сторонку, словно не замечали.

И вот как снег на голову явился Иосиф Виссарионович Сталин. Неторопливым шагом обошёл произведения искусства и вдруг, обращаясь к молодому ваятелю, сказал:

– Товарищ Вучетич, ни одна из работ не порадовала меня...

Он сурово нахмурил брови и, указав мундштуком трубки на свою полуметровую фигуру из гипса, вдруг спросил:

– Вам не надоел этот... с усами? Ответьте на чистоту.

– Это пока эскиз... – подал кто-то из толпы голос в защиту скульптора и сразу осекся.

Сталин полуобернулся и заметил:

– Автор был контужен на фронте, но не лишен языка... – И вдруг взгляд его упёрся в бесформенную кучу, укрытую пергаментом. – А что тут, в запаснике?... Впрочем, чужой ворох ворошить, только глаза порошить...

– От вас, товарищ Сталин, нет секретов, – сказал Вучетич. – Это работа, брошенная на скорую руку... Не обессудьте, если что не так.

– Показывайте, показывайте, – сказал вождь. И подбодрил: – Семь бед, один ответ. Не съем же я Вас, в конце концов.

Едва Вучетич сдёрнул с гипсовой фигуры воина белую накидку, глаза Сталина засветились. Он сморщил лоб и вдруг сказал:

– А вот в этом молодце есть что-то... Да, да такого солдата не стыдно поставить в центре Берлина на высоком могильном холме. Сей русский богатырь в бронзе – настоящий победитель. Он несёт на своей груди девочку – надежду на светлую жизнь народов, освобожденных от фашизма...

Иосиф Виссарионович довольно улыбнулся и добавил:

– Только знаете, что... Автомат на плече солдата излишне нарочит. Это огнестрельное оружие нашего времени, а памятнику стоять в веках. Вложите в его руку что-то более подходящее. Ну, скажем, обоюдоострый меч. Увесистый, солидный. Им он рассекает фашистскую свастику. Холодное оружие опущено, но горе тому, кто вынудит богатыря вновь его поднять... Ну, как? Вы согласны со мной?..

– Дайте подумать, – ответил Вучетич.

– Думать хорошо, а размышлять лучше.... Желаю Вам успеха!

... Так на бессменную вахту в Трептов-парке, имеющую важное нравственное значение, заступил Русс-Иван, бронзовый великан-освободитель. И вот уже шестьдесят пять лет бессменно стоит в полный рост, с непокрытой головой.

ВОЛЬНАЯ НАТАСКА

Нынче мало кто из бывалых воинов границы, крепко осевших в прикордонье, выбирается в Москву по тревоге жизни боевой, а тем паче по зову души и сердца. Право, прискорбно, но факт: со временем слабеют сердечные связи, тускнеют старые традиции. А жаль, ей-богу...

И сегодня в толчее и теснине коридоров Департамента морской охраны Федеральной пограничной службы России, как на главном фарватере в зоне территориальных вод, визитёр не разминётся с человеком, о котором в кают-компаниях витают легенды. И хотя суховатая фигура ветерана Константина Ивановича Котова не обтянута тёмно-синим кителем с золотыми погонами и нашивками капитана 1-го ранга; на седой голове не посажена набекрень форменная фуражка Балаклавского покроя; на кистях рук нет и в помине вензелей татуировки с якорьками, инициалами, – в нём легко угадывается чистокровный флотский служака. Он некое подобие силуэта сторожевика, несущего опознавательные знаки, сразу приковывает к себе внимание: и твёрдой поступью с лёгкой раскачкой туловища, свойственной людям отменной военной выправки; и характерным прищуром глаз вперёдсмотрящего на баке, охватно и цепко фиксирующего каждый предмет по курсу; и добродушным лицом простолюдина, изрезанным бороздками многоговорящих морщин, широко расплывающимся в улыбке при встрече со знакомцами, умеющими со всеми обойтись, «держатъ флаг до места».

Но всего более молодого гостя с границы в старожиле фронтового засола пленила бы командирская основательность, здравомыслие и, конечно, всепобеждающая страсть к флоту. Как и тридцать лет назад, Константин Иванович прописан в отделе службы и боевой подготовки, лишь недавно переиначенном на новый лад в отдел подготовки управления организации службы. Только теперь – не грозный начальник группы, а при исполнении обязанностей старшего инспектора. Однако напористости в характере, выверенности в действиях и поступках, природной смекалки в боевом деле ему и сегодня не занимать.

Если волею случая составитя с ним беседа – воспоследует торжество морского духа. Удивит не пустыми побасёнками, изукрашенными выдумкой, а побывальщиной героических и житейских флотских будней. Неспроста рассудительный контр-адмирал Николай Николаевич Козорезов однажды отрекомендовал Котова:

– Человек-легенда! Ходячая энциклопедия морской пограничной охраны.

И такая похвала образованному уму – не гипербола. За долгий век воинской службы не иссохла память Константина Ивановича не только на замечательные события, связанные с дозорами и плаваниями сторожевых кораблей вдоль кромки территориальных вод Отечества, но и на фронтовые будни, которые, как известно, благая почва побратимства.

– Для людей моего поколения 41-й и 42-й годы – самые многострадальные. Задали фрицы нам перцу и чёсу, да не тем будут помянуты, – заговорил неторопливо Константин Иванович. – Сам посуди: в державе война повышибала окна и двери, а мы прохлаждаемся в Московской военно-морской спецшколе, держим экзамены на аттестат зрелости. Нонсенс! Смотришь в учебник, конспект – поверх скучливых и стёртых строк мерещатся боевые сводки Совинформбюро, кадры кинохроники. Разговоры сплошь и рядом, как на фронт попасть, чем помочь армии. И, сколько помню, довольно серьёзные.

Мама, узнав о близкой моей перспективе, забеспокоилась. Отец выслушал её со вниманием и заметил: «Ты Костю, Анисья, возле юбки не держи. Парню нужны строгости, а не телячьи нежности. Чтобы характер закалялся и мужал».

Мы едва дождались выпускного вечера. Хотя не всем стукнуло семнадцать, с учётом доброй воли и предписания распределили по высшим училищам. 5 июля я в числе семерых счастливицков явился в Севастополь. Город очаровал нас. Куда ни ступи – всюду знаки славы наших предков. И до оборонительных рубежей рукой подать. Подумалось: покажем себя начальству с лучшей стороны – попадём на фронт. В бухте Песчаной прошли ускоренный курс молодого бойца, приняли военную присягу. А дальше криком кричи – никто тебя не желает слушать. Вместо Перекопских позиций указали на училищную скамью.

В свободное время мы часто просиживали над картой Крыма. Вымеряли километры, исследовали движения войск. Обстановка день ото дня ухудшалась. Военные сводки не радовали. Немецко-румынские части взяли Перекоп, бойцы 51-й армии откатились на Ишуньский рубеж. Севастополь встревожился: город переходит на осадное положение, жители из него выбираютя один за другим. Военсовет флота мобилизует защитников на отпор врагу, а у нас, салажат, своя печаль: поднимут, на сей раз первокурсников в ружьё или нет? Как бы ни так! Поднять-то подняли, но по поводу эвакуации Черноморского училища. В начале ноября погрузили всех скопом на баржи и потянули буксирами в Ростов-на-Дону. Мы не ожидали такого подвоха.

Однако в Таганроге вдруг спешным порядком высадили на берег. Свели в курсантский полк и, не дав очухаться, бросили против гитлеровцев. Это был кошмар: ни окопов, ни заградительной линии!.. На подступах к городу завязалась ожесточённая схватка –

страшно вспомнить. Противник прижал всех к станции, на наших глазах гибли товарищи. Как спасти положение? Что предпринять?.. И мы, желторотые вояки, растерялись от громких всплесков рвущихся снарядов, от роя пуль, жужжащих над головами.

А вот командир роты оказался другого замеса. Поднялся в полный рост, выпростал красные ручищи из кителя на целую четверть, и как рыкнет в рупор: «Полундра! Не робей, братва! Уплотнить огонь!.. Бой – кровавая и правая работа, не жалея силушку, морская пехота!»

И что б вы думали? Голосовые команды, пересыпанные звонко кованым присловьем и сдобренные солёным рыком, подействовали на ребят магнетически. Где наша не пропадала! Мы встряхнулись, ожили. И вскоре дела как бы сами собой поправились, наладились и откорректировались. Прицельнее застрочили пулемёты и миномёты по роще, куда стеклись немцы. И – о, чудо! – во время огня, такого дробного, суматошного, задорного, не только обрели в себе уверенность, осознали справедливую жёсткость командирского характера, но и на всю жизнь усвоили заповедь. На первый взгляд простую, да жизненно важную: если ты в бою всецело отдаёшься ратному труду, нещадно истребляешь противника, то воля твоя крепнет, страх покидает сердце и смерть уже исходит от тебя к врагу, а не наоборот.

После смены нас с позиций повезли мимо Ростова-на-Дону в Пятигорск. Не для отдыха и лечения, конечно. Там, как выяснилось, формировалась 68-я морская стрелковая бригада. Для неё из первокурсников и второкурсников стали готовить командиров отделений.

Режим казарменной жизни был строгим, напряжённым. Часто по ночам объявлялись тревоги, делались марш-броски до Кисловодска. Утром – ранняя побудка, физзарядка в трусах при любой погоде. И весь день потом занятия, отработка упражнений, вводных. Досконально знакомили со всем стрелковым оружием, учили метко стрелять, правильно выбирать позицию в атаке.

Осваивали также и штыковой бой. Первая тренировка у меня не задалась. На разводе суточного наряда командир роты, обнаружив под моим глазом вздувшийся синяк, заметил: «Ну-ка, ну-ка, покажись. Ого! Красивый фонарь подвесили. И в масть. Скажи мне на милость: что обозначает синий фонарь на фок-мачте ночью?.. Правильно, дежурный корабль. Вот какое у тебя с ним совпадение!.. После развода зайдёшь ко мне».

В канцелярии командир роты обнял за плечи, усадил против себя и повёл такой разговор: «Значит, фингал на занятиях по штыковому бою заработал? А если без вражья?.. Ну, верю-верю. А ты чем обидчику ответил? Ах, заломил руку за лопатку. Жидковато! Сожми-ка пальцы в кулак. Хм, вполне приличный... Эх, Костя, Костя! Как командиру отделения пора тебе понять серьёзные вещи. В коллективе, брат, почёт сильнейшему. Сильнейшему, понимаешь? Слабаку в бою туго приходится. Подчинённые, они какие? Нащупают слабинку – и на ней играют. Неужто у тебя кишка тонка?.. Это хорошо, что в учёбе пятёрочник. Спасибо взводному. Пущай тебя и дальше учит. Только помимо военной теории есть практика, опыт. По этой части я у тебя наставник... Вот несколько первых

советов. Не жди в бою, когда нанесут удар, работай на опережение. Да так лупцуй, чтоб довеска не требовалось. И других бей тем же макарон. Пусть окрест видят да на ус мотают: этот спуску не даст... А ещё натуру вырабатывай. Ни при каких обстоятельствах не выказывай боль и страх. Пуцай тебя особенным считают. И ты себя таковым полагай. Приучайся первенствовать... Дело не шутейное — одержать в бою победу. Там игра на лезвии ножа. Там – пан или пропал».

Через три месяца в звании старшины 1-й статьи я вновь очутился на Южном фронте, на реке Миасс. Моё отделение состояло из одиннадцати матросов. Все велико возрастные, призванные из запаса. Между собой они уважительно называли меня «сынок». Я чувствовал себя по всем воинским артикулам гораздо подкованнее их и нисколько не терялся. Правда, однажды вышел такой пассаж. Вечером после взятия высоты в нашу землянку ввалились танкисты. Раздобыв где-то спирт, они пригласили к себе отметить совместную победу. Мои матросы тут же подхватились, и я вынужден был поспешить с ними. Когда налили спирт в котелок, мне как командиру отделения протянули первому. Я в жизни не держал во рту «хмельного» и оробел. Вдруг слышу за спиной голос моего подчинённого: «Сполна выдохни, старшина, и пей не морщась». Не переводя дух, сделал несколько глотков и пустил котелок по цепочке. Народ загудел: «Ну и пьяница из Кости добрый будет!» Выслушав ещё несколько дурацких сентенций, я захотел выйти из круга, но зашатался и чуть не упал, к неописуемому восторгу честной компании.

Наше отделение не один день защищало свою высоту, покрытую чахлым кустарником. Держа круговую оборону, тылом к шоссе, мы отбивались из всей мочи. Ко всему ухудшилась погода. Днём сыпал дождь со снегом, пропитывая бушлаты влагой, ночью морозец пробирал до костей. Если в сутки удавалось поспать два-три часа – считай, повезло.

Вот и то памятное мартовское утро началось по заведённому немцами порядку. Сначала артподготовка, потом налёт «мессеров» и, наконец, одна за другой атака пехоты. Но в отличие от прошлых дней бой пошёл не на жизнь, а на смерть. Как только фашистским танкам удалось обойти нас справа, потери вмиг возросли. Вскоре в живых на высоте осталось человек пять из моего отделения да пулемётный расчёт соседей в ложбинке. Он-то в основном и укрощал прыть немцев. Но всё же, выдохся и замолк... От мин и снарядов некуда было деться. Они как бы нащупывали меня, подбираясь всё ближе. Когда грохот прозвучал за спиной, меня, как щепку, отбросило на несколько метров и оглушило. Придя в себя, я понял, что не в своей тарелке: будто раскалённое шило торчало в бедре, оно деревенело. Пощупал ногу – вроде кость цела, попробовал подняться – упал от головокружения.

Ночью санитары подобрали меня и снесли в медсанбат. Таких раненых, как я, набралось там сполна. Усадили всех на самолёт и отправили в Ростов-на-Дону. И надо же! – в полёте нас подбил «мессер». Об этом догадались после трудной посадки и пожара на борту. Эвакуация была тяжелейшей. Меня спасло то, что находился не в глубине фюзеляжа, а около плоскости крыла. По его поверхности скатился кулем на землю, и едва отполз в сторонку – рванул взрыв.

В госпитале чуть не сгорел от стыда перед девчонками-санитарками – они обмывали меня и укладывали на операционный стол. «Ты флотский?» – спросил хирург, прощупывая ногу. «Да», – ответил я, настраиваясь на худшее. «У нас кончился наркоз. Моряки – народ крепкий. Если даёшь согласие, будем чистить рану по живому». «Всегда готов», – как-то по-пионерски ответил я. Хирург усёк это и заметил: «Эх, тебя, бычка, ещё молочком надо поить... Дайте старшине спирту!»

Держали меня несколько человек. Когда резали ногу, было терпимо, но когда начали извлекать из мягких тканей осколки, я взвыл волком.

Из госпиталя послали на долечивание в Туапсе. По выздоровлении перевели в маршевую роту – она готовилась к переброске в Крым. Я регулярно слушал сводки Совинформбюро по радио и догадывался, чем может закончиться наш десантный бросок. Но иного желания, кроме как мстить за гибель своих друзей-товарищей, у меня тогда не было.

Человек предполагает, а Всевышний, говорят, располагает. Сначала пришла тяжёлая весть о сдаче Севастополя. А чуть погодя – приказ об откомандировании недоучившихся курсантов военно-морских училищ в Баку.

Шла война. Мы, курсанты, в особенности те, которые повоевали на море и суше, не могли спокойно наблюдать за боями со стороны. Используя реальные возможности для приобретения навыков ведения боевых действий на море, ежегодно вырывались на практику на «воюющие» корабли. А таковыми в составе флота были почти все. Даже учебные суда Каспийской флотилии «Правда» и «Шаумян» приспособили к перевозкам военных грузов на фронт и раненых бойцов из Баку в Красноводск. В 43-м я не только плавал на них, но и участвовал в учебных стрельбах на канонерских лодках «Бакинский рабочий», «Красный Азербайджан». В 44-м в качестве дальномерщика, рулевого и комендора был в военной кампании по Чёрному морю на крейсере «Красный Крым», на эсминцах «Беспощадный» и «Огневой»...

Знаешь, есть такое понятие – натаска. Это когда у зверя, животного развивают умение. С одной стороны, подавляют нежелательный природный инстинкт, с другой – концентрируют усилия на выполнении тех или иных действий... Отдельного рода натаска применяется и в воспитании людей. Первые из них, развивая жизненные и трудовые навыки, учатся на чужих ошибках; вторые – на собственных просчётах. Этот способ формирования личности, основанный на методе проб и ошибок, можно назвать «вольной натаской».

Так вот, я прошёл вольную натаску и дома, и в морской стрелковой бригаде, и в Каспийском высшем училище, и, наконец, в пограничных войсках. Среда ли меня сделала таким, Господь ли меня создал, не знаю. Знаю только твёрдо: через синяки, мозоли, шишки приобретал опыт и постигал истину. Зато уж, если усваивал что, то намертво.

Константин Иванович говорил долго. Слова 90-летнего ветерана западали в душу, врезались в память. И я сказал:

– В жизни ничего нет случайного. Бог по силе крест налагает...

Он взглянул на меня, приветливо защурился.

– Надеюсь, служба моя николи не будет забвенна.

Мелкие складки в уголках глаз, будто взмощенные от колдовского ветерка, затеплились лучиками. Весь какой-то аванажный, светящийся, развернул, насколько позволяли позвонки, бойцовскую грудь, раскрылатился: пиджак нараспашку, из-под белой рубахи проступали полоски матросского тельника – мол, знайте марсофлотцев!

Эта «кольчужка», по фигуральному выражению Константина Ивановича, подчёркивала его сопричастность к морскому братству, была гордостью и отрадой. Потому берег до поры, до времени в шкафу как боевую реликвию или, вернее, флаг корабля. И надевал её только по случаю, когда желал самочинно явить людям фронтовую стойкость, бравым видом внушить им здоровый оптимизм: всяк человек Божий, обшит не бронёй, а кожей.

БИТЫЙ ЛЁД

Этот рейс для «Симбирска» был далеко не простым. Прежде никогда не забирался так высоко в полярные широты, а ныне пришлось: в бухту Титан, на земле Франца-Иосифа, нужно забросить радиста и продовольствие для зимовщиков; на мысу Молот, на Северной Земле, – оборудовать новую полярную станцию. Идти туда не ближний путь. Ледоколы, занятые на проводке караванов по Северному морскому пути, на такое суетное дело не бросишь, вот и подрядили сторожевой корабль с ледозащитным поясом. Старый конь, мол, глубоко не вспашет, но борозды не испортит.

По распелёнатому ото льда морю «Симбирск» неторопливо шёл в медвежий угол. Да и шибко ли разгонишься, когда отсеки и трюмы забиты грузами, стройматериалами; когда на верхней палубе принайтрованы бочки с топливом, катера, кунгусы. В походе каждый фунт на пуд тянет, но в море без плавучих средств не застрахуешься от бедствий. А напастей в этом году хватало. Всё больше от гитлеровцев, чем от плохой погоды. О войне с Германией напоминали уже не только радиосводки о положении войск на фронтах, но и короткие сообщения о действиях вражеских подводных лодок в водах Карского моря: на днях потопили несколько советских судов с продовольствием и снаряжением для зимовщиков.

«Симбирску» фортуна улыбалась. Августовские дни стояли солнечные, почти в безветрии. Море, полусонное, с ледяными полями, испещрёнными полыньями, лучилось синью, сверкало снежной белизной.

Наконец у горизонта забелел небосклон. Это «ледяное зарево» как бы заранее предупредило экипаж о скорой встрече со льдами. Так оно, собственно, и произошло. Хрустальный купол Земли Франца-Иосифа, розовато и невесомо сияя под червонным солнцем, открылся холодной ранью. Над водой, мерно взмахивая крыльями, парили чайки, юркие чистики короткими крыльями резали со свистом прозрачный воздух, а на льду на черных лентах трещин, небольшими стайками кормились утки, гагары. Словно ритуал исполняли.

Остановка в бухте Титан предполагалась короткой. На остров свезли молоденького радиста, а на «Симбирск» тут же доставили зимовщика Сергея Ивановича – сивобородо-

го, слегка сгорбленного мужика в меховой куртке, уже в летах, но веселого, общительно-го. Истосковавшись по компании, разоткровенничался на мостике о своей полугодовой жизни на острове. И как бы ненароком сообщил:

– Не так далече нащупал я в эфире неизвестную длинноволновую станцию и как бы, в самом деле, ощутил себя Робинзоном. От, ей-бо! Помните, на прибрежном песке он узрел след чьей-то голой ступни?.. Вот и я взволновался, не приведи Господь, кто-то быть, может, решил – своя радиоточка, а меня не проведёшь. Почерк наших ребят я зараз угадываю. А первое правило у связистов? Увидел что, услышал – немедля доложи! Вот и я доложил по команде. Начальство с Диксона без проминки прислало аэроплан. Покружил он над островом, повыл мотором, как в рог серебряный, – черта лысого! А сигналы-то идут в эфир, слышу своими ушами. От, ей-бо! Снова я отбил радиограмму в штаб. Проводили, на сей раз авиационную разведку или нет – не знаю, а вот радиста, в помощь, прислали. От, ей-бо! На голом острове можно и в самом деле головой свихнуться. Только здравость ума, братцы, не терял. И сейчас, как перед Богом, могу поклясться: на Земле Франца-Иосифа засела вражина. Метеоролог, мой Пятница, не даст соврать. Намедни вместе видели, как на севере пуляли в воздух красные ракеты. Страхи чистые!..

Командир корабля капитан-лейтенант Кочеров, выслушав старика, шутиливо посоветовал:

– Ты, Иваныч, когда мерещится, крестись мелким крестиком.

Зимовщик сощурился хитро, но ответил без обиняков:

– Сколько ни крестись, от судьбы не отмахнёшься в жисть.

В это время Кочеров заметил, что к разговору хочет подключиться комиссар Анкудинов, прозванный им про себя Политикашка, и потому бросил:

– Ну, не время варить баланду! – И, кликнув боцмана, стал обговаривать условия выгрузки продуктов.

Не успел командир спуститься в каюту после инструктажа, чтобы чуток отдохнуть, через комингс шагнул Анкудинов. Всегда улыбчивый, открытый, весь как бы на виду, а тут, против обыкновения, хмурый, официальный, точно застёгнутый на все пуговицы. Плот-но прикрыв за собой дверь, упёр в Кочерова сквозь стекла очков немигающий взгляд и без артподготовки, сразу в штыки:

– Ты зря, командир, несерьёзно отнёсся к Иванычу. Сведения о вражеской радиостанции весьма интересные. Не мешало бы их проверить.

Кочеров не без любопытства посмотрел на Политикашку, неспешно вынул из буфета графин, тарелку с огурцами и, показав на стул, сказал:

– Прошу!

Они стали усаживаться к столу. Анкудинов, стараясь выглядеть повыше, солиднее, вытянул шею, чтобы взять под прицел своих диоптрий высоченного Кочерова, который сел боком: его колени не влезли под столешницу.

– Обстановка ненадёжная. Неизвестно куда занесёт. Только уголь пожжём. – Командир компанейски подмигнул рыжим глазом и налил в стаканы спирт. – Ну, доброго здоровья, ясного погоды!

В отсеках корабля и в самом деле было сыро, холодно. Сто грамм, конечно бы, не помешало. Но Анкудинов твёрдо решил: нет, не время. Люди к нему присматриваются, как к новоявленному человеку, а нюхают сивушный запах, скажут: «Побрился комиссар! Нас уму-разуму учит, а сам с утра духами пахнет».

– Так не будешь? – спросил Кочеров.

– Дело хозяйское. У меня, южанина, кровь в высоких широтах стынет. – И, чувствуя, как внутри всё натянулось, опрокинул в рот стакан.

– Надо, командир, всё-таки проверить версию Иваныча. Бог не выдаст, свинья не съест. Сориентируемся в обстановке.

Кочеров с удивлением взглянул на Анкудинова, усмехнулся и заметно помрачнел:

– Ты, комиссар, человек свежий на корабле, да, можно сказать, и в Арктике. А я тёртый во льдах калач. Так вот, кружить у архипелага – равно играть со смертью. Из каких соображений лезть на рожон?

– Из высших соображений, Дмитрий Алексеевич, – голос Анкудинова был ломкий, выдавал взволнованность с головой. Желая совладать с собой, он сцепил пальцы рук в замок. – А точнее, из стратегических понятий, из боевых задач флота.

– Наша главная задача – как можно скорее развернуть полярную станцию на мысу Молот.

– Одно другому не мешает. Мне ли тебе объяснять это?

Кочеров с видом большого неудовольствия оборотился к иллюминатору. Пускай выскажется. Он ему такое врежет – навек запомнит... Если не хочешь, чтобы тобой помыкали, покажи зубы сразу. Это Кочеров давно усвоил за годы службы: не поставишь в решительную минуту политикашек на место – впоследствии намучаешься с их опёкой.

– Значит, комиссар исходит из стратегических соображений, а у командира одни лишь шкурные интересы. – Кочеров подался вперед, в интонации была адская усмешка и едва скрываемая злость. – А если заедем к черту на рога? Это ты объяснишь, какими соображениями?

Анкудинов тоже с вызовом уставился на Кочерова – ему даже пришлось задрать подбородок, чтобы встретиться с его глазами.

– Не поднимай волну, командир. Сам говорил, что знаешь Арктику как свои пять пальцев.

– Знать и ходить – вещи разные. Я у Земли Франца-Иосифа не хаживал ни разу. Тут и бывалые навигаторы путаются в проливах... Рейс у нас снабженческий. Потерпи до возвращения в Диксон, а там доложим начальству – видно будет.

Комиссар судорожно, до хруста сжал пальцы: нерешительность командира час от часу все более раздражала его.

– Ну, уж нет! Пусть терпением запасаются другие! – И, не ведая, как накинуть на Кочерова узду, произвольно, само собой вырвалось: – Эх, кровь твоя стылая! Разве ты командир? Ты, ты... – начальник по снабжению!

Кочерова словно обдало жаром, переменился в лице от обиды.

– Лошади чужие, хомут не свой, погоняй, не стой! Так, что ли? – Он с трудом удерживал своё негодование. – Я от смерти никогда не бежал, но и специально за ней не гонялся.

Анкудинов вспорхнул со стула, взъерошенный, точно задиристый петушок, исчерпавший все мирные возможности. Заложил руки за спину, видимо, собираясь с духом, чтобы сказать ещё что-то. Кочеров, повинувшись какой-то магической силе, исходящей от Политикашки, тоже приподнялся, большой, громадный, завис над столом тучей. Анкудинов побледнел и не проронил ни слова. Натянул потуже на лоб фуражку и, глянув на Кочерова с глубокой горестью, ушел молчком, храня достоинство.

Демонстративный уход Политикашки задел самолюбие Кочерова. Так задел за живое, что он заходил взад и вперед по каюте, как тигр по своей клетке. Без видимой причины попинал подвернувшийся край ковра, свалил стул. Водрузив на место, взял стакан Анкудинова и осушил одним духом.

«У-у, чёрт! – взвыл Кочеров, почесывая затылок. И, снова замерив палубу большими шагами, принялся посмеиваться над собой: – Чеши, чеши репу! Надо было месяц назад чесаться, на рейде Диксона. А то зарпортовался: «Готов выполнить любое задание!» Но у начмора глаз намётанный, бойким видом его не возьмёшь: «У вас был переход из Архангельска. Какие возникли трудности?» А ты словно наступил сам себе на ногу, слукавил: «Трудности у всех одинаковые: погода, льды. Корабль не новичок в Арктике». – «Ну, а экипаж? Полностью укомплектован?» – «Так точно. Вот только старпома свезли в госпиталь. Работал на разгрузке у острова, стоя по пояс в воде. Вроде не первый раз, простыл. И комиссара мне обещали подыскать в Диксоне». – «А какой диагноз у старпома?» – «Воспаление легких. Но врачи подозревают что-то серьёзное». – «Это плохо... Вам предстоит очень ответственный рейс на дальние острова. Без старшего помощника не обойтись, а поставить на подмену сейчас некого. Готовим к отправке на восток большой караван – девять транспортных судов, и весь командный состав задействован. Впрочем, комиссаром к вам на корабль пойдет Анкудинов. Он окончил мореходку, плавал в Арктике штурманом, чуть ли даже не старпомом. После частичной потери зрения ушел из плавсостава, учительствовал. Потренируешь месяц-другой – потянет у тебя за старпома... Не обижай его. Как замечено, комиссары у тебя долго не задерживаются». А ты что? «Я зазря никого не обижаю. Был бы человек хороший! Возьмётся за дело – дело медведя научит». И вот, заместитель комиссара отряда привел на «Симбирск» этого «медведя», а оказался – «кот в мешке». Первое время в рот тебе заглядывал, теперь же песок в глаза сыплет: «Кровь твоя стылая!.. Начальник по снабжению!..» Ну и дожил...

Одиночество стало невмоготу. Кочеров выбрался из душной каюты в ходовую рубку. Шаги по палубе раздались гулкие, тяжёлые; голос громкий – на нижней палубе даже слышался; взгляд въедливый. Кто попал под горячую руку – досталось на орехи.

Кочеров не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. А тем более не терпел, если со стороны лезли с советом, как управлять кораблем, не заботясь о том, противоречит это его мнению или нет. И прежде бывали случаи, когда кое-кто «качал права». Задавал им такую острастку, что навсегда отбивал охоту к подобным покушениям...

А вот с Анкудиновым у Кочерова не получилось. Однако, поостыв и вспомнив, как немцы трубят, будто весь русский Север уже захвачен ими, подумал: «Обнаглели, своло-

чи!.. Никогда такого не было, а тут каждую неделю стали проведывать наших полярников. То в центре Карского моря на остров Уединения напали, то сожгли пост наблюдения и связи на острове «Правда», то попытались с помощью корабельного десанта укрепиться на острове Русский.... Ведь кто-то же наводит немецкие подлодки на острова зимовщиков? Что если и в самом деле та самая станция, запеленгованная Сергеем Ивановичем? И не просто радиостанция, а замаскированная база подлодок?»

И мало-помалу в Кочерове наметился переворот: прежде чем идти на Северную Землю, решил обследовать западные острова Земли Франца-Иосифа, на которые указывал Сергей Иванович. А чем чёрт не шутит?

Когда «Симбирск», тихо подвигаясь, начал резать у архипелага зеленоватую кашлицу битого льда, в ходовой рубке, как ни в чём не бывало, появился Политикашка. Кочеров думал, что он подойдет к нему и начнёт извиняться, оправдываться – мол, погорячился давеча. Его предшественник так, собственно, и поступал: сначала прикормка, а потом примирение. Но Анкудинов, выйдя на мостик и заметив съездившегося от холода командира, одетого в китель, только и спросил:

– Простудиться не боишься?

Кочеров, оберегая субординацию, как ёрш выпустил свои колючки:

– Кровь хоть и стылая, но пока греет...

Умело лавируя среди обломков льда, «Симбирск» не обнаружил ничего подозрительного или мало-мальски ценного ни в первый день, ни в последующие сутки. И Кочеров в душе уже начал жалеть, что потратил столько времени на пустые хлопоты. Мысль, которую баюкал в своем сердце – найти не просто радиостанцию, а базу вражеских подводных лодок, – казалась теперь смешной. Это всё равно, что искать иголку в стоге сена: сколько ни вороши, ни перетряхивай на вилах – была игла, да спать легла.

Анкудинов каждую свободную минуту заскакивал в рубку. Томясь от неизвестности, от сознания собственного бессилия, то и дело смотрел в бинокль. И, повздыхав, виновато пожав плечами, уходил к своим делам.

Другой бы и в самом деле окоротил себя, отказался от дальнейшего поиска, да только не Кочеров. Не зря говорят: пограничник в душе разведчик. Он терпеливо ждал своего часа... Было время – гремел Кочеров, на весь флот гремел. В год по четыре-пять судов – нарушителей границы задерживал. О каждом из них долго в Заполярье говорили все. Так, однажды он принародно поручился изловить транспорт, который уже не единожды под покровом ночи заходил в плохую погоду в залив в районе Пуманки, высаживал агентов на побережье и – поминай, как звали. Укрывшись в уединённом месте плёса острова Кильдин, Кочеров не одни сутки отстоял в засаде, пока в свирепую, шквалистую ночь не выследил злонамеренное судно. Незаметно, без ходовых огней, подкрался к нему вплотную, для острастки отсалютовал из трёхдюймовой пушки и высадил осмотровую партию на транспорт. Как потом выяснилось на базе, застукал на месте преступления переоборудованный немецкий тральщик с тридцатью диверсантами на борту.

Вот и теперь в поиске потаённой базы Кочеров был неукротим. Единственным надежным ориентиром служил берег, его очертания. Но как тщательно, ни обследовал все

попутные заливы, по-прежнему в эфире было оглушительно тихо, а в округе – пустынно, ослепительно сияли снега, так, что глаза начинали болеть.

Однако острое предчувствие каких-то новых открытий не покидало Кочерова, настраивало на то, что он чего-то не доделал, хотя мог... Ах да, вахта наблюдения! И на фок-мачте, в «вороньем гнезде», посадил с биноклем самого опытного наблюдателя. И не ошибся: в предвечерний час, как со дна колодца, простуженный голос донёс:

– Слева тридцать, льдина с меткой!..

Похожая на огромный кусок ноздреватого сыра, пропитанная соляжкой, глыба вскоре угрожающе торкнулась в борт и скрылась за кормой. Кочеров замер и вначале подумал, что всё это просто почудилось. Но через несколько минут снова попалась льдина, на которой там и сям пятнами выступало машинное масло.

Кровь застучала в его висках. Он поднёс к глазам бинокль и в очертаниях невысокого северного берега не усмотрел ничего подозрительного. Кинулся к карте, заглянул в лоцию: бухта Нагорная, ничем не отличная от других. Но кто-то будто в бок его толкнул:

– Эх, дадим гастроли!.. Право на борт!

Только «Симбирск» обогнул таинственный, молчаливый мыс – на дальней сопке завиднелись какие-то бревенчатые бараки. Чьи они? Зверобоев, некогда промышлявших в этом заповедном крае, или...

В бухту, очищенную ото льда, они ворвались с ветерком. Думалось, Кочеров тут же развернёт корабль и застопорит ход, но он, поддавшись бесу любопытства, решил вблизи осмотреть строения, определить их настоящего хозяина. Однако из осторожности повёл «Симбирск» не посередине, а по тёмному крылу тени, отбрасываемому причудливыми скалами на покрытую рябью поверхность.

Корабль приблизился к пологому берегу. Мать честная! У среза воды – новенький деревянный причал, метеостанция, склады продовольствия и боеприпасов, тщательно закрытые металлическими сетками от белых медведей. Ко всему над постройками – шатры из сетей с пучками мха и мёрзлого снега. Благодаря такому камуфляжу сохранилась полная скрытность базы с воздуха.

– Нндаа, – с выдохом вырвалось у Кочерова. – Иваныч не врал... Ловко устроились.

Поглядел в одну сторону, поглядел в другую. Остров казался безлюдным. Но так ли это? Не притаился ли на сопке вражеский наблюдатель? Не выстукивает ли по радиации сообщение о «Симбирске»?

Кочеров вздрагивающей рукой нашарил в карманах папиросы, прикурил. А когда поднял суженные глаза, обомлел. Из-за пригорка выскочили гитлеровцы с автоматами. Затыкали руками в сторону «Симбирска» и, словно наваждение, в ту же минуту как сквозь землю провалились. Были – и нет нас.

Сомнений больше не оставалось: злодеи в тайне, по-волчьи, проникли на Землю Франца-Иосифа и под самым нашим носом соорудили на архипелаге базу.

– Вот, сволочи! – В сердцах сказал Кочеров, ощущая в душе боль не только за этот поруганный остров. – Ничего, попомните «Симбирск»!

У него возник замысел, дерзкий, увлекательный: уничтожить базу противника и убраться восвояси. Да только хотел приступить к осуществлению своих намерений, на мостике появился Анкудинов и словно ушат студёной воды вылил ему на голову:

– Не ломай дров, командир. В Диксоне сообразят, как выбить неприятеля с острова.

Кочеров упёрся в Политикашку тяжёлым взглядом. И, не замечая, что к их разговору прислушиваются рулевой, телеграфист, вдруг, сорвавшись, почти выкрикнул:

– Ты кто такой?! Комиссар, мой помощник. И пока я командую, не вмешивайся в управление кораблём.

Анкудинов не шибко оробел. Ощувив, как утвердилось, окрепло в нём чувство собственной правоты, встретил взгляд командира прямо, без страха, с отчаянной решимостью пока ему не делать уступок.

– Я не вмешиваюсь, а советую... – голос его осёкся, но в нём был вызов. – А впредь прошу не говорить со мной таким тоном.

И по угловатой походке, с какой поспешно отошёл к иллюминатору, видно было, что Кочеров оскорбил в нём то, что он, Анкудинов, так любил и ценил в себе самом: умение распознать беду, с какой бы стороны она ни надвигалась, и вовремя остеречь от неё других.

«Ну что мне делать с Политикашкой? Лезет под горячую руку», – размышлял Кочеров, наводя дальномер на береговую излучину. Зорко осмотрел окоп с пулемётными гнёздами – железную подкову у залива – и мало-помалу остепенился, трезвее стал взвешивать все «за» и «против» осады острова. А когда неожиданно осенило, что, возможно, где-то поблизости находятся вражеские корабли и могут поспешить на выручку базовым стражникам, спину его обдало холодом. И притаившиеся сопки, и пулемётная батарея, тщательно укрытая, и вооружённые до зубов стрелки, в нелюдимости злые, терпеливо высматривающие свою жертву, – всё ему напомнило западню.

«Цепкий, как клещ, – подумал Кочеров о Политикашке. – А ум здравый, расчетливый. Действительно, пора уносить ноги подобру-поздорову. Нечего судьбу испытывать».

Опыт ему подсказывал: фашисты затеяли с ними воинственную молчаливую игру и надо просто выдержать её правила до конца, чтобы выскочить отсюда невредимыми. Он демонстративно медленно развернул «Симбирск». Машины заработали при реверсе на полную мощность, корпус сотрясся от напряжения, в рубке со стола попадали карандаши.

Однако уже на выходе из бухты сердце вновь подмыло искушение отомстить фрицам: пальнуть по острову, отогнать солдат от пулемётов и открыть истребительный огонь по складам. Хотелось стряхнуть с души скверное чувство своей униженности.

Только направил корабельные орудия на пулемётные гнёзда, как его вольности опять пресёк Анкудинов.

– Командир, не сходи с ума! – жестко сказал он, взирая поверх очков. – Доставим зимовщиков на Северную Землю, установим метеостанцию – тогда, бог с тобой, выкажывай озорство.

Кочеров круто повернулся к Политикашке. Сурово, но без злобы окинул взглядом его щупловатую фигуру. И, видимо, ему что-то открылось в этом человеке, иначе бы не зарубил себе на носу: «Этакий даже из айсберга сделает битый лёд...»

Анкудинов поймал напряженный взгляд командира. Чтобы скрыть своё волнение, ранимость, подслеповато пощурился и обронил:

– Пошли на зайца – набрали на логово крупного зверя... Вот так снабженческий рейс!

Кочеров невольно улыбнулся в усы. Первый раз за последние сутки. И как-то многозначительно сказал:

– А ты, комиссар, того... с позвоночником. Голова не проваливается в штаны.

Анкудинов не пропустил слова командира мимо ушей, парировал:

– Отложи эти блины на другие дни!

Звёздное небо отливало ртутным блеском и уже сторожило «Симбирск» на безжизненном плёсе волчьими глазами.

Из шкатулки: мудрости и афоризмы

Открыто людям только настоящее.
Грядущее провидят только боги,
им равных в мире нет, свет вечный — их обитель.
Но мудрецы провидят предстоящее —
грядущего пролог. В минуты строгих
раздумий их могучий ум порой замрет —
и слышат мудрецы, полны тревоги,
таинственный, глухой шум будущих событий;
а там, за окнами, шумит народ,
не ведая, что встало на пороге.

Константинос Кавафис

Мы становимся слепыми к тому, что видим каждый день.
Но каждый день разный, и каждый день является чудом.
Вопрос только в том, чтобы обратить внимание на это чудо.

Пауло Коэльо

Тот, кто оставил после себя хоть одну светлую, новую мысль, хоть один полезный для человечества подвиг, не умер бездетен.

А.А.Бестужев-Марлинский

Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторенный,
И вправду будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покоренной.

Уильям Шекспир

Трава оставляет корни, а люди потомство.

Кит

Из трех тысяч грехов, говорят мудрецы,
Без потомства прожить, самый тягостный грех.

Тао Юаньмин

ЧЕХ Наталья Алексеевна – родилась в апреле 1951 г. в семье сельских учителей, в станице Раевской на юге Кубани. Образование медицинское. Ветеран труда. Член Союза писателей города-курорта Анапа.

Литературным творчеством занимается со школьных лет. Публиковалась в журналах «Анапа сегодня», «Высокий берег», в альманахе «Парус», в газетах Краснодарского края, Москвы. В 2008 году выпустила сборник рассказов «Прости меня», в 2010 году – повесть «Царство Котломыч». Готовит к изданию новую повесть.

АХ, ВОЙНА, ЧТО ТЫ, ПОДЛАЯ, СДЕЛАЛА

Рассказ

Глава 1

Узкая просёлочная дорога, накатанная тракторами и подводами, скучной пыльной лентой, петляя, карабкаясь на пригорки, вывела Наташу на простор.

Куда ни кинь взгляд – ширь-размах золотистого поля, а небо синее-синее и солнце, как раскалённый блин, висит прямо над головой.

Утопая по самые щиколотки в тёплой придорожной пыли, девушка шла не спеша, помахивая прутиком. Жара слегка разморила – хотелось пить. «Ничего, скоро криница, там и отдохну», – подумала она и свернула с дороги, примяв босыми ногами душистое разнотравье. Прохладная зелень освежила разгорячённые ступни.

Ещё от самого двора за ней увязался домашний пёс. Так и шёл рядом, то отставая, то забегавая вперёд.

– Шарик, – окликнула его Наташка, – чего тебе дома не сидится? В такой шубе по жаре бродишь, валялся бы под забором, в тени. Ладно, мне на работу, а тебе куда?

Шарик присел на задние лапы, задрал кверху морду и долго не мигая, смотрел хозяйке в глаза, словно хотел сказать: «И куда же я тебя одну отпущу?»

Наташа потрепала рукой собачий загривок.

– Ну, не обижайся!

Пёс радостно взвизгнул, лизнул девичью ладошку и с громким лаем помчался вперёд. Наталья, улыбаясь, спустилась к кринице. Холодная лужица морщилась и подрагивала, из её глубины пробивался весёлый родничок.

Намочив ладони, девушка провела ими по лицу, затем, сложив ладошки лодочкой, подставила к роднику, и когда они наполнились холодной водой, выпила маленькими глотками, будто в первый раз пробуя вкусную, сладковатую воду. Шарик жадно лакал из лужи. Наташка, зачерпнув рукой, брызнула ему в морду. Пёс резво отскочил, шлёпнул передними лапами по краю лужи, окатив дивчину водой.

– Ах, ты так? – она громко рассмеялась, замахнувшись на него прутиком.

Шарик, приняв весёлую игру, со звонким лаем метался по воде, и уже вскоре оба были совсем мокрые.

Наташа отжала подол платья, смеясь, выговаривала псу:

– Как же я в таком виде появлюсь на стане?

Работала она помощницей поварихи – тётки Аксины, и каждое утро шла знакомой дорогой, вдыхая луговые запахи и любуясь родными просторами. Вот знакомое дерево стоит одно-одинёшенько в поле, раскидистая крона бросает ажурную тень, в которой отдыхают привядшие от полуденного солнца полевые цветы.

Еле слышно доносятся звуки пастушьей дудочки. Это Егорушка – станичный пастух, тоску разгоняет. В траве весело стрекочут кузнечики, и поют перепела: «Пить идём, пить идём». А в прозрачном лесочке кукует кукушка. Все звуки сливаются воедино и прекрасной симфонией плывут над необъятными, ещё не скошенными полями.

«Успеть бы к обеду, помочь Аксины, – размышляла Наташа, – как она без меня управится?»

Сегодня Наталье пришлось задержаться: заявку на склад носила, чтобы продукты подвезли. Со дня на день начнётся уборочная. Ох, и время напряжённое, но вместе с тем какое-то радостное. Все в приподнятом настроении, хотя усталости и забот предостаточно. Полевой стан становится многолюдным, оживлённым: слышатся шутки, смех. Много командировочных из города, на подмогу съезжаются. Хлеб-то он, один на всех.

Погрузившись в мысли, Наташа подошла к стану. Большая площадь была накрыта дощатым навесом, в углу важно разместились огромная печь, по обе стороны от неё – стеллажи, заставленные посудой и кухонной утварью. Под навесом стояли длинные столы и грубо сколоченные лавки. Чуть поодаль, на столбах висели рукомойники, на них лежали серые куски мыла и висели полотенца.

По всему стану разносился запах наваристого борща. Тётка Аксины, склонившись над кастрюлей, помешивая в ней большим половником, окликнула девушку.

– Наталочка, быстренько стол накрывай. Начальство приедет к обеду. Иван примчался на мотоцикле, кричал как шалопутный: «Гости с города едут, где Наташка?! Обед до сих пор не готов!» Вот, дурной, его ж за версту видно, шо кроме тебя, ему ничего не надо.

Наталья, вздохнув, опустила глаза. Иван давно пытался ухаживать за ней. Молодой, красивый парень, работал в гараже механиком, носился по полям на мотоцикле, подшучивал над молодыми девками, покрикивал на мужиков. Был шумливым, напористым.

– Ну, совсем он тебе не пара, – продолжала тётка Аксины, – брал бы Раиску, она ему не уступит: рот не посмел бы открыть. Так нет же, выбрал, тихоню.

Наталья, окончив школу, мечтала поступить в сельхозтехникум, с тем, чтобы вернуться в свой колхоз и никогда не покидать родных мест. Душой и сердцем была привязана к станице. С детства любила поля пшеничные, любовалась их просторами, украшенные синими васильками и алыми маками. Бывало, склонится над морем колосьев, а они раскачиваются волнами, нежно щекочат её лицо, шею. Улыбка блуждает на губах, и на

душе спокойно-спокойно. Толстая коса упадёт через плечо и сольётся цветом со спелой пшеницей. Глаза у Наташки зелёные, лицо чистое, светлое, и вся она светится изнутри какой-то необыкновенной душевной красотой.

К полевому стану подкатила бежевая, сверкающая никелем, «Эмка».

– Наталья, вот и дождались, а ну, живенько режь хлеб. Бачишь, начальство уже тут, – захопотала повариха.

Двери «Эмки» открылись, из машины вышли главный агроном колхоза – Михаил Иванович и с ним незнакомый гость, по всему видно – городской. На нём был светло-серый летний костюм, голубая рубашка и галстук. Тёмные волнистые волосы, аккуратно зачёсанные назад, открывали чистый высокий лоб. Михаил Иванович, указывая рукой вдаль, что-то говорил приезжему, а тот, улыбаясь, кивал в ответ. Невдалеке работал трактор, обкашивая поле, его мерный рокот доносился повсюду. Урожай зерновых был богатым, и главная задача стояла перед колхозом – убрать всё без потерь.

– Кто такой? – приставив руку к глазам, поинтересовалась тётка Аксинья, – николи его раньше не бачили. Молодой совсем хлопец, та який красивый и ухоженный – видать высокое начальство.

Наташа молча готовила стол к обеду, нарезав хлеб крупными ломтями, сложила его на чистое полотенце. Поставила на стол большой кувшин с прохладным квасом.

– Шевелись, девка, – подгоняла Аксинья.

Наташка привыкла к её сварливому характеру и не обижалась: лучшей поварихи не найти во всей округе.

Неожиданно громко затарахтел мотор. Это Иван на своём потрёпанном мотоцикле, подняв столб пыли, подлетел прямо к «Эмке».

– О! Скаженный наш – начнёт сейчас шуметь, та фуражкой об землю кидать, – съязвила тётка Аксинья.

Иван поздоровался с начальством и в это время, работающий трактор, неожиданно остановился. Пожилой тракторист, выглянув из кабины, спрыгнул на землю, обошёл вокруг машины и в растерянности развёл руками. Иван рванул к трактору, и уже слышен был его взвинченный до хрипоты голос.

– Я тебя в бараний рог скручу! Ты что меня перед начальством позоришь!

Тракторист топтался на месте, пытаясь вставить слово в своё оправдание. Куда там! Ивана уже так понесло – он бегал вокруг трактора, бил сапогами по гусенице.

– Под суд пойдешь! Работнички... мать вашу! – и сорвав с головы фуражку, стал неистово её топтать.

Тётка Аксинья смеялась.

– Тю, малохольный, всё показав, шо мог! Я ж ёго щэ хлопчиком знала – неслухьяный був. Помню от злости кабанчика за ухо укусыв. От кислицы снятся какой-то девке, – и покосилась на Наташку.

Пока Иван разорялся, агроном с приезжим подошли ближе.

– Что, батя, случилось? – обратился незнакомец к трактористу.

Михаил Иванович представил гостя:

– Василь, товарищ из райкома партии, ты уж отвечай, как полагается. Артём Сергеевич приехал проверить нашу готовность к уборочной, а мы сразу товар лицом: вот, смотрите, пожалуйста, как мы готовы.

Василий теребил в руках кепку.

– Да, шпонку срезало. Проверял же всё, а тут сразу лязгнуло, и...

Артём Сергеевич снял пиджак, передал его агроному, закатил на рубашке рукава.

– А ну, Василий, как Вас по отчеству? Дай мне болт-восьмёрку и молоток.

Ловкими ударами, примостившись прямо на форкопе, Артём минут за десять смастерил нужную деталь.

– Заводите трактор, сегодня доработаете, не гнать же машину из-за этой ерунды в мастерскую. Я таких болтов в ФЗУ сотни переделал. Потом на кузне перекуете. Иван топтался по фуражке и хлопал глазами.

– А Вам, товарищ механик, на первый раз делаю устное замечание: прошу, изменить форму общения с подчинёнными, ведь Василий Батькович Вам в отцы годится.

Среди подъехавших механизаторов послышался одобрительный смешок. Вскоре все собрались к обеду. Мужики шутили, громко переговариваясь, расселись за столами. Главный агроном и приезжий, вымыв руки, сели во главе стола. Механизаторы одобряюще кивали: «Наш человек, не кичится своим положением, да и руки видно по всему, привыкшие к работе. Вон, даже Ивану нос утёр, а тому бы только горлом брать».

Иван, чувствуя общее настроение, присмирел и не сводил глаз с Натальи. А она бегала меж столами, разносила тарелки с борщом и не обращала на него никакого внимания. Поднесла тарелку Михаилу Ивановичу, а он, улыбаясь, сказал:

– Наталочка, ты гостя вначале уважь, пусть отведаёт наших харчей.

Девушка посмотрела на Артёма, взгляды их встретились, у неё нервно изогнулась бровь, лёгкий румянец «заиграл» на щеках, наступила неловкая пауза. Смутившись, Наташка засуетилась и невольно положила в тарелку вторую ложку сметаны. Все дружно засмеялись, а Наталья спряталась за спину тётки Аксины.

Ивана от всего этого прямо передёрнуло. Сунув в рот горячего борща, он со злостью бросил ложку в тарелку, обрызгав своих бывших однокашников – Сашку и Григория.

– Э, товарищ механик, на поворотах полегче, – утираясь, прошипел Григорий.

– Поговори мне! – гаркнул Иван и демонстративно вышел из-за стола.

– Горяч, однако, – наклонившись к главному агроному, тихо сказал Артём.

– Что есть, то есть, но в работе незаменим. Хорошо знает технику: бывший танкист. Вот беда – нраву пылкого, а тут ещё любовь безответная. Влюбился в Наталку, уже весь колхоз смеётся, а она неприступна: молодая ещё, только школу окончила, пошла Аксины в помощницы, а сама готовится в сельхозтехнику поступать. Хорошая дивчина, работающая, жаль и отпускать. Но специалисты нам нужны, да ещё доморощенные, эти уж никуда не сбегут, трудностей не испугаются. Сызмальства ко всему приучены. Да и ты я вижу, Артём Сергеевич, работы не чураться.

– Да, что ж мне чураться, всё в жизни довелось испытать. Сам-то я из детдомовских, потом ФЗУ, сельхозинститут – мехфак заканчивал. Секретарём комсомольской орга-

низации все пять лет был. Вот так и получил путёвку в партию. Первый год инструктором в райкоме работаю, Ваш колхоз буду курировать. Да сработаемся, Михаил Иванович, не переживайте. Люди у Вас вижу хорошие, труженики. Главное выйти в передовики, а мы народ не обидим.

Обед подходил к концу. Механизаторы расходились. Наталья стала убирать посуду. Артём встал, подошёл к поварихе.

– Спасибо за обед, действительно очень вкусно, – затем повернулся к Наташке, – и молодой хозяйке спасибо, – сказав, протянул ей руку, – до свидания!

Наталья залилась краской и вложила свою ладошку в его широкую твёрдую ладонь. Их глаза встретились.

– Рад был знакомству, слышал, в техникум собираетесь. Очень одобряю. Если нужна будет помощь, обращайтесь.

– Спасибо, – еле разлепив губы, сказала девушка.

Иван мерил шагами площадку, где собрались механизаторы, и проводил пятиминутку, сжатые в карманах кулаки выдавали его внутреннее напряжение. Краем глаза он проследил сцену прощания городского гостя с Натальей, заметив её смущение, с досадой подумал, – «Вот бабье отродье: я перед ней и так, и эдак. А этот гусь в галстук, ручку белую протянул, так уж зарделась, как гвоздика!»

Вечером в колхозном клубе, собралось всё население станицы. На повестке дня стоял вопрос: «Убрать урожай без потерь. Ну и как всегда разное». На сцену поднялся председатель, главный агроном и Артём Сергеевич.

Речи были краткими, доходчивыми. Народ во всём был согласен, и сход закончился быстро. Люди, что были постарше, разошлись по домам, а молодёжь толпилась вокруг клуба. Вынесли патефон, пластинки. Заиграла музыка, но девчата, в крепдешиновых платьицах, теребили косыночки, накинутые на плечи, и поглядывали на парней. Те в свою очередь напустили на себя важный вид, попыхивая папиросками, не спешили с приглашениями.

Вдруг толпа расступилась: на площадке появилось начальство. Председатель громко спросил:

– Как отдыхаете, молодежь?

Посыпались шутки, смех.

– На вальс никто не приглашает! – звонким голосом сказала Раиска.

– Неужели? – удивился председатель, – ты слышал, Артём Сергеевич? А, у Вас там, в городе, парни, небось, порасторопнее?

– Да, всякие есть, – ответил Артём.

– Эх, сбросить бы мне годков тридцать, я бы вам показал веселье, ни одна девка не скучала бы! А сейчас уж куда, людей смешить? Вот Артём Сергеевич – другое дело, покажи нашим хлопцам пример.

Артём широко улыбнулся.

– Ну, а что, гулять так, гулять, – и направившись к Наталье, пригласил её танцевать.

Негромко звучала музыка, слышен был скрип старой иглы, царапающей по пластин-

ке. Его тёплая рука легла на её талию, в другую он уверенно взял Наташкину горячую ладонь. Глядя глаза в глаза, молодые люди кружились в вальсе. Очень непонятно устроена жизнь: ещё утром были совсем незнакомы друг другу, и вот уже Артём ловит запах её волос, а она с замиранием сердца чувствует тепло его рук.

– На-та-ша, – шёпотом сказал он, – Вы очень хорошо танцуете.

– Правда? – девушка откровенно удивилась.

Танец закончился. Артём поблагодарил Наталью и провёл её к подругам.

– Наташка, – зашикали те, – ну, ты даёшь! Это ж надо, с кем ты танцевала?!!

– Человек как человек, ну и что, что начальство, такой же, как и мы. А вы, почему стояли?

– Так твой Иван так «стрелял» глазами, что хлопцы не отважились с места тронуться.

Светлое Наташкино настроение вмиг было испорчено.

– Ну, что ему от меня надо? Кроме стыда за его поведение, я к нему ничего не чувствую. До чего же разные люди бывают!

Наталья засобиравшись домой. Настроение пропало окончательно. Выбравшись из парка, она вышла на дорогу. В правлении ещё светились окна, а у ворот стояла «Эмка». Неожиданно дверь распахнулась, и Артём Сергеевич быстрым шагом подошёл к машине. Заурчал мотор, вспыхнули фары. Наташка, щурясь, попала в луч света.

– Наташа! Вы что, одна? – голос Артёма раздался из темноты, – идите сюда!

Он вышел из машины.

– Вам куда? Я подвезу.

– Ну что Вы, не надо!

– Садитесь, садитесь, после такого трудового дня, а завтра опять на работу!

Наталья покорно села, жёлтые кожаные сиденья мягко прогнулись, и машина плавно тронулась.

– Артём Сергеевич, а у нас сплошное бездорожье. На такой машине не проехать: тракторами всё разбито.

– Ничего, настанет время, и у Вас будут дороги, – улыбаясь, ответил Артём.

Иван, следивший за Натальей, обхватил руками ствол акации и стоял в бессильной злобе. Как ему хотелось набить «морду» городскому начальнику: «за это можно и срок схлопотать» подумал Иван. Но, Наташку не хотел уступать никому.

«Эмка», прыгая на ухабах, остановилась у Наташиного дома.

– Вот теперь буду знать, где Вас искать, – тихо сказал Артём.

– Да я чаще в поле, чем дома.

– Да, кстати, Наташа, будете в городе, вот Вам мои координаты, – он протянул ей листок из записной книжки.

– Спасибо, но мне очень неловко будет Вас беспокоить, – сказала она, выходя из машины.

– Ерунда, буду только рад! До встречи!

«Эмка» тронулась с места, а Наташа ещё долго смотрела вслед удаляющимся огонькам.

Тихо войдя в дом, чтобы не будить мать и отца, прошла в свою комнату, сунула под подушку листочек, исписанный аккуратным мелким почерком. Разделась и легла, усталое тело нежилось в прохладной постели. Остаток ночи она провела без сна. Лежала тихо, то улыбалась непонятно чему, то вдруг хмурилась, вспомнив что-то неприятное.

Запели первые петухи. Светало.

«Скоро вставать», – подумала Наташка и, положив ладошку под щеку, крепко уснула.

Разбудил её яркий луч солнца, преломившись через оконное стекло, прильнул к Наташиной щеке. Она открыла глаза и сразу же вскочила.

– Ой, проспала! – накинув на себя сарафан, наскоро ополоснув лицо, Наталья вышла со двора.

– Стыдно как, Аксинья опять сама управляетя!

Она бежала по знакомой дороге навстречу раскалённому солнцу. В высоком небе летали птицы, под ногами, как всегда стрекотали кузнечики. На душе было необъяснимо сладко, хотелось петь, кричать, дурачиться.

Сзади затарахтел мотор, девушка оглянулась.

– Ой, только не это!

Но мотоцикл уже остановился. Иван, сверля глазами, спросил:

– Что так поздно?!!

Наталья пожала плечами.

– Садись, подвезу.

– Не, я добегу, уже недалеко.

– Что в «Эмке» лучше или я без галстука?

Иван был настроен не по-доброму.

– Иван Гаврилович... – начала Наташка.

– Угу, ты ещё, дядя Ваня, скажи.

Она замолчала, потупив взор. Иван встал с мотоцикла, бросив его прямо на траву.

– Наташа, я конечно без всяких фильдеперсов скажу, ну уж как могу: не обучен городским манерам. Ты, что же девка, мне душу рвёшь, я тебе что, железный? Или думаешь, одна такая? Вон девчат сколько, только помани пальцем.

– Вот и помани, Ваня, а меня оставь в покое. Мне в любовь играть рано, я скоро учиться уеду.

– А, ну да, как же я забыл? В город, стало быть.

– В город, – кивнула она.

– К долговязому поближе? – злорадствовал Иван.

– Да уж, как получится, – неуверенно ответила Наташа.

– Ничего у тебя с ним не получится. Нужна ему деревня неотёсанная. В городе своих кралей хватает.

– А ты чего, Иван, меня к нему клеишь, – разозлилась Наташка, – если культурный человек проявил уважение, значит уже любовь?

– Я видел, как та культура на тебя «зыркала», – Иван еле сдерживал себя.

– Уйди с дороги, мне идти надо, – Наталья с силой оттолкнула его.

Иван схватил её за руку, оступившись, оба покатались с пригорка. Наташа отчаянно отмахивалась кулаками, а он жадно ловил её губы. Катаясь по траве, они вытоптали большую поляну, запыхавшись, вскочили оба растрёпанные, лицо у Ивана было расцарапано, а в глазах светился недобрый огонь. Наташка, приглаживая волосы, всхлипывая, пошла прочь, оглянулась и сквозь слёзы крикнула:

– Ненавижу!

Иван никак не мог смириться с тем, что его отвергла эта пигалица.

– За счастье бы считала, желторотая, поумнеешь, да поздно будет! – крикнул ей вслед.

Его расцарапанное лицо ещё больше вызвало разговоров да усмешек по поводу незадачливого ухажёра. На время Иван примолк, но Наташку не забыл. А она готовилась к экзаменам: уже были отправлены документы, от колхоза – рекомендательное письмо, и двадцатого июля Наташа получила официальный вызов для сдачи государственных экзаменов в сельхозтехникум. Сборы были недолгими. Город Наталья знала хорошо, да и ехать недалеко. Собрала сумку и отправилась в дорогу.

«Ну что ж, не поступлю, слёзы лить не буду. Работы в колхозе хоть отбавляй». Решила она для себя.

Глава 2

Техникум был самым красивым зданием. В его зале проходили конференции, торжественные собрания. Он был гордостью районного города. Наташка ощутила робость. Почувствовала себя маленькой девочкой, беспомощно оглядываясь по сторонам, она подошла к парадному крыльцу. Перед ней была массивная дверь, в которую предстояло войти. Что ждало там, в этих строгих, казённых стенах?

Потянула за ручку, дверь тяжело открылась. Перед собой Наталья увидела большой светлый вестибюль. Она в нерешительности остановилась.

– Ну, входи уж, коли пришла.

У двери стояла пожилая женщина в синем халате. Техничка, тётя Шура, которая была незаменимым человеком для молодёжи как мать родная, и слёзы утрёт, и чаем напоит, и нерадивого пожурит – на путь истинный наставит. Да, где надо, могла и словечко замолвить. Уважали её и студенты, и преподаватели.

Наталья неуверенно переступила порог здания.

– Ну вот, самое главное уже совершила, а там как по маслу пойдет, – подбодрила тётя Шура.

Наташка улыбнулась.

– Откуда такая несмелая красавица прибыла?

Девушка назвала родную станицу.

– А, знаю, знаю. Ну, пойдем, покажу всё. Определимся с жильём: экзамены не за горами.

Тётя Шура провела Наташу по широкому светлому коридору. Страшно было маленькому станичному человечку: на стенах висели портреты, с них смотрели строгие глаза неизвестных ей людей.

«Учёные, наверное», – подумала она, еле поспевая за тётёй Шурой.

По переходу прошли в общежитие.

– Людмила, встречай дивчину, – обратилась тётя Шура к коменданту, – найди место получше, уж больно скромна. Ну вот, девка, обживайся, удачи тебе, – она повернулась и пошла на свой пост.

Последнюю ночь перед экзаменом Наталья глаз не сомкнула. Утром встала рано и тихо сидела на кровати, боясь разбудить соседок. Но волнения были напрасны. Экзамены сдала отлично. Характеристика от совхоза и рекомендация из райкома партии повысила её проходной бал, и Наташа была зачислена студенткой на агрономический факультет.

Ура, сбылась мечта! Она гордо прохаживалась по вестибюлю, в котором висели портреты учёных и стояли тяжёлые вазы с пышными снопами зерновых. Наташа уже немного сроднилась с чужими стенами и чувствовала себя более уверенно.

Курс её был в основном девичий, всего два-три хлопца, остальные ребята учились на механическом факультете. Постепенно все перезнакомились. Учиться пришли по призыванию – в шею никто не гнал, занимались очень добросовестно, каждый старался не подвести свой колхоз. Вскоре состоялось первое комсомольское собрание. На повестке дня: выборы комсомольских активистов и разное. Явка была стопроцентной. Зал шумел. Строгие преподаватели пытались навести порядок. На сцену стал подниматься президиум. Все разом стихли.

Уважаемые люди расселись за длинным столом, накрытым зелёным сукном. За их спинами висел портрет вождя – В.И. Ленина, по обе стороны портрета стояли красные знамена – обстановка была торжественной. Шутка ли, комсомольского вожака выбрать? Достойного, уважаемого и ответственного. У Наташки от напряжения даже мурашки поползли по телу. Слово предоставили ректору.

Поздравив студентов с началом учебного года, Герасим Захарович, поблагодарил преподавателей за добросовестный труд и передал слово представителю райкома партии. Произошло некоторое замешательство. Заскрипели стулья, в президиуме шептались, переглядываясь, явно кого-то искали.

– Покорно прошу меня извинить!

В зал стремительно вошёл молодой человек и поднялся на сцену.

– Ещё раз извините за опоздание и примите мои искренние поздравления с началом студенческой поры. В вашей жизни наступил очень интересный и ответственный момент. Вы выбрали правильный путь! Профессия хлебороба была и будет самой нужной и почётной. Я верю, что, окончив учебное заведение, с новой молодой силой вы пополните ряды трудового народа и будете преумножать богатства страны. И пусть выражение «Хлеб – всему голова», станет для вас девизом!

«Это же Артём Сергеевич!», – удивилась Наташа. Сердце бешено забилося, вспотели ладошки.

«Он ведь даже не догадывается, что я здесь», – думала девушка.

Артём, окончив официальную часть, спросил:

– Ну, что, на повестке дня выборы комсомольского вожака? Думаю, что вы уже присмотрелись друг к другу и вполне можете выбрать достойного. Ну и разрешите мне, от

себя лично, рекомендовать на эту должность студентку первого курса – Наталью Журавель, с уверенностью могу поручиться и не сомневаюсь в её деловых качествах: ответственная и добросовестная. Артёму так хотелось сказать, – «Единственная и неповторимая», – но он замолчал, наблюдая за реакцией зала.

Прокатился одобрителный гул:

– Наталью, Наталью! Доверяем ей! – слышались отдельные выкрики.

– Наташа, встань, пусть все тебя увидят!

Лицо у Наташки горело огнём смущения. Она поднялась и, встретившись взглядом с Артёмом, опустила ресницы. Дружеский лес рук поднялся, и единогласным голосованием Наташу выбрали комсоргом курса. Она сидела чуть живая. Присутствие в зале Артёма, да ещё его рекомендация, окончательно сбили её с толку. Молодёжь шумела, все говорили, слышались поздравления в её адрес. Наташа слабо кивала и боялась взглянуть в сторону Артёма.

Собрание было окончено. Постепенно зал опустел, Наташа тоже встала, но услышала голос Артёма Сергеевича:

– Наталья, останься, кое-что нужно обсудить.

Она тихо опустилась на стул, Артём подошёл к ней.

– Ну, ты что, как неживая? Смотри, народ за тебя горой. Приятно, что поддержали моё предложение. Значит, я не ошибся.

– Спасибо, – почти шёпотом произнесла Наташа, – справлюсь ли я? Это же не борщ варить с тёткой Аксиньей.

Артём улыбнулся.

– Скажу тебе откровенно, борщ варить – дело не второстепенное. Ну-ка, столько мужиков накормить, да всем угодить! А здесь ты не одна, я рядом, всегда помогу, – ему хотелось взять Наташку за руку, говорить ей другие слова, но обстановка обязывала соблюдать официальность.

– Наташа, жду тебя в райкоме, захвати с собой список всей комсомольской группы. Помогу тебе составить план работы, да, заодно, познакомишься с секретариатом райкома комсомола, с ними придётся часто встречаться. Работа теперь у тебя такая. Вроде бы всё сказал, а уходить не хочется. Может, вечером погуляем?

Она вздрогнула от неожиданности и ещё ниже опустила голову.

– Наталья, ты меня слышишь? – Артем вопросительно заглянул ей в глаза.

– Слышу, – одними губами ответила смущённая девушка.

Сердце билось в груди, было одновременно хорошо и страшно, и стыдно. Попробуй, разберись в душе своей.

Любовь их зарождалась робко, застенчиво, словно тонкий, слабый росточек, который тянулся к свету, хотел жить, но всего боялся, и ветра, и дождя, и даже большой красивой бабочки, чтобы не дай Бог, никто не потревожил, не сломал и не обидел.

Свидания были несчастными, говорили всё больше о делах, хотя каждому хотелось чего-то большего, ярко, трепетного.

Артём смотрел на Наташу влюблённым взглядом, а она краснела, как маков цвет и опускала глаза. Парень, глубоко вздыхая, не решался её обнять.

Время шло, Наташа училась, Артём работал. В техникуме уже знали об их отношениях, подружки скромно молчали, парни откровенно завидовали: что ни говори, а Наталья дивчина красивая.

Прошёл почти год. Жизнь в станице шла своим чередом. Закончилась весенняя посевная, цвели сады, словно залитые молоком, стояли черешни. Монотонно гудели пчелы, собирая нектар. Нежно пахла сирень, росшая в каждом дворе, украшая своим цветом всю улицу. Хорошо дома!

Наталья перед летней сессией приехала в гости. Вот где по-настоящему отдыхает душа! Старые белёные хаты, покрытые позеленевшим камышом, словно в нахлобученных папахах, стояли вдоль дороги, в вечном своём карауле. Маленькие окошки светлооко поглядывали на прохожих. Перед каждой хатой пестрели палисадники, особенно ярко, цвели маки, среди зелёной травы. Красота!

Наташка остановилась, любуясь.

– Здравствуй, студентка! – раздался голос.

От неожиданности она вздрогнула. Повернувшись, увидела Ивана.

– Здравствуй, Ваня! – девушка приветливо улыбалась.

– Гляди, признала, а я уже думал, кралей городской заделалась. Куда уж нам серым? – губы Ивана кривились в недоброй улыбке.

– Ваня, ты что? Вы же все для меня родные, я так скучала!

– Вот, то-то и оно, что все, а моё место самое последнее в этом ряду?

Наташа опустила голову.

– Иван...

– Что, Иван? Эх, девка, разорвала ты мне сердце. Наслышан я о твоих городских амурах. Мне бы обозлиться на тебя, а вот не могу! Неужели ты не знала, что люблю тебя безумно. Вся станица знала, а ты нет? От меня уж все девки отшатнулись. Ни одна в душу не запала. За что мне такое наказание? Не уж-то я не мужик? Как вас баб понять? Запомни, Наталка, одно – никогда тебя не забуду. Даст Бог, может, сгложусь ещё. Я тебя всю жизнь буду ждать. Звёздочка ты моя далёкая!

Иван повернулся и пошёл по дороге вниз, к речке. А Наташа стояла и смотрела ему вслед. Слезы застилали глаза.

– Ой, мамочки! – девушка всхлипнула, прижала к лицу косынку. – Но ведь не виновата я, – искала себе оправдание Наташа, – я же никогда не любила Ваньку, да и любить было рано. Совсем же девчонкой зелёной была. А вот всё равно не по себе. Звёздочкой своей назвал, мучится человек понапрасну, – и такая жалость разлилась у неё внутри.

«Ой, девка! Жалость – не любовь!», – неожиданно вспомнила слова тётки Аксиньи.

Наташа медленно побрела домой, и маленький чемоданчик показался ей неподъёмным.

Мать встретила дочку у порога.

– Крыхточка ты моя!

От жалости к самой себе Наташка разрыдалась у матери на груди.

– Соскучилась я мама за вами, за станицей.

Мать недоверчиво посмотрела ей в глаза:

– А може хто обидел?

Отец вышел из сарая, пригнув голову: «Та я, мабуть, знаю обидчика. Иван с утра под двором ходил. Настырный хлопец! – погладив дочку по голове, отец с любовью в голосе произнёс, – Тебе, Наталочка, решать самой, а плакать не надо. Ты же наша с мамкою кровиночка».

Мало-помалу, Наталья успокоилась. Мать хлопотала на кухне. Вскоре сели завтракать. Дочка взглядом окинула стол и улыбнулась. Вот они, дары труда родительского: молоко, и сметана, и яичница на сале, и ранний зелёный лук с петрушкой ярким букетом украсившие стол. Отец поставил бутылку красного вина.

– Каберне, выдержанное три года, – сказал гордо и разлил в стаканы: матери, немало дочке и себе, как полагается.

Жена укоризненно качнула головой.

– Работы, хоть отбавляй...

– Ой, мать, помовчи... Дочка в гостях! Работа ж николи не кончается.

Наташа засмеялась.

– Мам, ну, правда, отдохните хоть сегодня.

Мать глубоко вздохнула. Сколько помнит Наталья, родители всегда трудились от зари до зари. Да и она выбрала себе профессию нелёгкую. Агроном в поле – с утра до вечера. Но Наташу это не пугало. С материнским молоком впитала она в себя любовь к природе, к золотым полям, к речке, к людям простым и трудолюбивым.

– Мам, я дня три побуду дома, поеду, сдам сессию и всё лето буду с вами.

– Ой, доченька, скорей бы ты верталась, а то мы с батькой за день словом не перекинемся.

– Цэ я, доня, мовчу, а у мамки рот не закрывается, як баче мэнэ, сразу работу дае.

Все засмеялись, Наташка знала, что у родителей любовь да согласие. Радовалась за них. Дома было хорошо и спокойно. И ничего не предвещало беды.

Вернувшись в город, Наталья с головой погрузилась в учёбу.

С Артёмом встретились всего один раз. Свидание было счастливым, оба соскучились, много говорили, шутили. Он обнял Наталью и очень нежно поцеловал, едва коснувшись её губ. Артём тихо сказал ей на ушко:

– Я люблю тебя на всю жизнь. Ты моя единственная...

Наступил июнь 1941 года. В школах начались выпускные экзамены, а студенты готовились к сдаче летней сессии. Наташка уже видела себя дома, планировала остаток лета поработать, помочь родному колхозу. А пока, что называется, «грызла гранит науки», была увлечена своей комсомольской работой, в кругу друзей. Наталья любила и была любимой. Счастье переполняло душу, и никто не мог предсказать, что Наташкино счастье оборвётся страшным словом «война», а любовь принесёт ей муки и страдания.

Было раннее летнее утро. В школах отшумели прощальные вальсы. Звуки музыки далеко разносились по городу. Наташе не спалось, она стояла у распахнутого окна и не могла надышаться ночной прохладой. Пряно пахли цветущие маслины, лёгкий бриз шелестел их серебристой листвой. На востоке небо слегка побледнело, и в лёгкой дымке расплылись золотые облака – зарождался новый день. День, когда пролилась кровь, и рухнул Мир. Слёзы застыли в глазах... Война!

Глава 3

Студенты, сбившись плотным кольцом, обступили репродуктор.

«Война, война» – слышалось всюду.

Наташа смотрела на лица своих друзей. Что ждёт их завтра, что будет с каждым из них?

Серое здание военкомата, расположенное на углу центральной улицы города, и прилегающая к нему территория были до отказа забиты людьми.

Наташкин курс пришёл в полном составе. Небывалый подъём патриотизма – Родина в опасности! Молодёжь рвалась на фронт.

Наташа стояла перед столом офицера и повторяла уже в который раз:

– Я комсорг, я не могу иначе – я должна быть примером!

Офицер поднял усталые глаза:

– Девочка моя, войны хватит на всех. Косу твою жалко.

Тяжёлая коса, пшеничного цвета, вызывала зависть у многих девчонок. Наталья резко перекинула её за спину.

– Я остригу волосы, сейчас не это главное.

– Да, не это, – нахмурился офицер, – но учти, что жизнь даётся один раз – не на бал просишься. Пожалей своих родителей, подумай о них.

Наташа на минуту застыла: «Мама, мамочка», – заныло внутри. Но твёрдым голосом продолжала настаивать на своём.

– Да, впрочем, что я здесь развожу детский сад, – сдался военный. – Война, есть война! Хочешь быть радисткой?

– Да! – не раздумывая, ответила Наталья.

Сборы были недолгими. И вот уже поезд мчит на восток – вагоны заполнены мобилизованными. На промежуточных станциях, кратковременные стоянки – можно выскочить за кипятком. На второй путь подошёл длинный состав.

– Эвакуированные, – разнеслось по вагонам, все прильнули к окнам.

Усталые люди, с посеревшими лицами, несмело спрыгивали на перрон. Дети жались к матерям, ужас стоял в глазах. Они уже успели хлебнуть лиха и пережить страх.

Кто-то громко спросил, обращаясь к приезжим:

– А вы немцев видели, какие они?

– Антихристы, не дай Бог с ними встречаться, – подняв сморщенное лицо, ответила старуха.

В руке она держала растрёпанный узел, другой прижимала к себе худенького, испуганного мальчика.

– Вот, всё, что осталось у меня. Дом разбомбили, дочь погибла, зять на фронте, жив ли еще, кто знает? Что с нами будет, одному Богу известно. Говорят, в Сибирь нас везут. А я той Сибири, отродясь не видела. Помру, что с малым будет? – женщина вытерла глаза кончиком косынки.

Наташа села на своё место, на минуту самообладание покинуло её. Вспомнилась прощальная встреча с Артёмом. Стояли и смотрели друг другу в глаза.

«Свидимся ли ещё?» – думала Наташка. Тоска нестерпимой болью сжала сердце.

Прошло несколько дней пути, ранним утром, протяжный паровозный гудок оповестил о прибытии состава. По вагонам прокатилась команда:

– С вещами, выходи строиться!

Наташа с группой девушек прибыла в далёкий сибирский город, в распоряжение командования учебными отрядами, где ей предстояло в течение трёх месяцев осваивать работу радиста.

Из зоны боевых действий приходили неутешительные сводки. Фашисты бомбили наши города. Тысячи людей замучены гитлеровцами, расстреляны, умерли от голода, десятки тысяч угнаны в немецкое рабство.

Наташа торопила время. Мрачная картина фашистского варварства не давала покою.

После окончания курсов, девушкам присвоили сержантские звания и отправили на фронт, под Сталинград.

Наташке пришлось пережить ад, но Бог хранил её. Бойцы берегли радистку как зеницу ока: она сутками сидела в укреплениях и держала связь с флангами войск.

А немец рвался на Кавказ. Осенью 1942 года шквал войны достиг стен Новороссийска. Кубань была оккупирована.

«Как там мать с отцом?» – мысли о них не покидали Наташу.

Она писала рапорт за рапортом с просьбой перевести её в распоряжение Северо-Кавказского фронта.

Дивизия, в которой служила Наташка, была передана в состав 47-й армии и переброшена на защиту Новороссийска.

«Родина, что с нею стало?» – Наташа не узнавала знакомые улицы любимого города. Всё в дыму, горят жилые здания, разрушен крупнейший в стране Новороссийский элеватор, в развалинах цементные заводы.

Стянув большие силы, немцы рассчитывали сделать Новороссийск мощной неприступной крепостью, планируя овладеть нефтью Кавказа.

Отступить было некуда – горела земля, плавился металл. Пробившись через огневую завесу, умело маневрируя, разрушая дзоты и огневые точки противника отчаянно воевал экипаж танка командира взвода, Гвардии старшего лейтенанта Ивана Чадного, того самого Ивана из родной станицы, встреча с которым была роковой и перевернула всю Наташкину жизнь.

После тяжёлого ранения, отлежав в госпитале, Наталья вернулась домой, где её никто не ждал.

Жизнь продолжалась...

Страна медленно подымалась из руин. На дворе стоял декабрь 1945 года.

Положив голову на руки, Наташа неподвижно сидела за столом. Топилась печь – дрова догорали, в небольшой комнате было тепло и уютно. Она подняла голову и осмотрелась.

«Мамочка, родная моя, всё сделано твоими руками, и коврики на полу, и занавесочки на окнах, и салфеточки под стеклянными вазочками, как это мило и дорого сердцу. Как вы с отцом всё успевали? Дом построили, и сад посадили, дочку родили, вырастили. Живи и радуйся, внуков поджидай. Но война всё перевернула. Висит над столом фотография: папка ещё молодой, а мама весёлая, склонила голову на его плечо, и, улыбаясь, смотрит Наташке прямо в глаза».

– Доню, не кручинься, – будто слышит дочь её голос.

Глаза заволокло туманом, а губы невольно шептали:

– Артём, родной мой, ведь возвращаются с войны до сих пор, калеки из госпиталей, из лагерей осужденные. Ну, где же ты, любимый, что же вы все покинули меня? И родители не пережили лихую годину. Папку румыны застрелили, а мать слегла и не встала больше: не пережила беду страшную.

А вот тётка Дуся – старая соседка, всё пережила. Всех пятерых сыновей на фронт отправила, да так пять похоронок и получила, одну за другой. А на самых меньших близнецов, Васятку и Ванятку, в одном конверте извещения принесли. Оглохла тётка Дуся сразу после этого, затихла и продолжала жить в том прошлом времени, когда видела своих мальчиков, слышала их смех и шумливые голоса. Это позже, улицу, где жили братья, назовут улицей Героев. А пока война не отпускала людей. У каждого было своё горе, оно ещё кровоточило и болело. Не скоро затянутся раны.

Наталья встала из-за стола, потёрла покалеченное плечо и подошла к окну. Большая луна осветила землю, покрытую лёгким снежком. Окна у бабы Дуси слабо светились, видно молилась горемыка за сыночков: ох, беда-беда! Наташа подошла к посудной полке, откинула занавесочку, взяла маленькую стопку и графинчик. Плеснула немного винца: папка ещё до войны делал.

«Помяну всех своих, что-то воспоминания нахлынули».

Помнила Наталья, как там, на Малой Земле встретила Ивана...

Апрельское утро 1943 года... шёл страшный бой. Наши войска отражали атаку. Она в укрытии, обнимая собой рацию, часами повторяла охрипшим голосом:

– Я – «Берёза», я – «Берёза», ответьте, кто слышит, просим помощи! К выстрелам Наташа привыкла – война закалила.

Вдруг прямо перед ней, прямым попаданием с нашего Т-34, слетела башня, столб чёрного дыма, и языки красного пламени вылетали наружу. В это время в наушниках затрещало:

– «Берёза», я – «Беркут», слышу вас хорошо, докладывайте обстановку.

– Какая к чёрту обстановка, помощь давайте, держимся из последних сил! – связь опять прервалась.

Наташка следила глазами за подбитым танком. В люке показался танкист, он пытался перекинуть ноги, но так и не смог, остался висеть, держась за броню. Лицо было окровавлено, на спине горел факел. Наташка, забыв обо всём, бросилась на помощь. Бомбили нещадно, на её глазах в щепки разлетелось укрытие, где находилась рация. Собрав силы, она волоком затащила танкиста под танк, в это время страшная сила толкнула её в плечо – всё поплыло. Тёплая струйка крови намочила рукав и стекала по пальцам, рука обвисла. Наташка плакала от бессилия: одной рукой не справиться ей со здоровым мужиком, а он был без движений. Кое-как удалось укрыться за гусеницей, и тут Наталья впервые глянула в лицо танкиста.

– Иван?! – здоровой рукой она стёрла кровь с его лица. Он был бледен, глаза плотно закрыты, серые губы сжаты в полоску.

– Ванечка... – Наташка, уткнувшись ему в грудь, потеряла сознание. Очнулась уже в полевом госпитале, оттуда была эвакуирована морем на Большую Землю. Спрашивала про Ивана, хмурые санитары неохотно отвечали: отрезали, мол, ноги по «самое не могу», а жив ли, нет, никто не знал. Ранение у танкиста было тяжёлым, обширные ожоги, покрывали всё тело, так что надежды мало.

Наталья отхлебнула вина, смешанного со слезами.

Глава 4

Приближался первый послевоенный Новый год.

Раз в неделю из станицы отправлялось грузотакси (бортовая машина крытая брезентом), и можно было съездить в город, а домой иногда приходилось добираться пешком: машина или ломалась, или вовсе не приезжала. И тогда тётки, связав кошёлки платками, перекинув их через плечо, медленно плелись по зимней гололедице. Недалеко от Волчьих ворот по правую сторону дороги, приютился маленький хуторок «Убых». Мимо тянулась железнодорожная ветка, уходящая в туннель, который охраняли огромные сторожевые псы и облаивали каждого путника, идущего мимо. А, тут ещё, пошла молва по станице, что под Убыхом промышляют бандиты. Отбирают у селян продукты, одежду – у кого что есть. Стало страшно, но ходить не перестали: выхода не было. Довелось и Наталке возвращаться из города. Зимой темнело рано. Попутчицами были две тётки. Шли молча – боялись. Наталья несла кошёлку в одной руке, а в другую взяла камень.

«Брежня, – думала про себя, бабам, с перепугу, любая кочка бандитом покажется».

На обочине росли кусты чёрт-дерева, редкий лесок продувался холодным норд-остом.

– Скорей бы дойти, натопить печку, согреться, – тихо проронила одна из попутчиц.

Вдруг, прямо перед ними на дороге появилась маленькая фигурка. Бабы со страху попадали, потом бросили свои кошёлки и врассыпную. Наталка стояла как вкопанная, замахнувшись камнем, прошипела:

– Не подходи, убью!

– Тётя, – жалобно пропищал человечек, – дайте поесть, у меня тама в загончике солдат умирает.

– Что?!! – удивилась Наташа, – кто умирает?!!

Она сделала шаг навстречу, луна осветила лицо ребёнка. Это был мальчик, лет десяти, худой, на лице одни глаза, горящие нездоровым блеском.

– Он тама ругается, к нему нельзя, он очень больной, калека. Дайте хлеба, и я пойду.

– Постой, куда же ты пойдешь, ты что, с ним живёшь? Кто он тебе?

Мальчик махнул рукой и бросился прочь от дороги. Э, нет, у Натальи так не пройдет. Бывшая фронтовичка, а тут ребёнок, солдат-калека, кого бояться? Девушка побежала следом. Пацан петлял среди кустов и вдруг, как под землю провалился.

«Землянка! Точно землянка», – догадалась Наташа. Луна, выкатившись из-за тучи, ярко осветила землю. Оглядев местность, она заметила тропку и без труда нашла вход под землю. Не задумываясь, что ждёт её там, отодвинула полог старой плащ-палатки. Впотьмах оступилась мимо земляной ступеньки, больно подвернула ногу и невольно ойкнув, оказалось внутри. Лучинка освещала маленькое убогое жильё. В углу, на куче хлама сидел человек. Пацанёнок сжался в углу, натянул солдатскую шапку на глаза, плакал, прося о пощаде.

– Я не хотел, я драпанул, а она следом, стерва! Прости дядька Иван, не выгоняй меня!

Наташка привыкла к свету: с кучи тряпок на неё смотрели колючие злые глаза. Лицо было заросшее грязной щетиной. Фуфайка, выдавшая виды... а дальше ничего нет, она не сразу поняла: что это?

– Ну, чего вылупилась, людей не видела? Если есть – дай жратвы! Малец голодный, мне один чёрт подышать. Голос был хриплый, злой, но Наталья узнала. Струйка пота побежала по ложбинке на её спине. Она освободила платок на шее, прислонилась к холодной стене. Воспоминания мелькали спутанным клубком:

«Полевой стан, маки цветущие по золотому полю пшеницы... кровь на лице Ивана. Звук рвущихся снарядов. Руки Артёма, протянутые к ней. И вдруг... она маленькая, на руках отца».

– Эй, тётка, ты чего там, помирать надумала? Ты это брось, мы сами всех боимся, никто тебя в гости не звал, а пришла – помоги, чем можешь.

Наташка перевела дух.

– Я сейчас помогу, я тебе Ваня так помогу! Ты, что же это, как жук навозный, сидишь под забором родной станицы, мальчика держишь возле себя, попрошайничать заставляешь. Мать всё ждала сына-героя. Если бы знала, что ты такое учудишь, не спасала, остался бы на танке догорать. Ванечка, что же ты наделал? – слёзы залили Наташкино лицо.

Иван сразу узнал Наталью: не изменилась совсем, коса, только исчезнув, превратилась в пышную шевелюру.

– Так вот кто меня спас? Спасибочки за это, значит, благодаря тебе я остался в живых мучениках. Обрубок! Да, на хрена мне эта жизнь? Морали она читает! Иди отсюда, политруку своему читай!

– Ваня, замолчи! Артём не вернулся. В станице мужиков совсем мало, старики да калеки. Дождёмся утра, увезу вас отсюда.

– Не вздумай! – простонал Иван. – Мальца-сироту забери: на вокзале прибился ко мне. А я после госпиталя для себя решил – домой не поеду, лучше сдохну в лишениях, чем по станице на тачке прокачусь, тебе своей красой покажусь. Маманьку жалко, а так, одна злоба в душе – не трожь меня! Ты ещё не всё видела – утром испугаешься.

Наташка, молча, порылась в кошёлке, достала кусок хлеба, луковицу и два куска сахара. Брала с собой в дорогу, ездила в город по колхозным делам. Она же теперь главный агроном, в ответе за всё хозяйство.

Мальчонка схватил предложенную еду и протянул Ивану.

– Ешь, Санёк, всё ешь. Меньше всего на свете я хотел, чтобы эта дивчина меня видела. Едрёна корень, как жизнь повернулась!

До утра время тянулось долго. Было холодно, сыро, лучину погасили, экономии ради.

– Наталка, ты ко мне не подходи: завшивленный я весь, – глядя в сторону, озлобленно сказал Иван.

Она так и просидела всю ночь, на корточках, под холодной земляной стенкой. Только-только стало светать, Наталья встала, размяла затёкшие ноги, коротко бросила:

– Я скоро вернусь, – и вышла на улицу.

– Ждали мы тебя, – пробурчал Иван.

Едва стихли её шаги, он растолкал Саньку.

– Помоги мне: уходить надо. Придёт тётка Наталка – иди с ней. Про меня молчи, – Иван, опёршись руками, спрыгнул на пол, Санёк подставил маленькую сидушку на колёсиках. Иван взял в руки две дощечки-опоры и покатил прочь.

Возражать было бесполезно, мальчик ринулся следом.

– Цыц, сиди тут, щенок! Не гоже тебе видеть, как солдат сдыхать будет.

Санёк отступил назад и тихо заскулил.

Наталья, добежав до конюшни, которая располагалась на краю станицы, ещё издали крикнула Егору, топтавшемуся во дворе.

– Выводи «Бельчика», быстро! Вдвоём они запрягли бричку, и Наталья, погоняя коня кнутом, помчалась туда, где оставила Ивана. Подъехав к землянке, поняла, – опоздала. Санёк стоял, размазывая слёзы по лицу, а по снегу тянулся нечёткий след от самодельной тачки.

– Тёточка, он убить может, у него пистолет есть.

– Меня не убьёт – я заговорённая.

Наталка сбежала по склону. Балка была неглубокая, каменистая, а внизу перекатипное поле, сбившись в кучу, припорошенное снегом, напоминало могильный холмик. Там и увидела Наташка Ивана, он сидел спиной к ней, голова низко опущена, рядом лежал пистолет. Она тихо подошла сзади.

– Ну что, Ваня? Ждала мамка – не дождалась. Хочешь, чтоб и на том свете душе её покою не было?

Иван, не поворачиваясь, вытер слёзы и срывающимся голосом грубо оборвал её:

– Нашла всё-таки куда соль насыпать! А я вот сейчас повернусь к тебе и посмотрю, какие песни петь будешь? Утешительница!

– А матери ты любой нужен был, – как можно убедительней сказала Наталья.

– А тебе? – Иван резко повернул к ней лицо.

Воспалённые глаза, с оплавленными веками, в упор смотрели на Наташку. Нос и губы бесформенные. Иван был изуродован и неузнаваем. У неё не дрогнула ни одна жилка, только сердце забилось бешено, да ком в горле перехватил дыхание.

– Ну, что замолчала?

– Ваня, а ты меня по-прежнему любишь? – спросила Наташа.

– А ты это не трогай, это моё было и со мной умрёт. Ишь, любовь вспомнила.

– Да я, Ванечка, помощи хотела попросить твоей.

– А чем же тебе обрубок помочь может? Свет не мил, помощничек из меня хреновый.

– Вань, я сейчас в колхозе главный агроном: мужиков нет. К посевной готовиться надо. МТС (моторно-тракторная станция) «мёртвая» стоит. Пробовала бабскими силами гараж поднять. Куда там! Ума не хватает.

– Да уж, у баб волос длинный, а ум короткий, – проворчал Иван.

Наташка в душе усмехнулась, – «ну вот, какой был, такой и остался».

– Ваня, а давай по-людски решим. Поехали сейчас в станицу, мальчика заберём, отмоетесь, отогреетесь. Хочешь в своей хате, хочешь у меня остановитесь. Мои-то, долго жить приказали – одна я. Чуть придёшь в себя, съездим в МТС, посмотришь хозяйским глазом. Пацанята молодые – учить надо, а некому. У самой два курса неполных, какой из меня главный агроном? Да и в технике я совсем не разбираюсь. Весна придёт – спросит. Господи, кому я рассказываю, ты ж лучше меня всё понимаешь.

Наташка сделала шаг навстречу. Иван сидел в раздумье.

– Вань, умереть всегда успеется, уж если выжили в том пекле, давай ещё попробуем людям пользу принести. Да и грех это большой – жизни себя лишать. Вань, ты же сильный.

– Был когда-то – сломался, – тихо проронил он.

– Вань, а давай так, если не сможешь – держать не будем. Наташка подошла, взяла пистолет с земли и сунула его за пазуху. Иван тронул свою тачку, и они тихо пошли назад.

– Всё Санёк, сдаёмся, отвоевались! – громко сказал Иван.

Санёк, на которого без слёз нельзя было глянуть, запрыгал, захлопал в худые грязные ладошки.

– Обузу берёшь, Наталья. Я то что? У меня и своя хата есть, как-то буду, а вот ему забота нужна, намыкался он со мной. Один на свете – дитя войны.

– Ванечка, разберёмся, – ответила Наташка, – не уж-то я не понимаю. Вместе веселее.

Где-то в мыслях мелькнул Артём.

«Не забуду, никогда не забуду. Но сейчас живых спасать надо».

Кое-как вскарабкался Иван в бричку, Санёк примостился рядом. Хлебнули они лиха, да кто их судить может? Сколько таких, горемык бродят по свету?

Въехали в станицу, Иван, узнавая родные места, заметно нервничал: «Как примут станичники, как сам сможет справиться, почувствовать себя человеком?»

– Ваня, – заговорила Наталья, – давай ко мне сначала, баньку затопим, переодену вас, покормлю, а там осмотришься – видно будет.

Подъехали к Натальиному двору.

– Тпру-у-у, – лошади стали.

Защипали глаза у Ивана, вспомнил, сколько раз топтался под этой калиткой, чтобы Наталью увидеть. «Вот теперь заходи, сама хозяйка зовёт, зайти только нечем, ядрен корень!» Кое-как сполз с тележки и покатил вслед за Наташкой.

– Мужики, давайте сразу баню растопим, больно вы чумазые. Ваня, возле сарая колода и топор, а ты Санёк, подноси дядьке дровишки. Ваня, не трудно будет, справишься?

Иван молча рубанул топором по колоде и развалил её пополам. Наталья засмеялась.

– Да я и не сомневалась!

Ивану на душе посветлело.

– Где вот колоду новую возьмём?

– В сарае пни есть – обойдёмся. Ну, ты уж силушку поубавь, – Наташка, как могла, поддерживала Ивана.

Махая топором, он нарубил гору дров, а Санёк перетаскал их в баню. Дрова трещали в печи, шёл тёплый дух, в котле закипала вода. Наташка принесла полотенце и кусок дустового мыла, в таз влила воды и сыпнула щёлоку.

– Санёк, давай первый иди.

Сашка с радостью сбросил грязное тряпье и юркнул в клубы пара. Наташа обратилась к Ивану:

– Ваня, ты может, сможешь ему, мне вроде неловко, не обвыклись ещё.

– Угу или он мне, ты это хотела сказать? – безрадостным тоном проронил Иван, – зря ты это Наталья затеяла, боль ты мне причиняешь мученическую, по твоей милости жив остался, а теперь вот рядом будем. А я, как самовар, хоть на стол посади. Мужского у меня ничего нет, ноги – это полбеда.

Наталья засуетилась, сделала вид, что не расслышала.

– Иди, Ванечка, иди, дитё само, ещё кипятком обварится.

Пока гости мылись, Наташка нашла отцовское бельё, разглядывала длинные штанины, не зная, что с ними делать. Затем коротко закатала и заколола булавками. Для Саньки ничего не нашлось. Наташа бегом к соседке, в двух словах объяснила, что к чему, та стала креститься и причитать.

– Господи, живой, мне бы хоть одного сыночка Бог оставил.

– Тётъ Дусь, помоги, чем можешь. Может одёжка какая есть?

– Я зараз, – соседка метнулась в хату и вскоре вынесла стопку пацанячьего бельишка, брючата, рубашки.

Всё чистенькое, сложенное: хранила мать.

– На, Наталочка, пусть носит – это Ванятки с Васяткой, – она платком вытерла глаза, – на-ка ещё, вот яиц пяток да молока литрушку – козу доила.

Наталья поблагодарила соседку и побежала к себе. Сунула в предбанник чистую одежду, прислушалась. Плещутся, Санёк кричит, смеётся, а Иван басит:

– Три лучше, сильнее, не мужик что ли? Всю грязь смыть надо, что мы с тобой накопили. Новую жизнь попробуем начать.

– Дядь Иван, а если бы тётка Наталья нас не нашла, ты бы вернулся?

Вопрос мальчика остался без ответа. Наталья вздохнула и пошла, готовить ужин. На-жарила яиц, принесла капусты, огурцов солёных – летом делала припасы, вот и пригодились. С вечера оставалась картошка в мундирах. Всего понемногу и стол получился праздничным.

В сенях послышалась возня. Наташа открыла дверь.

– Вот это другое дело: чистые, причёсанные. Ну, давайте прямо к столу.

Санёк голодными глазами смотрел на еду. Иван отжался на руках и сел на стул. Наталья посмотрела на него сзади: широкоплечий, здоровый мужик – вспомнила его там, на танке. Он почувствовал её взгляд, задвигал лопатками.

– Ваня, давай выпьем за встречу, – с этими словами Наталья поставила на стол графин с красным вином. – Это ещё довоенное, папка делал, случайно на бочонок наткнулась, в сарае прикопан был, – она налила вино в стопки, Саньке подала стакан малинового компота. – Пей малыш, кончилась для тебя война. А для нас с тобой, Ваня, она всегда будет шагать рядом. Надо заново учиться жить.

Они чокнулись, глядя друг другу в глаза.

Так и остались в одной хате. Иван окреп, стал чаще на людях бывать. Все узнавали, радовались, что живой вернулся, словно и не замечали его уродства. Заехал как-то в МТС, знакомый запах машинного масла да старенькие трактора напомнили о прежней молодой жизни. Защемило сердце.

– А вот и мой «конь», – узнал Иван свой трактор, провёл рукой по гусенице, тяжело вздохнув.

Дверь в гараж открылась со страшным скрипом, луч солнечного света упал на пол. Иван оглянулся. Сзади стояли подросшие пацаны.

– Дядька Иван, как хорошо, что Вы пришли, а нам конюх Егор сказал: «Бегите скорее. Завгар уже на работе».

Тепло разлилось у Ивана в душе.

«Милые вы мои, если б вы знали, что это значит для меня: нужен, чувствую, нужен людям, – думал Иван, а сам напустил строгость:

– Ну, раз завгар, тогда не дядька Иван, а Иван Гаврилович. И – за работу. Для начала, разобрать весь инструмент и убрать мусор. Техника любит порядок.

Пацаны с готовностью бросились выполнять.

С работы добрался поздно, устал, но был доволен. Наталка уже заждалась, ужин остыл. Санёк несколько раз выходил на улицу, всматривался в темноту.

Наташа знала, что Иван в гараже, но принялась хлопотать.

– Где можно быть, уже все по домам сидят, темнотища!

Иван улыбнулся одними глазами:

– Не ругайся хозяйка, на работе задержался. Дел накопилось, но пацаны молодцы, технику любят, к весне обучу, будут тебе Наталья трактористы, не волнуйся. Посевную начнём вовремя.

Наташа обняла Ивана.

– Спасибо тебе Ванечка!

А сама почувствовала, как напряглись его плечи, и настроение поменялось, сник мужик, ужинал нехотя, больше молчал. Наташа с Санькой и так, и сяк, пытались его растормошить – ни в какую.

– Ваня, Сашу в школу надо определить, ты бы поговорил завтра, какой класс, что да как?

– А чё там говорить, пусть идёт и учится.

Наташа замолчала и больше не пыталась заводить разговор.

После чая Иван с глубоким вздохом сказал:

– Что, если я к себе в хату переберусь? Обуза я тебе, Сашку только оставь у себя, я с утра до ночи в гараже буду.

Всё поняла Наташа: мучился Иван рядом с ней. Жили в разных комнатах как брат с сестрой. Ранение у Ивана серьёзное, и не только ноги были его бедой.

В станице все привыкли, считали их семьёй, с виду всё как у всех. Иван, что мог, делал по дому. Наталья была хорошей хозяйкой, и Санёк при них.

Наташа покачала головой:

– Нет, Ваня, давай жить, как есть. Две хаты не протопить, зима длинная, холодная, да и мне легче управляться, я ж, Ваня, тебя не брошу, и не думай, и накормлю, и обстираю. Не бузи – ты один, я одна, а Саньку приручили, он же нас за батьков считает. Слышала, как на улице хвастал: «А мои оба на войне героями были. Мамка папку из танка вытащила». Ну, как тебе? – Наталья вопросительно глянула на Ивана.

– Да не может быть, вот брехун! – Иван даже рассмеялся.

– Брехун, не брехун, а семья мы для него, выходит, сыночка растим.

Задумался Иван и, тяжело вздохнув, обратился к Наталье.

– Наташа, если встретишь человека, полюбишь, не таись: жизнь ещё молодая. Я не в обиде. Здорового не любила, а уж такого... Спасибо, что отогрела, душу спасла, человеком заставила быть. Проживу честно, сколько Бог отвёл.

Помолчали, каждый о своём. Затем о работе вспомнили: живая тема, оба душой за колхоз болели – на их плечах лежала ответственность за урожай.

Так незаметно в делах и заботах прошла зима. Иван, что называется, поставил на ноги всю технику, обучил пацанов, подготовил молодую тракторную бригаду. У Натальи всё было готово к посевной. Ждали пригожих дней. Весна стремительно наступала – еле управилась...

– Ванечка, я так волновалась. Ведь первый раз вот так, самостоятельно.

Председатель колхоза – бывший фронтовик, прислан был из города: свои-то все на войне полегли. Тряс Наташкину руку.

– Спасибо тебе, умница наша!

– Да, я-то что? – засмушалась она, – это Иван поднял неподъёмное.

– Иван получит своё, – засмеялся председатель.

Приближалась годовщина Победы. Май расцвёл красками весны, а радость смешалась со слезами и горечью потерь. Станичники собрались на митинг у правления колхоза. Из города приехали представители военкомата, и награда, спустя год, нашла героя. Ивану вручили 2-ой орден Славы.

Праздник продолжался, а он сидел на своей тачке и молчал: не радовал орден.

Сегодня ночью не спалось ему, слышал сдавленные Наташкины рыдания, а рано утром заполз к ней в комнату и увидел: спала Наталья, прижимая к груди фотографию Артёма. Жить расхотелось...

Но время неумолимо бежало, и жизнь текла своим чередом, всё свободное время отнимала работа. Дома завели скотину, птицу, посадили огород. Санёк заметно подрос, стал помощником. Вечером, пока родители с работы придут, овец загонит, птицу накормит, уроки выучит, а то и печку натопит, картошки сварит. Наталью с Иваном почитал за отца с матерью, а когда был поменьше, убедительно всем внушил, что папка с мамкой на войне его родили. В станице все ведь знали про Наташку с Иваном, но Саньку никто не переубеждал. Тётя Дуся позовёт другой раз: «Саня, мать дома? Пусть зайдёт ко мне».

А Сашке так приятно, бежит и ещё с улицы кричит: «Мама, тётка Дуся зовёт».

Глава 5

Прошло ещё два года. Колхоз заметно окреп, подросло население – прибавились рабочие руки. Люди стали строить дома, небольшие – на две-три комнатки, но зато новые. Помогали друг другу всей станицей. Наталья заочно окончила техникум, получила диплом агронома. Только Иван не мог успокоиться, вроде и с положением своим смирился, но душа не знала покою. Трудно было ему с Наташкой. Иногда нет-нет и сорвётся на неё, обидит: «Что, пригрела уroda? А на мужиков облизываешься?».

Наталья его жалела – отмолчится, а по-бабьи понимала, прав Иван, только уж очень обидные слова говорил, где только брал такие?

В ту пору, шёл Наташке двадцать пятый годок. Расцвела, как говорится. Всё при ней: и лицом мила, и душой светла. Шептались бабы, что постарше были – жалели. Тётка Аксинья совсем уж постарела, встретит, бывало, Наталью:

– Голубка ты моя, сизокрылая, дай я на тебя погляжу, ну что глаза отводишь, кого обмануть хочешь? Больно уж времени много прошло, почти все вернулись домой. Молись за упокой души Артёмки своего.

После этого Наталье так тяжело станет. Но дома её всегда ждут и надо к ним, каждому подарить тепло своей души.

Санёк стал понимать, что не всё ладно в семье. Переживал по-своему. Своих родных не помнил, остался в памяти только исковерканный поезд да бегущие люди, а сверху падали бомбы. Затем зловещая тишина и всё.

Судьба подарила ему дом, мать, отца. Однажды приехал Иван с работы: старый конюх возил его на дилижансе.

– Саня, поедem завтра в город, детали надо посмотреть для тракторов, поможешь мне. Сашка просиял.

– Мать пусть в школу записку напишет или сам сбегай к Марии Филипповне, предупреди. Школа – дело святое, но без тебя мне не обойтись.

За ужином обсуждали завтрашнюю поездку. Наталья попросила заехать в магазин:

– У Саньки туфли совсем порвались, а в сельпо не скоро привезут товар, может, в городе купите?

– Купим, мать, купим, и тебе подарки купим.

– Да вы сами подарки мои! – засмеялась Наталья.

Иван глянул на неё и опустил голову.

Рано утром к дому подкатил дилижанс. Утро освежило прохладой, прогнав последний сон. Иван ловко уселся в повозку и поприветствовал Егора.

– Сашка, долго ещё? – нетерпеливо крикнул он.

Санька топтался на пороге и ждал, пока Наталья, приговаривая, собирает еду.

– Бери-бери, в дороге всё съедите.

Схватив, на ходу узелок, Санёк запрыгнул в дилижанс.

Лошади звонко зацокали подковами по каменистой дороге.

Наташка осталась одна: убрала постели, нехотя позавтракала, задала корм домашней скотине и засобиралась на работу.

«Надо бы дальние посеы осмотреть. Всхожесть тревожит, давно дождя не было»

Она подошла к зеркалу: на неё смотрели печальные зелёные глаза. Платок, надвинутый низко на лоб, скрывал половину лица, Наталья казалась старше своих лет. Она стянула платок, встряхнула пышной пшеничной шевелюрой, улыбнулась:

– А ведь, хороша ещё... – достала из коробочки картонный тюбик розовой помады и провела по губам.

А в это время дилижанс тряско катил по дороге. Выехали за станицу, невысокие кусты «чёрт-дерева» ярко зеленели весенними клейкими листиками, в траве, словно маленькие солнышки, прятались жёлтые одуванчики. Вскоре поравнялись с Убыхом, Иван невольно повернул голову в сторону землянки, где они с Санькой переживали холодную зиму. Саша перехватил его взгляд и опустил глаза, затем глубоко вздохнув, будто набрался храбрости и тихо спросил:

– Бать, а чё у вас мамкой не получается, ты ж её вроде любишь?

– Цыц!.. «Вроде любишь?» Не твоего ума дело. Может меньше любил, так получалось бы.

Молчали до самых Волчьих ворот. Лошади с трудом пошли на подъемщик. Сашка развязал узелок.

– А давайте перед городом перекусим?

Съехали с дороги, остановились.

– Ох, пышек Наталья отменных напекла, – расхваливал еду Егор.

– Она у нас такая! – поддакнул Иван.

– А место, какое красивое, и за что его Волчьими воротами называют? – спросил Саня.

– А кто его знает, может волки тут водились? Ну, если присмотреться, видишь горы как сходятся и дорога между ними, а скалы нависают, как волчьи клыки, – хмыкнул Иван.

Вдалеке послышался звук мотора, машина надсадно выла, карабкаясь на перевал.

– Грузёный, с карьера мабуть, – заметил Егор, – Мергель в Гайдук возят. Цемзаводы восстановили – слава Богу, жизнь налаживается.

Из-за поворота вывернула «Татра», кузов доверху завален серым мергелем. Машина, проехав немного, поравнялась с дилижансом и остановилась. Из кабины выскочил высокий человек, в комбинезоне, заросший недельной щетиной. Надвинутая на лоб кепка скрывала глаза.

– Мужики, воды не найдётся? – громко спросил он и направился к дилижансу, – пока перевал перемахнул, в горле пересохло.

– А что фляжку с собой не возишь? Не воевал что ли? – грубовато ответил Иван, его «перекорёжило» всего непонятно от чего.

– Воевал... – с какой-то натугой в голосе произнёс незнакомец.

Егор зачерпнул воды в жестяную кружку и протянул:

– Пей, добр человек на здоровье, – оглянувшись к Ивану, прошипел, – Ваня, ты шо, воды пожалел? Не по-людски это.

– А у меня с этим фраером всё не по-людски было.

Иван узнал Артёма и даже не удивился, он всегда чувствовал его присутствие.

Артём перестал пить, снял фуражку, обтёр потный лоб. Удивлённо посмотрел на станичников.

«Старый конюх, пацан, а это по всему видно танкист бывший: много по стране таких «самоваров» ходит».

– А сами кто будете? Из станицы что ли? – махнул головой в сторону, где раскинулось село.

– Откуда ж ещё? – Егор пытался скрыть возникшую неловкость.

– Да, красивое село, бывал я в нём до войны. Много воды с тех пор утекло. Вот как еду, всё туда смотрю, зачем не знаю? Уж не ждёт там давно никто. Да и я неделю назад как объявился, с трудом на работу взяли, теперь вот с утра до вечера за баранкой.

Иван понял, что Артём его не узнал и продолжал интересоваться.

– Из заключенных что ли? Кто воевал, а кто штаны на нарах тёр.

Артём посмотрел на ордена, которые красовались на груди инвалида.

– Да не совсем так, довелось и мне хлебнуть каши свинцовой. Попали в окружение под Воронежем. Командир погиб, я принял командование на себя, вывел из окружения батальон – много наших полегло. Ну, «особисты» занялись этим вопросом вплотную. Пережить пришлось многое. До войны в горкоме партии работал, не думал, что партия обойдётся со мной так. А, может оно и верно, война – кто разберёт, где она правда-то.

– Конечно, в карьере работать похуже, чем в «Эмке» девок станичных катать.

Иван не сдержался. Лопнула пружина внутри.

«Ну, промолчи же ты дурень, ведь не узнал Артём, разъехались и всё», – нет, не унимался – жгло внутри, болело.

Артёма как током дёрнуло: остановил взгляд: «...не узнаю, в голове карусель».

Иван наслаждался его недоумением, а злоба закипала всё больше и больше.

«Артём стоял целый, невредимый, любим его Наташкой, – уж это Иван точно знал, – а он кочерыжка обгорелая с орденом, а на хрена этот орден нужен, если с бабой любимой спать не может, да и с нелюбимой тоже».

– Трогай Егор, будем с каждым тут лясы точить. Мне ещё на машино-тракторную станцию надо успеть.

«Вот оно что!» Артём еле устоял на ногах. Заныла рана под лопаткой.

– Иван, Иван! – он бросился вслед телеге, – Иван, стой!

– Что тебе? – огрызнулся Иван.

– А Наташа жива? Жива?! – Артём тряс Ивана за плечи.

Санька вскочил.

– Не трожь папку!

Артём удивился:

– Сын что ли?

– Угу, приёмный наш с Наташкой, – тихо буркнул Иван.

Артём невольно опустил руки, и душа его застыла словно ледяной ком.

– На-та-ша, – прошептали губы.

Телега покатила дальше. Иван молчал, Санька с тревогой поглядывал на него.

– Санёк, ты спрашивал, чё у нас с мамкой не ладится? Ты пацан уже большой – понял всё?

– Понял, – невнятно ответил Сашка, – и что теперь будет?

– Один Бог знает, – твёрдо ответил Иван.

Сделав дела в городе, под вечер вернулись домой. Иван понимал, что шила в мешке не утаишь. Да и Егор не из молчаливых, обязательно проболтается при случае.

Наташка весёлая, без привычного платка, показалась на пороге. Иван заскрежетал зубами. «Как назло, стерва, хорошеет с каждым днём».

– Ну, идите же вечерять, – позвала Наташка.

Семья собралась к столу. Наташа расспрашивала про город, рассказывала о своих полях: была в приподнятом настроении. Санёк быстро поел, сказал, что устал трястись в телеге и ушёл спать. Иван подпёр голову кулаком и молчал.

– Вань, случилось что? Печальный какой-то?

– Я, Наталочка, свою радость давно растерял. Нет ли у тебя водки в загашнике – выпить хочется.

Наташа поставила на стол чекушку «Московской». Иван налил стопку.

– Дай ещё одну, выпей со мной – повод у нас есть!

Она удивилась, присела к столу, чокнулись.

– Ну, за здоровьице, – ласково проворковала.

– Какое здоровьице? Ядрёна мать...

Иван залпом выпил рюмку, крепко поставил на стол, сломав стеклянную ножку.

– За счастье! – и долго помолчав, добавил, – твоё...

Наташа притихла и начала убирать посуду. Иван задумался, глядя в одну точку.

«Да, жизнь преподносит подарки. Ну, ведь не жена она мне и не любит даже, а сколько лет в мире согласия прожили. Никто в станице даже не догадался, что живём, как брат с сестрой. Хорошая, дружная семья. Санёк всем на зависть вырос. Даже не знаю, как это всё рушить, с чего начинать? А ведь как-то надо отпустить её на свободу. Пусть счастливой побудет, сколько той жизни, с гулькин нос отмеряно. Нет у меня прав никаких, в клетке рядом с уродом её держать. Пользоваться жалостью человеческой несправедливо. Да дитё ей надо своё иметь».

– Вань, уже спать пора, – потревожила Наталья его мысли, – спокойной ночи, Ваня, – и ушла, как всегда на свою половину.

Не решился Иван на разговор...

Прошло лето, скосили хлеба, собрали урожай. Стали готовиться к зиме. Холода ждали ранние. Все мужики были на заготовке дров. Тракторами доставляли в станицу и развозили прямо по дворам. Машин не хватало – приходилось грузить на подводы, и тянулись дровяные обозы по всем улицам. Зима дело длинное – отдыхай, да печь топи. Как и обещали, приморозило рано. Речушка ещё журчала, а пруд стал намертво. Первым снежком припорошило красные грозди калины. Сказка зимняя – душа радуется.

Иван со старшим егерем с утра отправились в лесничество, запрягли лёгкий дилижанс и по морозцу быстро добрались. Молодые трактористы ещё с вечера загрузили прицепы, и, переночевав в сторожке, отправились в обратный путь. Иван недоумевал: «Где мы с ними разминулись?».

По-хозяйски осмотрев делянку, найдя её в полном порядке, засобирались назад. Чуть отъехав, услышали мерный рокот тракторов.

– Всё в порядке, – успокоился Иван. – Хлопцы поехали ближней дорогой, что вдоль пруда тянется.

Лошади резво бежали, а дилижанс, весело звеня бубенчиками, прыгал по ухабистой лесной дороге. Выехав на пригорок, Иван приложил руку к глазам, осмотрелся: пруд блестел на солнце и слепил глаза. Вдруг он, стегнув кнутом коня, заорал:

– Стой, ненормальный! – и погнал вниз.

Ах, молодо-зелено! Как глупо, случилась беда, страшная.

Не успел Иван остановить свой дилижанс, а трактор уже заваливался на бок, кабина медленно уходила под воду. Прыгнул Иван на своей тележке на замёрзший пруд и заскользил к полынье.

– Чёрт тебя понёс – лёд ещё слабый! Ах, дурная твоя кубышка!

Но увидев испуганные глаза парнишки и синие костяшки его пальцев, крепко держащие рычаг, умоляюще закричал:

– Андрюша, прыгай, ты что, пацан, умирать собрался, прыгай, говорю!

Хлопец в отчаянии мотал головой, а трактор оседал, ломая лёд. Иван ухватился за выступающую из воды гусеницу, вскарабкался и дополз до кабины, вырвал из неё тракториста и швырнул на лёд. Трактор дёрнулся всем корпусом и ушёл на дно.

– Дядька Иван, дядька Иван! – орал до хрипоты Андрей. – Прости меня, дядька Иван!
У парня началась истерика, подоспевшие на помощь, еле оттащили его от чёрной страшной полыньи, где пятнами плавал мазут и две деревяшки. Моментально станица узнала о трагедии.

Когда достали трактор из воды, Иван сидел, уткнувшись в панель головой, как будто намертво слился с железом. Открытые глаза, невидящим взглядом устремились вперёд. Мужики сняли шапки, бабы запричитали.

Наталья была дома – замесила тесто, решила в воскресенье побаловать семью пирогами. Внезапно дверь распахнулась, задребезжали стекла, затопали чьи-то ноги.

«Господи, кто это? – подумала Наталка. – Так только беда в дом врывается!»

Раиска, давняя её подруга, кинулась навстречу, обняла Наташку за плечи.

– Крепись, подружка!

– Кто? – простонала Наталья.

– Ваня там, на пруду...

Не помнила Наталья как добежала, как Санька, рыдая, гладил её лицо.

«Ваня, Ваня! Господи, да за что же это? Да разве можно так много одному?».

Она присела рядом с его коротким телом и ладонью закрыла глаза.

– Ванечка, прости за всё. Отмучилась душа твоя горькая. Не хотела я этого, не хотела!

Санька стоял рядом:

– Ма, я тебя никогда не брошу. Папка любил тебя очень.

– Спасибо сынок, спасибо Вам, родные мои, – всхлипывала Наталья.

Ни один человек не остался равнодушным к беде. Похоронили Ивана под старой ивой. Надела Наташка чёрный платок и часто навещала могилку.

Но время неумолимо бежало, залечивая раны. И снова была работа, поля, посевы. Наталья с головой погрузилась в весенние заботы.

Саша окончил школу и решил продолжить дело родителей. Приехав с матерью в город, они подошли к зданию техникума, Саня открыл тяжёлою дверь. Наталья невольно остановилась: душа заныла, и образ Артёма всплыл перед глазами.

«Господи, да пора успокоиться, подумала она, Вот и Вани уж нет.

Не суждено было встретиться Наталье с Артёмом. До глубокой старости она жила, сохраняя в душе свою единственную святую любовь. Война жестоко разлучила их навсегда.

А мы, благодарные потомки, низко кланяемся им: всем, кто защищал родное Отечество; всем, кто боролся против фашизма; всем, кто ковал и добыл Великую победу. Честь им, слава и хвала!

БОНДАРЬ Надежда Фёдоровна, родилась на Алтае. В городе Бийске закончила школу, пединститут. Работала учителем в Юрге, Москве, Курске, Ангарске, Владивостоке, Иркутске. В зрелые годы переехала в Анапу, обрела дом, семью и друзей. Здесь было написано первое стихотворение, вышли первые поэтические сборники «Мой день», «Воплощенный ангел», «Не угасай любовь моя». На некоторые стихи положена музыка талантливого композитора Олега Мурашёва.

ДОЛЯ ЗАМУЖНЯЯ

За оконным стеклом – рай гераневый,
Изнутри свет теплом в дом заманивал.
Прочихалась труба дымом в небушко,
А печная судьба пахнет хлебушком.

Холода да пути бездорожные!
Не студи, береги свои ноженьки!
Возвращайся скорее, мой суженый,
Отогрею твой голос простуженный!

С пылу-жару хлебами отпотчую.
Отмолю сны твои да всеночные.
На земле под луной в звёздном кружеве
Похвалю нашу долю супружнюю.

Не тревожь колыбель нашу, совушка!
Налегке утром будет головушка.
Снизойдёт благодать, сердцу ладная,
И печали уймёт безотрадные!

ЖЁНАМ!

Чтите род, под покров вас принявший!
Множьте силу мужскую его!
Мудрость новой семьи, ставшей вашей.
Почитайте за свет и любовь!

Плод взаимности вашей – ребёнок,
Воплощение духа небес!
Сотворённый в ладу, привнесённый
В долю вашу, как радость иль крест!

Призывайте родов звёздных память,
Ветвь супружества в древе неся,
И опорой надёжною станет
Поросль мужняя, дружная вся!!!

ПРОСЬБА

Не торопи, судьба, меня
в седую мудрость облачиться,
к растраченным напрасно дням
прошу, сердечная, смягчиться!

Прошу в дальнейший путь внести
для мыслей ясные пометки,
шаги бесцельные спасти,
освободив от брэнной клетки.

Прошу в раскрытых небесах
поводыря мне дать в дорогу
и на Божественных весах
не распинать мой поиск строго.

Прибавить толику мне лет
для неисполненных свершений.
Я пронесу возданный Свет
в потоке праведных решений!

И оступаться не давай
натруженным ногам уставшим!
На душу в теле уповай –
моей звездой отныне ставшей.

Обереги ранимый слух
от бесполезности раздора
и напитай преклонный слух
дыханьем вечного простора!

Не дай заблудшим быть в мечтах,
погрязнуть в омуте иллюзий!
В моих прочитанных летах
я до сих пор согбенный узник.
Не торопи, судьба, меня
в седую мудрость облачиться!
Живительного дай огня
и крылья дай, что даришь птицам!

УГОМОНИСЬ, СВИРЕПЫЙ ОР!

Люблю минуты тишины –
преддверье томного блаженства
и вдох, без запаха войны,
в природном вечном совершенстве!

Когда отключена душа
от насажденья зла, насилья,
а телу ведомо решать,
где есть приют его фамильный.

Когда не рвут на части дом
и все друг с другом мирно ладят,
а иноземных благ фантом
цинично на порог не гадит,

на землю, где лежат деды...
В песчинке каждой – бойни память,
её беззвучные следы
сердца России болью ранят.

Угомонись, свирепый ор,
безумной клики оголтелой!
Утихни пламенный раздор,
чтоб тишина вокруг звенела!

И пусть благоухает сад
теплом земли, весенним цветом,
и отблеском земных наград
скорбит огонь святой Победы!

НЕПОБЕЖДЁННЫЕ СОЛДАТЫ

Черчу в забвении садов
границу мира и согласья.
Творю над ней молитвой кров –
спасение от всех ненастий,
что так терзают род людской
переполняя болью чашу,
в которой Родина-изгой –
купель и Правь святая наша –
исклѣвана огульным злом,
заморским клеветным юродством,
не ставшая ему седлом
в пристанище тупого скотства.
Лишённый совести недруг –
пустым карманам добродетель,
с какой-то стати щедрый вдруг
корм выдаёт по адской смете
заблудшим тварям, коим смерть
кровь собирает на подкормку,
славянскую сжигая твердь –
наследников святых потомков!
Гарцует шабаш на пиру,
останки делит убиенных,
и сверху в чёрную дыру
век истончает Свет Вселенной.
Он самый чуткий из мерил,
великой щедростью воспетый,
Россию-матушку сокрыл
в сердечном капище планеты.
Здесь русской совести душа
небесным ратует набатом
над полем бранным, где лежат
непобеждённые солдаты.
Хранят они земную пядь
от тех, что воют за порогом,
границы тоненькую прядь
и верят в Божию подмогу!

ЕДИНОЙ ПАМЯТИ ЗАРЯД

В дни поминания побед
с небес спускаются на землю
и белый оставляют след
родные души, что не дремлют
и берегут покой семей,
рождённых правнуков обитель
над полем светлых, мирных дней
покровы ткут из белых нитей.
Небесный праведный десант
хранит российские просторы.
Георгиевской ленты бант
победным маршам майским впору:
Чеканят шаг потомки тех,
кто возродил наш дух свободный
в кровавый и жестокий век
в войне великой и народной.
Единой памяти заряд
в горниле праздничных салютов!
Идут полки за рядом ряд –
заслон двойной ворогам лютым!

ПО МИННОМУ ПОЛЮ

Мир в агонии жутких ночей,
к обитателям улиц не ласков,
и под бряцанье евроключей
похотливо и жадно растаскан.

Знать бы, где безопасный ночлег,
где уснуть и проснуться без боли
в час, когда планетарный ковчег
вновь кочует по минному полю.

Рвут на части землицы покров,
прекращают течение рекам.
Вместо вод – ежечасная кровь...
Жизни пульс исчезающим эхом...

Мир в растяжках тревожных ночей,
в паутине земного раздора.
Безвозвратный рюкзак на плече
и забытые «сутки – на сборы!»

Где-то мама и дети мои
за суровой небратской границей.
Не покинет, поверьте, своих
Матерь Божия – Света истица!

НЕТ ПРАЗДНИКА В ДУШЕ ДАВНО...

Твой незатейливый мирок
в пространстве будничном потерян,
и кто-то сокращает срок
на выдохе в уставшем теле.

Нет праздника в душе давно –
он отменён в далёком прошлом.
Судьбы калёное звено
изъять из жизни невозможно.

Герои многотомных книг
покинули мечты обитель.
Со мною лишь прощальный крик –
греховных мыслей искуситель

Плетёт отчаяния сеть
ночами в одинокой келье
и занавесок ветхих редь
роняет блики на постели.

Как скуп на свет грядущий день!
Слабеет с каждым часом вера,
что луч любви пронзает тень,
а нелюбви испита мера.

Твой микрокосмос, как дитя,
в утробе матери-Вселенной.
В ней очи Божие следят
за шагом каждым неизменно.

Надорванный плачевный звук
слезами общими прольётся.
Ладонями небесных рук
к тебе, Спаситель, прикоснётся.

Родитель мудрый, для тебя,
мятежной воли усмиритель.
Утешит, вызовет любя,
очистит мрачную обитель.

ЛИШНИЕ

Вишнёвый рай земных садов,
в нём спелость алых брызгов...
Небес сговорчивый покров
дождями в ночь распыскан.

Для гроз и молний – выходной,
а солнцу – пик свеченья!
Морская пена из-под ног,
прохладное влечение...

А в сводках: матери детей
с мятежной Украины
везут от кары нелюдей,
боясь расстрела в спину.

Там взрывы сотрясают дом,
он стал кому-то лишним...
Под чьим-то адовым судом
сочатся кровью вишни!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Хранит мечты велюр песков,
собрав начертанное в складки...
Ветра читают их легко
на разметённых тропах гладких.
Вот чьи-то первые шаги
к волне, бегущие на встречу...
В великом множестве таких –
желанных странствий быстротечность.
В размытых замках память рук,
разбег творящих чутких пальцев.
Любовь здесь обретает вдруг
счастливый такт земного вальса.
Здесь мысли, как аквамарин,
чисты, с янтарною подсветкой,
и нежность в воздухе парит
небесным облаком несметным.

Кто ощутил глубин тепло
не раз вернётся снова к морю
под южный солнечный полог,
мечте доверившись в повторе.

ПИСЬМО СЕСТРЕ

Давно развела нас судьба...
Мы редко её беспокоим...
Деля с ней покров в городах,
не видим друг друга с тобою.

У каждого дети, дела,
мирские проблемы, заботы,
но общая доля свела
разлук отдалённые годы

на бранного поля между,
где брат ополчился на брата,
где солнце в затменный кожух
злой рок от восходов упрятал.

Мы крови единой, сестра,
с одной материнской купели,
и дома родного ветра
нам песни заботливо пели.

Я чувствую сердцем беду,
что чёрным безжалостным клином
сечёт отчий дух во цвету,
вонзая раздор жалом в спину.

Молю, чтобы яда укус
не стал для обоих смертельным,
из гневных обиженных уст
не брызгал отравленным зельем.

Как мать нам с отцом разделить
на том, приютившем их свете,
и как разорвать с небом нить
аорты одной в лихолетье!

Поврозь разве можем дышать,
 моя дорогая сестрёнка,
 от Бога себя отрешать
 в пространстве душевном и тонком!

Воронеж, Луганск, Львов и Стрий –
 семьи путеводная карта!
 В ней столько «коханья и мрий,
 надии» для жизненных стартов.

Мы крови единой, сестра,
 с одной материнской купели.
 Пусть войн наносные ветра
 нас «ридных» на части не делят!

КАК БУДТО МИР ОГЛОХ СОВСЕМ...

Как будто мир оглох совсем
 и гласа Божьего не слышит,
 а на поля чужих проблем
 заокеанским жаром дышит.

Он сеет мёртвое зерно,
 перетирает жизни в мУку
 и лжи затейливой «порно»
 ведёт по замкнутому кругу.

А в стане голых королей
 и скрытых тенью кардиналов
 в избытке заданных ролей –
 массовка только подустала!

Как будто мир ослеп совсем,
 бесовской кривдой заручился,
 глаза зашорил зрячим всем,
 умом, похоже, размягчился.

Предстанешь с чем, безумный мир,
 в судейский час Великий Божий?!
 Ведь землю превращая в тир
 ты свет душевный уничтожишь...

ЦВЕТЫ МУДРОСТИ

Душе от близкой наготы
 безропотно тревожно...
 В сентябрьских пригоршнях листвы
 утоплены подножья
 древесных скученных стволов...
 Роскошные когда-то,
 зелёный изменили кров
 на плед шероховатый.
 Душе от близкой наготы
 безропотно тревожно...
 Поникли прежние мечты,
 вернуть уж невозможно
 увядших красок яркий цвет
 и пыл былых восходов...
 Шагов земных смывают след
 безжалостные годы.
 Душе от близкой наготы
 безропотно тревожно...
 Стихи, как мудрости цветы,
 затмить хандрою сложно:
 собою украшают жизнь,
 питают вдохновеньем.
 Не падай духом и держись
 за каждое мгновенье!

СВИДЕТЕЛЬ

Пожелтевший и смятый билет,
 в нём потёртые временем строки...
 Из события пройденных лет
 он свидетель житейской дороги.

Помнит место, назначенный срок
 бессловесный попутчик бумажный,
 прошлых связей повторный урок
 отпечатал он в памяти дважды.

Я порву на клочки давний день!
 Такова его брменная участь,
 но останется прошлого тень
 восхищать меня, может быть мучить,

обрекать на скупой тет-а-тет,
воскрешённые заново чувства,
затмевать мой сегодняшний свет
наложением пройденной грусти...

НАСТАВНИК

Как важно приходить тогда,
когда ты очень, очень нужен,
когда в обиженных годах
хрустит озлобленная стужа,
когда метель дороги вьёт
седою снежной паутиной,
когда печаль из сердца пьёт
любовь до дна неотвратимо,
когда в глазах душе темно,
в их зеркалах – одни осколки...
Прошу, чтоб было мне дано
спасать всех ближних!
Спросишь: скольких?
Не мне решать, кого вести
по милости всевышней к Богу!
Моё призванье – вещей стих,
наставник в светлую дорогу!

КОГДА ПО ДНЯМ СОЖГУТ СЕБЯ...

Когда по дням сожгут себя
в свечах финальных наши встречи,
приму свой мир я возлюбя
и душу в нём не покалечу!

Сердечной раны быстро течь
залижет примирившись время...
Гордыни обострённой меч
искать не будет чьё-то темя...

Хлебнёшь ли Свет, страна сует,
когда задвинуты засовы,
когда в изгнанье спрячу след,
захоронив в земле оковы?!

С кем пепел будешь свой делить?!
Скажи, бездушная, на милость
и жажду вещью толить,
когда она вдруг возвратилась

на круги прежние своя,
в лишённое любви жилище,
где ослабев в земных боях
никто уж мудрости не ищет!

МАШЕ

Полвека разлучили нас...
Иду по жизненному кругу
и вспоминаю много раз
тебя, далёкая подруга!

Твоё душевное тепло
и щедрость сестринской заботы!
Как время быстро посекло
у судеб наших женских годы!

Как пели песни мы с тобой,
и, словно птички, верещали!
Любви и счастья миг любой
с надеждой вновь предвосхищали!

Пекли печенье, пироги
по шедевальной рецептуре,
а запах нарезал круги
в момент вкуснейшей процедуры.

Делили радость и беду
с своей мужскою половиной,
в достойном жёнином ряду
соперниц вспять могли задвинуть.

Прошли урок обид, потерь,
но зла на ближнего не держим!
Нам в небеса открыта дверь
и просветлён духовный стержень!

А «лета бабьего» пора
позолотила только годы.
Мы славим Боженьку с утра,
что дарит новые восходы

и верных спутников в пути
даёт нам щедро, благосклонно!
Желаю, Машенька, цвести
и стих дарю тебе с поклоном!

Запомни моря чудный блеск,
песков шуршащие барханы,
уют земных анапских мест
и солнца радужную прану!

«НЕ ПОТЕРЯЙСЯ, ГОЛОС МОЙ...»

Не потеряйся, голос мой,
в безликом хаосе событий,
не будь навязчивой струной
в напевах, мудростью забытых.

Не доверяй скупым устам
слова любимые и звуки,
прощай рассыпанным листам
пустую вязь от ленной скуки.

Освободи невинный слух
от пустозвонного увечья
и вознеси глубинный дух
потокком света бесконечным.

Раздай до капельки себя
тому, кто жаждет чистой речи,
мир благозвучия любя
строками ограняет вечность.

ПОЗАБЫТЫЙ ПОКОЙ

Задержалась в прозрачье аллей
невесомая южная осень,
и янтарного солнца елей
разбавляет небесную просинь.

Не успели ещё облака
затуманить собою просторы.
Дымкой светлою, тонкой слегка
укрываются дали и горы.

Город в камень седой обрамлён
и облизан сварливой волною.
Каждый шаг в твои тропы влюблён,
распечатан по улицам мною.

В позабытый покой погружусь,
от людских отдыхая потоков,
в листопад твой, ноябрь, наряжусь,
обласкаю тебя ладным слогом.

СВЕТАЕТ

Сползает тень с небес – светает!
Бледнеет полотно окна.
Волна лучистая взрывная
вскипает с солнечного дна!

Бурлит энергия восхода!
Вокруг него ультрамарин,
и безграничная свобода
стремит куда-то птичий клин!

В лучистой россыпи светила
мгновенно оживает жизнь,
отодвигает край постылый,
твердя спасительную мысль:

беда минула в день вчерашний,
дожив всего лишь до утра...
Душа раскрылась нараспашку
седым разбуженным ветрам.

Глубин серебряные звуки
стучат в уставшие виски
и радуг животворных дуги
смыкают в завтрашнем круги.

Сползает тень с небес, светает...

Гордеев Евгений Евгеньевич родился в Ростове-на-Дону в семье журналиста. После школы и службы в Советской Армии окончил художественное училище имени Б. Грекова, Львовский полиграфический институт имени И. Федорова. Профессиональный художник, чьи авторские работы выставляются как в России, так и за рубежом. Стихи пишет с начала 70-х годов. Автор книги «Я рад моей поре счастливой» и других. Член Международного сообщества писательских союзов. Проживает в Краснодарском крае.

ПРОЩАЮ ВСЁ И ВСЕМ ПРОЩАЮ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Весенним утром, на рассвете,
 Когда земля ещё спала,
 Наивных ландышей букетик
 Ты мне в подарок принесла.
 Как он светил нездешним светом
 В той майской утренней тиши!
 И ты пришла ко мне с приветом,
 С приветом любящей души.
 В окно лилось дерев цветенье,
 И предо мной букет сиял,
 И шла весна... Мой день рожденья
 Ко мне неслышно подступал...
 Придут рассветы, но другие
 Промчатся дни, пройдут года,
 Но эти ландыши лесные
 Я не забуду никогда.

СОНЕТ

Бывает так, что раннею весной
 Вдруг день придёт осенний и печальный,
 И всё опять напомним изначально,
 И душу напоит щемящею тоской.
 Прежних дум знакомый хоровод
 Вдруг двинет чувств неясное волненье
 И сердца возбудит уснувшее биенье,
 И вновь былое в сердце оживёт,

И чудится, что в небе журавли
 Не на поля забытые вернулись,
 А снова к югу клином потянулись
 В иную даль, на тёплый край Земли.
 О, как грустна поры осенней Тень,
 Что вдруг печалит светлый вешний День.

СВЕТЛАЯ ГРУСТЬ ГУСАРА

Когда грустит гусар порою,
 И крутит ус, и пьёт вино,
 Он вспоминает про былое,
 Что было так давным-давно.
 И про атаки боевые
 В лихом двенадцатом году,
 И про набеги удалые,
 И про счастливую звезду,
 И про Париж, и про Победу,
 Про звон, про шум знамён...
 И сам с собой ведя беседу,
 Всё вспомнит он, всё вспомнит он:
 Случайной радости проказы,
 Случайных уст пустой обман,
 И шаловливые рассказы –
 Гусарской гвардии дурман.
 И перезвон бокалов пенных,
 И пробок шумную пальбу,
 И море шуток откровенных,
 Гусаров братскую гульбу...
 Теперь – не то, теперь – иное:
 Уют семейных тёплых уз.
 И всё ж грустит гусар порою.
 И крутит ус, и крутит ус.

СТАРОМОДНЫЙ РОМАНС

Мой друг, бывают встречи и прощанья,
 Бывает миг, бывают день и час.
 Но лишь одно, на веки, расставаньё
 В душе на веки остаётся в нас.
 И вспоминаю тот весенний вечер,
 И был ли он? Иль не был? Может быть...
 Но той осенней и последней встречи
 Я до сих пор не в силах позабыть!
 Проходят годы, и уходит счастье.
 Бежит привычно вереница дней,
 Но каждый раз в осеннее ненастье
 На сердце вновь становится грустней.
 И вспоминаю тот весенний вечер.
 И был ли он, иль не был? Может быть!
 Но той осенней и последней встречи
 Я до сих пор не в силах позабыть.

Скажите, почему вы рано так ушли,
 Не дочитав стихи, и не допив бокала?
 И почему на празднике земли
 Отпущено Вам было очень мало?
 Зачем оставили вы одного меня?
 Веселье петь, забыв о днях печальных?
 И пить вино из кубков поминальных,
 Судьбу свою беспомощно кляня?
 Но, может быть, у света на краю,
 Когда земля качнётся под ногами,
 Стихи мои я тихо пропою
 И окажусь, как прежде, вместе с Вами.

Ты мне была всегда созвучна
 России скорбная душа.
 Иду с тобою неразлучно,
 Твоим дыханием дыша.
 Твоими хворями болею,
 И перед Богом не ропщу.
 Я ни о чём не сожалею,
 И лучшей доли не ищу.

Приму любые испытанья,
 Приму и радость, и беду.
 Любые муки и страданья
 Я до конца с тобой пройду!

ОСЕНЬ ПОЭТА

Уходит Осень, Душу обнажая,
 И, осушая мой бокал до дна,
 Всё, подытожив, всё преобразая...
 Но, может, не последняя она?
 Быть может, я пройду ещё немного?
 Уйдут метели, тягостные сны...
 И, одолев морозную дорогу,
 Я добреду до следующей весны.
 Затем само собой настанет лето.
 И скажет мне, что я доселе жив...
 Откликнувшись на вечный зов поэта,
 Вернётся Осень, Душу обнажив!

О! Православная Держава!
 О! Православный Твой народ!
 Тебе даны Позор и Слава!
 И Крестный Путь! И крестный Ход!
 Какие Вехи Роковые
 Предначертал тебе Творец?
 Какие муки Огневые
 Ознаменуют твой Конец?
 Какие смуты и несчастья
 В который раз тебя согнут?
 Какие дьявольские страсти
 Вражду и войны разожгут?
 Какие злые лжепророки
 По пажитям твоим пройдут?
 Какие темные пророки
 В твоих народах оживут?
 Какие жгучие страданья
 Тебе нести придётся вновь?
 И через Чудо Покаянья
 Познать Господнюю Любовь.

Нет! Обольщенья лжемиссии
Тебя к нему не обернут!
Иди, иди, моя Россия,
На Страшный святой Божий Суд!
Твой Лик суров, и на мученья
Идешь, крестом Освящена!
И Тайна Божьего Спасенья
Тебе до Века вручена.

Прощаю всем и всё прощаю,
Я в свой последний путь иду.
И, уходя, вам обещаю:
Сюда я больше не приду.
А коль приду, то на мгновенье,
Которому названья нет.
Приду, как ветра дуновенье.
Приду, как дальний, звёздный свет.
Приду ко скорби и слезами
Нежданно тихими прольюсь.
Иль пред Святыми Образами
Молитвой жаркой отзовусь.
Но если смутную тревогу
Вдруг ощутит душа твоя,
Тогда спеши с молитвой к Богу,
И знай, что это был не я.

В перилах лестницы чугунной
Я старый герб увидел твой.
И ты предстала предо мной
Наивной, пагубной и юной.
И шарм бандитских королей,
Слепых погромов беспощадность,
И неременная парадность
Биндюжной гвардии твоей.
И Порто-Францево карэ
И лёгкий прочерк де Рибаса,
И смоль рыбацкого баркаса,
И плач горлинок на заре.

И говор смешанных наречий,
И всплеск разноплеменных рук,
И, гордо приподнявший плечи,
Надменный и циничный Дюк.

Вырос я в Нахичевани,
Что в Ростове-на-Дону.
А сегодня я в Хейвани,
В этом сказочном плену.
Небо сказки, моря ласки,
А под вечер все равно
Полногрудые абхазки
Дарят чачу и вино.
Продают – но за бесценнок,
Жар в агатовом стекле.
Ну а чачу для оценок
Поджигают на столе.
Вечер. Южная сторонка
Открывается глазам:
Море лунная тропинка
Поделила пополам.
Где-то там, в сиянье ночи,
В дымке вечной красоты.
Там, где звезд блистают очи.
Дремлют снежные хребты.
Эвкалипты и магнолии
Грезят с морем заодно...
Начинается засталие,
Льется терпкое вино.

Во мне живёт тоска сомненья.
Летит и вертится Земля,
Как странный призрак Уравненья,
Как призрак грозного Нуля.
Во дни Всевышнего Дерзанья
Великий Рэум начертал
И бесконечность Мирозданья,
И вечной Истины овал.
Но я люблю до сердца боли:

И белый парус корабля,
И моря шум, и бездну поля
Бегущих волнах ковыля.
Я отдаюсь Весны обманам.
И Жизни полн. И Жизни рад.
А осенью грущу с туманом
И ухожу сквозь листопад.

Отчего в душе так хмуро
И на сердце холодок?
Отчего сижу понуро
Весь озяб, продрог, промок?
Отчего я тупо пялюсь
На слепую гладь воды?
Отчего не разгибаюсь
От нахохленной уды?
Оттого, что одиноко,
Оттого, что хмуры дни,
Оттого, что всё далёко
Оттого, что все одни.
Оттого, что всё пропало,
Оттого, что мочи нет,
Оттого, что одичалый,
Я живу уж много лет...
Я сижу один понуро:
Нынче рыба не клюёт.
На Пахре сегодня хмуро.
Люд на речке водку пьёт.

Светлейшим в этом мире – нет числе.
Умнейшим в этом мире – нет числа.
Но расскажи, где видел ты корону,
Что прикрывает уши у осла?
Постыднейшее из Времен,
Когда бесчестье стало Честью!
И отвратительною лестью
Дар Откровенья заменен!

Когда у власти чернь и воры,
Когда закрыт у правды рот,
Когда измученный народ
Надел смирительные шоры.
Когда бесплодна мысль творцов,
Когда в душе лежат потемки,
И Развращенные потомки
Хулят обманутых отцов,
Когда душа объята ядом,
Когда Любовь и Ложь – дружны,
И Совесть с Правдой не нужны...
Когда безбожье с Верой рядом,
Когда смердит вражды Чума...

.....

Не дай мне Бог сойти с ума!

Я умираю с каждым сентябрём.
Когда затишье странное в природе,
Когда багряный месяц на восходе
Уныло брезжит тусклым фонарём
Иду один, вдыхая терпкий тлен.
Прощаю всем: и милым и немилым.
И, приближаясь к дорогим могилам,
Я отдаю себя в приятный плен.
Я становлюсь Свободным в сентябре,
Мне открываются совсем иные дали.
Мне время дарит Светлые Печали,
И Мудрость дарит локон в серебре...
...И, подходя к Заветному Порогу,
Вздохну и тихо молвлю: Слава Богу.

В Мелекино домик у моря,
Давно там никто не живёт.
У моря шатается Горе
Вот уж который год.
У дома акаций куст

Да горы песка...
 А берег огромен и пуст,
 Над морем Тоска.
 Над морем белых чаек
 Отчаянный плач
 Над морем чаек отчаянье:
 Ни парусов, ни мачт...
 Над морем – черно-глубоким –
 Черные облака...
 На море – челн одинокий...
 Без рыбака.
 Над морем чернопенным –
 Ветер один...
 На берегу белом-белом –
 Черный дельфин...
 В Мелекино домик у моря.
 Давно там никто не живёт...
 У моря шатается Горе
 Вот уж который год.

Неужели только что Весна играла?
 Неужели Лето – было и пропало?
 Неужели Осень – уж отшелестела?
 Неужели скоро – Черное на Белом?

ПЕСНЯ ГУСАРОВ

Вот гусары удалые? Где?!
 Где гусарский эскадрон? Где он?
 Где наездники лихие? Где?!
 Шпор зазывный перезвон? Где он?!

Припев:

Бой окончен. Враг повержен.
 Мы пируем до утра.
 Но трубит труба – мы снова
 Надеваем кивера.
 Сабли вон! В атаку нам пора!
 Враг бежит! Ура! Ура! Ура!

Где хмельные наши кружки? Где?!
 Где игристое вино? Ну, где оно?!
 Наши нежные подружки! Ой!
 Ожидают нас давно. Давным давно!

Припев.

Вот окончены сраженья.
 Труд окончен боевой! Огневой!
 Прочь унынья и сомненья,
 Возвращаемся домой! Да, домой!

Припев.

Что невзгоды, что ненастье,
 Коль хмелеет солнцем высь!
 Белозубым светит счастьем:
 Улыбнись, улыбнись, улыбнись!

Шапку я с главы срываю:
 Вон из сердца моя грусть!
 И, волненье не скрывая,
 Улыбнусь, улыбнусь, улыбнусь.

Почему ж душа болела?
 Что сулило вороньё.
 Думать совесть не велела.
 Всё враньё, всё враньё, всё враньё!

Эх, печали, мои печали!
 Дела нет мне теперь до Вас.
 Мне сегодня грачи прокричали:
 Вешний час, вешний час, вешний час.

ПЕТРОВА-ВАРГАСОВА Галина Викторовна по профессии врач высшей квалификации. Но в душе давно чувствует себя поэтом. И к тому немало было и есть предпосылок. Как человек сострадательный, близко принимающий к сердцу и свою и чужую боль, умеющий находить в будничной жизни искорки счастья, любви, она тонко и умело препарирует их в строках стихотворений. По месту рождения она северянка, а по темпераменту – в мать, кубано-донскую казачку. Член Союза писателей города-курорта Анапа.

ПАМЯТИ ОТЦА

Папа, я мало тебя любила –
Папа, для мужа я всех забыла!
Папа, брожу я кварталом старым...
Папа, как рано тебя не стало!

Папа, глядишь ты на нас с портрета:
Папа, твой внук в небо шлёт ракеты,
Папа, твой правнук встаёт на ножки,
Папа, «по гладеньким по дорожкам»,

Папа теперь я ведь его катаю.
Папа, теперь я ведь тоже знаю!
Папа, как больно быть нелюбимым!
Папа, так больно, что жжёт грудину...

Папа, приди ко мне сном коротким,
Папа, я помню твои уроки.
Папа, прими моё покаянье!
Папа, любить – ведь моё призванье.

Папа...

Мы слишком серьёзны,
мы слишком печальны,
нам жизнь представляется
цепью фатальной.
И в этой цепи
Мы себя ощущаем
Лишь слабым звеном.

Мой милый, родной, а давай, поиграем
С судьбой в домино.
Или в карты беспечно!
Поедем к дельфинам,
Поедем к медведям,
Наденем комичные
Маски хоть раз –
И вместо Эсхила
Бессмертных трагедий
Исполним эзоповский парафраз.

ВЕСЕННИЙ ЭСКИЗ

Четкие тени деревьев,
зыбкие тени кустов –
словно мужи в окружении
кружева женских чепцов.
Графика теней весенних
с нежною дымкой пастели –
краше гуаши осенних
багрянолистных костров.

СОКУРСНИКАМ – 2009

В дому души моей светло,
у образов мерцают свечи,
чуть помутневшее стекло
окна распахнуто навстречу –

всему, что Времени ветра,
кружась, нам щедро навевают
и острым кончиком пера
лицу графичность добавляют.

Чтобы черты его и цвет
Не повторяли тот портрет,
что писан был пастелью мягкой
на белом листике тетради –
когда и кем? Не вспомню, нет...

Опять весна и майский вечер.
Семерка. ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ!
Петрищев элегантно сед,
И мы равны – хотя бы в цвете.

И я спешу на эту встречу
Сказать сокурсникам «Привет!
Пусть округлится силуэт,
Однако шире стали плечи –
И плеч надежней в мире нет».

Сколько души сгорело
в этом костре?
Сколько души истлело
после, в золе?
Сколько надежд распалось
В этой груди?
Сколько ещё осталось –
все позади...

ОСЕННЕЕ. ИНГЕ

Я родилась в мае
и всегда ожидаю,
что ночь будет светла.
Твой месяц – ноябрь,
тебе добавить хотя бы
чуть солнышка и тепла!
Дай тебе Бог веру –
в судьбу и в людей,
дай тебе Бог надежду –
жить без скорбей,
дай тебе Бог любовь –
чтобы всех простить,
дай тебе Бог мудрость –
верить, надеяться и любить!

НА ЛЫЖНЕ

Трещат деревья на ветру
и шапки белые снимают.
Меня как добрую сестру
в свои объятия принимают
и осыпают серебром,
и машут белыми платками,
и старой липы тихий стон
мне шепчет: «Сто-ой!
Оста-анься с на-ами!
Тебя одарим белой шубой
и песню тихую споём,
Тебе меж нами будет любо –
Забудешь ты свой душный дом...»

ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА

Легко летают птицы перелётные,
легко поют и падают в траву
и гнезда вьют меж кочками болотными,
и воду пьют, и ловят мошкарку.

А мы грузны, мы ходим, будто ползаем,
в маршрутках душных дышим в чей-то рот
и, озабоченные некой мнимой пользой,
наносим вред – опять наоборот...

Но нас молитва делает крылатыми
и Слово Божье облегчает грудь.
Хитон Его с заплатами измятыми
парит над нами, словно Млечный путь.

Взлетай, душа, над сводами церковными
и трепещи, как ласточка, в ночи,
и крыльями, пусть даже опаленными,
Креста коснись и песню прокричи.

ОГНЕВ Владимир Федорович – писатель, литературный критик, председатель президиума Международного литературного фонда с 1991 г. (г. Москва). Родился 7 июля 1923 г. в г. Полтаве. В 30-х годах проживал и учился в г. Анапе. Участник Великой Отечественной войны; окончил Литинститут им. М. Горького в 1950 г.; член Союза писателей СССР с 1952 г. Автор свыше двух десятков литературно-критических книг; повестей «Легенда о Монтвиле, или Памятник неизвестному поэту», «Зеленое, красное, зеленое...», «Красные яблоки» и др. Награжден орденами «За заслуги перед польской культурой», «Югославское знамя с Золотой Звездой на ленте» и др. Пенсия Президента РФ (с 1995 г.).

РОЖДЕННЫЙ В ФАЭТОНЕ

Новелла

Я родился 7 июля 1923 года в Полтаве, а точнее, – в фаэтоне, который опоздал к маме, когда она пыталась дотянуть до родильного дома.

Это обстоятельство я считаю решающим в моём стремлении впоследствии уважать колеса больше, нежели кресла. Для писателя это сомнительное преимущество. Но приходилось выбирать что-то одно. А впрочем, писать – это як только сидеть и не столько сидеть, сколько думать. А думать мне нравится, наблюдая. А наблюдать сподручнее в движении – пейзажа, характера, обстоятельств – самой жизни.

Это я понял лет в пять. Я собрался навестить любимого дедушку в Писаревщине и, сжимая в кулачке сладкого петушка на палочке, ни разу его не лизнув, долго шел по длинной полтавской улице. Когда меня вернули к плачущей маме, я отдал ей петушка. Она перестала плакать, а когда тётенька, доставившая меня домой, сказала, где я был застигнут, соседка охнула: «Мамо ридна! Так тож було три версты с гаком!» Первый рекорд был зафиксирован.

А может, в генах моих бродила кровь переселенцев? По маме – тут сведения точнейшие – украинец. Да и род известен. Кошевого атамана Гордиенко четвертовали по приказу Петра Великого за отказ поддержать русских и желание с помощью Карла XII сделать Украину, как теперь бы сказали, «самостийной». Но вот по линии отца – тут всё не так просто. «Немец» – на Украине – синоним «иностранца» вообще. А иностранцев на Полтавщине со время Петра и Екатерины было хоть отбавляй. Папина мама, по прозвищу «Нимчиха», вечерами рассказывала мне интереснейшие истории, одна другой страшнее.

Жил в буковой роще не то Иво, не то Ян – оружейник. А рядом, близ Диканьки – имение шведского генерала, когда-то плененного Петром Великим. И вот однажды этот не то Иво, не то Ян застрелил генерала, когда тот был на охоте. А сам повесился. А у гроба викинга почему-то плакала вдова оружейника – какая-то моя пра-пра. К чему бы?.. Может, я только думал, что иду в Писаревщину, а имел в виду Прагу или Загреб? А то, возможно, и Стокгольм?..

Охота к перемене мест имеет и другие корни. Хотя родился я на Украине, детство прошло на Кавказе, юность – на войне. Семья моя была в вечном движении: перемеще-

ния на одном Кавказе – не прекращающаяся кривая дорога выводила меня от гор к морю, петляя то в зеленых долинах, то в мрачных ущельях.

...Память рисует мне далёкие годы – двадцатые. Я, маленький, переезжаю с места на место, то на лошади перед надежной грудью отца, то в машине по горным дорогам Северного Кавказа (у отца работа такая). Просыпаюсь от воя шакала где-нибудь в Теберде, а утречком встречаем восход солнца у подножья Эльбруса. Днём купаемся в нарзанном источнике, рвём кизил на склоне горы, и снова – покачивается горизонт, колышутся горы – а я в седле, сильная рука держит меня сзади, и сладкий запах бурки и свежей травы и чего-то горького – а это жгут костры и дым пополам с туманом, – то уже вечер.... И, засыпая, – слова, таинственные, волнующие: «Микоян-Шахар»... «Владикавказ»... «Темир-Хан-Шура...»

Поселившись в Анапе, я продолжил путешествие в историю. Турецкие ворота с вросшей в траву пушечкой времён Очакова и покоренья Крыма, «турецкий вал», разделявший нас, проживающих на улице Графа Гудовича, с населенной греками улицей Крепостной. Амфоры, поросшие водорослями, и затянутые илом мраморные колонны древней Горгиппии, которые мы видели на дне, ныряя за крабами, исподволь будили воображение...

Но виной тому были не только древние греки. Современные тоже. Например, славный приятель по имени Гера (представьте себе, полное имя его было Геракл). Враль отменный, но добрый малый. Однажды рассказал он о том, что недалеко от берега в Гражданскую затонул военный барк «Эльпидифор», что было редкой в его устах правдой. Неправдой же оказалось то, что он, Гера, ныряя в том месте, видел – «Побожусь!» – волосы женщины в иллюминаторе. На рассвете мы – я, мой закадычный друг Саша Сторчевой и Гера – по совету последнего подвязав булыжник (для весу) к своим тщедушным торсам, принялись нырять к лежащему на дне «Эльпидифору». Ныряли с лодки, хотя и несколько кривобокой, однако с красивым и гордым именем «Альбатрос». Лодка принадлежала нам, так сказать, на паях. Я, освободившись от булыжника, задыхаясь, появился на поверхности первым, ничего не увидев в мутной воде, кроме темного пятна. Да «Эльпидифор» был на месте. Затем показалась голова Саши.

Гера не появлялся долго, и мы с ужасом решили, что он утонул. Но дело оказалось куда проще. Он вообще не нырял, держась за корму лодки, плавал, посинев от холода.

Лишь на следующее утро ситуация прояснилась: второгодник Вася Губан, у которого были самые большие бицепсы в классе, закрепил наши изыскания. Вынырнув, он сказал категорически: «Кончаем базар. Металлолом». И мы кончили.

«Альбатрос» наш был свидетелем не одной попытки выйти за и без того нескудные рамки существования.

Особенно запомнилась нам операция под названием «Озерные острова». О них, разумеется, поведал нам всё тот же Гера. Он долго мылся, похоже, было, колебался, но не выдержал: «Побожусь, знаю тайну. Божитесь». Мы, как умели, побожились. Гера сказал, что за Утришом, куда мы не раз плавали, ещё «одна ходка» и будет зеленый остров. Там спрятаны некие драгоценности, очень древние. Он узнал эту тайну от одноглазого Попандопуло, который, увы, отправился не на «Озерные острова», дерева с большим дуплом, от которого, отсчитав сто шагов, мы начнём копать.

В один прекрасный день мы отправились на поиски сокровищ. Было рано, мама спала, и я оставил записку, что мы вернемся «не очень скоро». Курс на Утриш был хоро-

шо известен, но кособокий «Альбатрос» не любил боковой волны, и как-то случилось так, что лодка опрокинулась. Мы, мокрые и несчастные, добрались до берега.

Я вошёл тихо, но мама уже раздувала фартуком жар в мангале и, не оборачиваясь, спросила: «что так рано?» и немного погодя добавила: «А нескоро пишется слитно». Она была учительница.

Как-то легкомысленно подойдя к проблеме сокровищ, мы перешли на каботажное плавание. Мы подплывали на том же кособоком «Альбатросе» к стоявшим на рейде парходам, вроде однотрубного «Чичерина». Поскольку Гера божился, что на его глазах одна лодка была затянута под киль пархода, мы не догребли до «Чичерина» метров десять. Обычно со стороны камбуза. Там в темной воде плавали арбузные корки. Лодку качало. Тень от кормы пахла прохладой и украинским борщом.

А папу назначили коммерческим директором комбината «Абрау-Дюрсо». Запахло шампанским. И мы решили нанести ему первый визит по морю. В маленькой бухточке, густо обсаженной деревьями, оставив лодку в кустах, поднялись по крутой дороге к папе.

Назад мы гребли так весело, как никогда, – ни до, ни после...

Маме этот маршрут категорически не понравился. Она предложила свой: в Су-Псех, к виноградникам. Поработали бы сперва, а за это и поели бы вдоволь винограду.

Мы послушались её совета. Грести туда было всего ничего. Оставив «Альбатрос» под оливами, поднялись по пологому склону к виноградникам. Было тихо. Трудовой страды не наблюдалось. У калитки под шелковицей похрапывал охранник, изредка отмахиваясь от осы. Мы из приличия представились. Охранник поднял руку в знак приветствия и тут же вяло опустил её. Мы расценили этот скупой жест как приглашение на охраняемый объект. Мы профессионально подошли к делу. Я присвоил первую премию солнечному сорту «шашла». Моё мнение оспорил Саша, он голосовал за крупный как сливы «чауш». Гера презрительно усмехнулся. «Дамские пальчики», готов он побожиться, далеко позади оставляли наш выбор. Солнце клонилось к закату, когда мы вышли к охраннику. Он переменил положение. Теперь он спал, подогнув колени. Мы попрощались по-английски.

Но и этот маршрут оказался закрыт. Однажды вместо спящего охранника мы обнаружили верзилу, решительно расставившего ноги в выцветших клешах. Рядом с ним скалила зубы неприятного вида собака.

«А мы так... гуляем», – почему-то сказал Гера. И, разглядывая облака, плывущие в Турцию, мы прошли мимо калитки.

О сокровищах на необитаемом острове мы вспомнили лишь однажды. На купленном Саше глобусе он случайно рассмотрел... Азорские острова. Гера подтвердил, что именно их он имел в виду. «Ты же сказал «озерские»?» – «Нет, именно про эти говорил одноглазый Попандопуло», – упорствовал Гера. «Но это же черти где!» – вскричал Саша. Гера и тут не дал маху: «Побожусь, их не там нарисовали!»...

Тут я пропускаю лет пять относительно спокойной жизни на суше и на море. Грянула война. И мы, построившись в колонну, с песней «Кубань, ты наша родина!» начали самое большое путешествие – далеко-далеко от родного порога.

А Саша и Гера вообще из него не возвратились...

ГАЙДАР-ГОЛИКОВА Евгения Аркадиевна по окончании Института иностранных языков вышла замуж за ныне известного учёного, академика Мельникова. Гордясь предками, не сменила девичью фамилию. Воспитала сына и дочь, известных в Москве модельеров. Была у мужа секретарём, переводчиком, редактором. Автор славной книги «Едет папа на войну за Советскую страну», название коей дал невольно отец. Уходя на фронт, вручил своей любимице том сказок с заветной надписью: «Едет папа на войну за Советскую страну... Женя книжку прочитает и о папе помечтает. Он в далёкой стороне бьёт фашистов на войне!»

*Незабвенной памяти отца –
Аркадия Петровича Гайдара*

ЗАДУМАЛ Я ВЕЩЬ СОВСЕМ НОВУЮ

Рассказ

– Лю-ди-и! Ми-ро-вой по-топ!

Все ушли по делам, а из людей осталась я одна. Выбежала в коридор и увидела совсем мокрого, но довольного папу, который потрясал снятыми сапогами.

– Женька! Долой римские сандалии! Знаешь, в каком водовороте кипит жизнь в нашем переулке?! А ну за мной!

Я охотно скинула свои почему-то римские сандалии и босая побежала за папой.

– Ой-ей-ей! И, правда, мировецки!

Вода бурлила и стремглав неслась по нашему переулку вниз к Чкаловской улице. А вместе с ней с шумом и криком мчались босоногие девчонки и мальчишки. Из подворотен вместе с пенистой волной выплывали все новые ребята. Держа обувь над головой, закатив брюки, подобрав подолы платьев, взрослые пытались устоять в потоке. А мальчишки, наоборот, с удовольствием окунались в него.

Да-а! такого «мирового потопа» наш переулок ещё не видел после дождя... В стороне, по колено в воде, стоял маленький худенький мальчик. Его почти сносило, но он мужественно сопротивлялся, прижимая к груди сделанный из газеты кораблик. Мальчик недоверчиво смотрел на ребят, не решаясь выпустить его из рук.

– Папа, смотри какой храбрый малыш!

– Правда, Женя! Храбрый малыш. Только вид у него что-то грустный. Быть может, стряслась беда с человеком?

– Какая ещё беда?! – засмеялась я.

Вдруг мальчик смело опустил кораблик на воду. Поток подхватил его и очень быстро унёс на Чкаловскую улицу. И, наверное, оттого, что так быстро умчался его бумажный кораблик, мальчик совсем опечалился. Но Аркадий Петрович уже стоял возле него и говорил:

– Чудной кораблик. Ты сам сделал? А в какие страны повёл его храбрый капитан?

– Это сторожевой корабль, – тихо сказал мальчик. – А поплыл он к моему папке на подмогу. – И, помолчав, добавил: – До самой границы государства...

– Ти-мур! – слышался за спиной старческий, дребезжащий голос. – А ну-ка домой!

И Тимур, печально опустив голову, с трудом передвигая ноги в воде, пошёл к старику, стоявшему в дверях подъезда.

– Нельзя тебе, внучок... И хотя не знали, до какой границы поплыл его сторожевой корабль и почему он отправил его к отцу на подмогу, о веселье мы сразу забыли.

Дома нас уже поджидала мама. Собралась было отругать, что ходим босые, а увидела наши грустные лица – передумала.

Несколько дней мы не встречали Тимура. А потом Аркадий Петрович наткнулся на его дедушку. Сидел он на ступеньке перед входной дверью в высоких шерстяных носках, калошах. Сидел и медленно покачивал головой. Вид у него был совсем невесёлый.

Подсел к нему Аркадий Петрович, спросил:

– Не заболел ли ты, отец?

– Не заболел, сынок, – печально отозвался старик. – Внучок заболел. Не углядели со старухой. И родители далече...

Аркадий Петрович скрутил козью ножку, насыпал в неё «Золотое руно» и передал старику, у которого, по всему виду, лежал на сердце камень.

– Прожил я на свете не так уж мало, – сказал Аркадий Петрович, набивая табаком свою трубку. – И повидать успел кое-что. А ты, отец, и того больше. Но вот детей видеть грустными не научился. Что Тимур твой невесёлый?

Старик затаился сладким дымком и в свою очередь сказал:

– Горе у нас, сынок, оттого и невесёлый. Старуха еле ноги передвигает, из рук всё валится. Внуку блюдец с якорями вчера разбила. А сегодня и того хуже – его же чашку с парусником хлопнула. Любил он её, чашку-то. Папка ему подарил, старик помолчал, как бы собираясь с духом. – Вот какое горе, сынок. Зять мой на морской границе служит и в схватке с диверсантами тяжелое ранение получил... Поехала дочка к нему, а скоро ли обернется, и не загадываем. Тимурчику сказали – папке гостинец повезла. А он как что-то чувствует. Не смотря, что дитя.

– Ничего, отец! Организм у зятя твоего молодой, всё вынесет. По себе знаю. Да и мир не без добрых людей.

Он закричал и с трудом стал подниматься.

– А что же с Тимуром? – спросил Аркадий Петрович, помогая старику.

– Воспаление лёгких... Беда, она в одиночку не ходит.

Проводил его Аркадий Петрович до квартиры. А квартира-то оказалась под лестницей, без окна. Попросил Аркадий Петрович разрешения навестить Тимура – с тем и расстались.

Обо всём этом папа рассказал нам за ужином. Посмотрела я на свою чашку с блюдцем, на которых «танцевали» три беспечных поросёнка, и очень мне захотелось сделать Тимурчику что-нибудь хорошее. Например, подарить свою посуду.

– Мама, я знаю, что дареное не дарят. Только Тимурчик даже не догадается, что посуда моя. Она совсем как новая, – и с мольбою в глазах посмотрела на свою няню. – Правда, Наташ?

Наташа как будто ждала, что её спросят.

– Правда, правда, добрая душа! Ты всё готова унести из дому, как Аркадий Петрович...

Папа улыбнулся, взял мою руку и сильно сжал.

– Молодец, Женюрка! Знал, что тебе захочется сделать что-то хорошее. Мы купим морской сервиз, – и вздохнул. – Не понял меня старик. Обиделся. А помочь ему и Тимурчику надо. Потому что знаю, как ждут наши воины писем из дому и как становится у них на душе спокойно, когда узнают, что в семье всё ладно.

Долго мы потом обсуждали, как будем от чистого сердца помогать семье моряка-пограничника. Спорили. Мама вдруг решительно заявила:

– Помощники должны набираться сил! Завтра договорите. А сейчас спать! – И развела руками. – А нас с Натальей возьмёте в свою команду? Может быть, и мы на что сгодимся? Что молчите? Кто у нас главный?

– Кто главный? Конечно, папа. Ведь он всё придумал – значит, он и главный. Пап, возьмём?

– Отчего не взять! Люди добрые, работающие. Вот только Наталье Никитишне придётся подтянуться – ворчит много.

Хлопотливым было следующее утро. В поисках нужного нам морского сервиза обошли многие магазины. И, наконец, купили то, что хотели. Вернулись к обеду домой все усталые. Разложили свои покупки и, как купцы, начали хвастаться. Мама, по-хозяйски всё рассмотрев, авторитетно заявила:

– Молодцы! Тимур, конечно, будет рад. Но важнее для него другое. Есть у нас соки – вот они-то ему сейчас весьма кстати.

После обеда мы постучали в дверь наших соседей.

– Входите, отворено! – услышали знакомый голос старика.

Папке пришлось пригнуться, чтобы войти в комнату. За ним неслышно прошмыгнула я и тут же, возле двери остановилась: идти дальше было некуда. Кроме кровати в комнате находился стол и маленький сундучок, на котором лежал Тимур. Лежал с закрытыми глазами, красный и тяжело дышал. Возле него, сгорбившись, стояла бабушка – прикладывала к голове внука мокрую тряпку.

– Это я, отец! День добрый! Как Тимур? – тихо спросил Аркадий Петрович и выложил на стол наши подарки.

– Спасибо, сынок. Дай вам Бог здоровья за вашу доброту, – старик приложил ладонь к груди, слегка поклонился. И, поведя головой в сторону внука, сказал: – Тяжело ему...

Бабушка тоже раскланялась с нами. А потом, сполоснув тряпку в тазу, снова приложила к горячему лбу Тимура.

Спрашивать, был ли врач, Аркадий Петрович не стал – на столе лежали рецепты лекарств. Он прочитал их и предложил:

– Мы ходим в аптеку, отец.

– Сходи, сынок! – обрадовался тот. – Совсем от горя ноги мои не ходят. – И полез в карман за деньгами.

Аркадий Петрович его остановил:

– Не надо, отец, потом отдашь.

Мы тихо вышли из комнаты. Я прежде думала, Тимурчик увидит нас, обрадуется и, может быть, станет ему сразу лучше оттого, что есть у него друзья. Но этого не произошло, и я спросила:

– Пап, правда жалко, что Тимурчик даже не знает, что мы к нему приходили?

– Жалко! Но разве в этом дело? Главное, чтобы мальчуган поправился.

А поправлялся Тимур медленно. Ел неохотно, и не было у него такого, чего бы ему хотелось больше всего на свете. И, конечно, мама с Наташей по особым рецептам готовили для Тимура блюда. У меня от этих запахов слюнки текли, а он ел.

– Хватит мучить ребёнка! И хватит самим переживать! – вдруг решительно, как всегда, заявила мама. Надо его на свежий воздух выводить. Есть начнёт – только подавай!

И, правда. После прогулок Тимур стало лучше, «проклюнулся» аппетит.

С тихоокеанской границы домой к нему приходили письма. Старики читали плохо и поэтому просили Аркадия Петровича. Гента, мама Тимура, писала, что мужу лучше, разрешили встать, а когда командование отпустит его в отпуск, приедут и заберут их всех под Казань. Они очень скучали по сыну, волновались за здоровье стариков. Просили потерпеть ещё немного.

О том, что болен, они не знали. И хорошо, наверное. Волнений у них и без того хватало.

Лето кончалось. Кончалась и моя беззаботная жизнь. Первого сентября я шла в первый класс. Учебники, стопка тетрадей, ручки, карандаши, пенал, ластик – всё заботливо приготовлено родителями к школе. Оставалось купить только портфель.

Иногда я сама читала Тимурчику книги о морях. Однажды, застав нас за этим занятием, Аркадий Петрович сказал, что читаю я хорошо, и стыдно за меня не будет.

А папа всё чаще «уходил в себя». Это значило, что думает он о какой-то новой работе.

Сели мы как-то пить чай, а Аркадий Петрович спрашивает:

– Как вы думаете, нужна была наша помощь старикам Тимура?

Мы, конечно, в один голос:

– Ещё бы!..

Аркадий Петрович, пригубив чашку, продолжал:

– А спросил я вас об этом вот почему. Захотелось мне рассказать ребятам, как нужна их помощь взрослым. Особенно тем, у кого мужа да сыновья в армии и на флоте. Но рассказать так, чтобы поняли, чем они могут быть полезны людям.

– Как ловко-то придумали, Аркадий Петрович! Конечно, что им без толку под ногами путаться или глупостями всякими заниматься. Вот Женька! Пока Тимур болел – она была при деле, без замечаний-то жила, сделала вывод довольная Наташа.

– Да, книга такая нужна! – поддержала мама. – Очень необходима... Значит, собирать чемодан, – заключила она, зная, что работать в городе Аркадий Петрович не любил.

Я тут же вскочила, взяла из стопки тетрадь, приготовленную к школе, и подошла к папе.

– Возьми мою тетрадь. И пиши, пжалуста, интересно. Хорошо?

– Постараюсь! Только эту тетрадь мы купили для школы.

– Ну и что? У меня их много, а когда кончатся – ещё купим.

Чемодан собрали. Но уехал Аркадий Петрович в Дом творчества только второго сентября, потому что очень ему хотелось проводить меня в первый раз в школу... В день отъезда он почему-то нервничал, волновался. Мама никак не могла под него «подстроиться», всё у неё получалось не так, как хотелось папе.

После проводов на вокзале мы очень переживали с мамой за папу, но его письмо вскоре нас успокоило.

«Здравствуй, Дорик!

Третий день сижу и работаю. Не написал ещё ни одной строчки, но испортил и разрисовал почти всю Женькину тетрадь. На этот раз я работаю несколько иначе, чем всегда. Я сижу, обдумываю заранее сюжеты, положения, события. Все пока туманно, но за этим туманом уже слышится и звон, и крик, и неясная музыка.

Дорочка! Мне думается, что если я сейчас справлюсь с этой работой – это будет большая победа. К тому времени, как мне вернуться, я думаю, план вещи будет готов. Тогда я сяду за самую работу и опять буду из плана вычеркивать пройденные главы вот такими кругами. На этот раз будет труднее, потому что ЗАДУМАЛ Я ВЕЩЬ СОВСЕМ НОВУЮ, и во что бы то ни стало, должен буду быстро, в 20–25 дней, эту работу окончить. Пусть даже не окончить, но этот срок я должен вырвать для работы. Тогда будет хорошо. Тогда я смогу уделить и тебе больше внимания. И только тогда, на некоторое время, я буду ровен, спокоен. И мы заживем с тобой, как ещё никогда не жили – весело. Думай только о том, как хорошо будет, если я работу окончу. Приеду – расскажу тебе важные и хорошие для меня новости. Я когда уезжал, был взволнован и сердит и с тобой говорить не мог, потому что у меня в голове одно, а ты все гнула невпопад и не в ту сторону. После этой работы на мне не будет, по-видимому, висеть ничего, потому что я получу, очевидно, очень важное и большое задание с большим сроком. Но пока у меня очень и очень голова занята, и ты не сердись, что я суховат и раздражителен. Это все пройдет. Ну, пока всё! Крепко тебя целую. Ученую девицу Евгению тоже. Как-то идет у неё учеба, у этой курносой задавалочки?..»

Аркадий Петрович вернулся в начале октября. Приехал он раньше, чем думал, но все намеченное сделал.

После обеда папа долго разговаривал с мамой, что-то показывал ей и, судя по всему, настроение было хорошее. Потом мама надела новое платье, которое папе очень понравилось, и, предупредив Наташу, чтобы я вовремя легла спать, не «засиживалась», ушли в гости.

Засиживаться я не собиралась. Ведь утром мне идти в школу. Подошла к письменному столу, взяла свой букварь и увидела папину рукопись. Любопытная я, наверное, не больше, чем все, но посмотреть, как папа «испортил и разрисовал всю мою тетрадь», очень захоте-

лось. К сожалению, никаких рисунков там не оказалось, а читать его «закорюки» я ещё не научилась. И вот сверху, на одном из листов, было крупно и понятно написано:

ДУНКАН И ЕГО КОМАНДА

Ин-те-рес-но-о-о! Дун-кан?! Кто это?

Пришлось дожидаться утра.

– Дункан? – переспросил меня папа за завтраком. – Это очень хороший человек!

– Он старый, как ты? – допытывалась я.

– А я разве старый? Потом, когда едят, вопросы не задают, – засмеялся он.

Я быстро выпила чай с бутербродом и убежденно заметила:

– Конечно! Какой же ты молодой, если уже воевал, тебя ранили, а теперь ужас как давно, пишешь книги!

Папа как-то странно улыбнулся и, мне даже показалось, чуточку расстроился.

– Нет, папка, ты не совсем старый! Поспешила успокоить я его. – Только чуть-чуть! Честное слово! Значит, Дункан тоже... чуть-чуть?

– Чуть-чуть старше тебя. А ты у нас совсем молодая!

– Тогда какой же это «хороший человек»? Просто хороший мальчик!

– Пускай будет просто хороший мальчик, – согласился папа.

– Но этот мальчик собрал вокруг себя таких же, хороших ребят, и они объявили войну всему, что мешает жить мирно и спокойно.

– А как же он их собрал? – удивилась я, сгорая от любопытства. Времени для расспросов у меня уже совсем не осталось.

– Когда люди делают что-то хорошее и нужное – к ним всегда тянутся другие. А вот ЧТО они делали, я расскажу, когда вернешься ты из школы и не получишь ни одной плохой отметки. Потому что плохишкам я никогда и ничего не рассказываю. Понятно?

– Понятно-то понятно! Только отметки ставлю не я. А что поставит мне Надежда Львовна – я не знаю... Но постараюсь.

По дороге в школу Дункан не выходил из моей головы. Но на уроках Надежда Львовна так много рассказывала нам интересного, что я и думать о нем забыла. И, наверное, получила бы хорошую и даже отличную отметку, если бы учительница хоть раз обратила внимание, как высоко я поднимаю руку. Но она почему-то не замечала.

Школа, в которой я училась, стояла напротив нашего двора. И как только прозвенел звонок с последнего урока, стремглав побежала домой.

Спешила как сумасшедшая, а папы дома не оказалось.

– Ему только и дел, что тебя дожидаться! – с иронией в голосе заметила Наташа, усаживая меня обедать. – С утра ушли. По делам. На какую-то фабрику?.. на киношную, что ли?.. На вечер вареники с капустой заказали. Стало быть, не вертись! Ешь! И за уроки! Так велели... И не кривись!

Всё-таки странная эта вещь – время! Когда не надо – оно бежит, как ошпаренное, когда чего-то ждешь, не дождёшься – плетётся себе «нога за ногу». И погулять я успела, и уроки сделала, и даже поужинала, а папы всё нет и нет...

Я уже собралась лечь спать, как дверь в комнату открылась, и вошёл Аркадий Петрович.

– Ну как дела у нашей уважаемой и высокообразованной Евгении?

– Хорошие дела! – отвечаю бодрым голосом, чтобы папа не догадался, как я устала его ждать. – Отметок совсем нет! Ни хороших, ни плохих.

– Как же решила, что дела хорошие, если нет ни плохих, ни хороших отметок? – Хитро посмотрел на меня папа.

– Конечно, хорошие!

– Ты говоришь хорошие, а если бы тебе поставили «плохо» – значит, и дела были бы плохие? Что-то неясно...

– Ясно, ясно! Ведь я могла получить и «отлично»? Хитрый ты, папка! Выходит, ты мне не расскажешь?

– Расскажу! – сдался Аркадий Петрович. – Только совсем немного, а то, потом, неинтересно будет.

И рассказал мне папа, как в один дачный посёлок приехал погостить к дяде племянник. Звали его Дункан.

– А почему его так странно звали? Почему не Петя, Федя или Коля какой-нибудь?

– А тебе не кажется, что необычное имя всегда загадочно и таинственно? Так случится, что одна девочка окажется в чужом доме и найдёт она там записку, а в той записке будет написано: «Девочка, никого не бойся. Федя». Ну, и что? Кто такой Федя, она всё равно бы не знала, но что это просто мальчик – догадалась бы сразу.

– Дункан лучше! – согласилась я. – Очень красиво! И ни одного нашего мальчишку так не зовут. И, наверное, вообще такое имя одно на всей нашей земле.

– Ну, так уж и на всей! – засмеялся Аркадий Петрович. – Может быть, только на нашей? А вот про такого мальчишку, который бы команду собрал и начал бы помогать семьям военнослужащих, да и вообще всем, кто в их помощи нуждается, я ещё не слышал.

– И я не слышала. А девочки в этой команде будут?

– Будут. И с одной из них Дункан крепко подружится. И окажется он другом настоящим, потому что поможет ей в самый трудный момент. А для этого ему придётся ослушаться дядю.

– И он ослушался?

– Ослушался! Но поступить иначе не мог.

– А как эту девочку звали? Ты уже придумал?

– А что придумывать... Эта девочка мне тоже нравится, хотя и кажется она своей старшей сестре взбалмошной. Но такой у неё был характер. И по-моему, совсем неплохой. Такой же характер был ещё у одного человека.

– У кого?

– У полковника Александрова.

– А кто такой это, Александров?

– Отец этой девочки.... Вот и не стал я долго раздумывать. Назвал её, как и тебя, – Женя. Потому что человек-то ты, как мне кажется, тоже не плохой.

– Конечно, не плохой! – обрадовалась я. – Значит, и у меня такой же характер!

Всё, что папа мне рассказывал, было очень интересно. Только оказалось, что это вовсе и не книга ...а сценарий. И когда он его напишет, по нему сделают фильм. Такого я не ожидала. И, конечно, обо всём поведала учительнице Надежде Львовне и одноклассникам.

Работать над сценарием Аркадий Петрович уехал в Клин. А когда приезжал домой в Москву и читал написанное, мы слушали его с затаенным дыханием.

И вот сценарий готов. Но случилось то, чего Аркадий Петрович совсем не ожидал. Когда подобрали на все роли ребят, взрослых артистов, к ним пришли писатели Фраерман и Паустовский. Конечно, Аркадий Петрович прочитал им сценарий. Те о чём-то посоветовались, и вдруг Паустовский сказал:

– Всё хорошо, Аркадий. Даже отлично! Но герой? Почему ты назвал его таким именем?

Ой! Даже я знала, что ДРУГИМ НЕЛЬЗЯ! Он же самый главный в команде – значит, должен называться ДУНКАН!

Они продолжали о чём-то спорить, и я услышала только конец фразы:

– ...ты прости, но как-то невольно хочется сказать айси-Дора.

Я не знала, что это за «айси-Дора». Дора – знала. Так звали мою маму. А кто такая «айси-Дора» не понимала. А не собираются ли они Женю назвать по-другому?

Разговаривали они долго. Ещё дольше пили чай. А мне не терпелось узнать, что это они такое надумали? Когда гости стали прощаться, дядя Костопа, так папа звал Паустовского, сказал:

– Ты, Аркадий, подумай! Хорошо?

А Фраерман добавил:

– Мы понимаем, что от этого трудно отказаться. Но думай. И мы подумаем.

Как только дверь за ними закрылась, я, видя, как папа расстроен, с ходу предложила:

– Можно я тоже подумаю? Только я не знаю, о чём. А?

– Понимаешь, какая история, Женька! Предлагают мне Дункана назвать по-другому. А я уже привык к этому доброму и честному парню. И не могу я его наречь другим именем. Дункан он для меня – и все тут!

Настроение у Аркадия Петровича испортилось. И надолго...

Пора было начинать съемки фильма, всё было готово, но... но имени Аркадий Петрович так и не придумал. Не помогли ему и Паустовский с Фраерманом.

И вот однажды вечером, когда папа сидел за письменным столом, а я, уютно устроившись на диване, читала книжку, в комнату вошёл Тимурчик со свёртком, прижатым к груди, а следом за ним подтянутый человек в морской форме.

– Разрешите, Аркадий Петрович?

На флотском кителе блестел орден, рука покоилась на чёрной перевязи. Тимурчик рядом с ним светился, как глазированный пряник.

– Да-да, пожалуйста, товарищ моряк-пограничник, – папа выдвинулся из-за стола, крепко пожал его здоровую руку, провёл ладонью по вихрам Тимура и сказал: – Рад видеть отца с сыном в полном здравии.

Тимур неожиданно смело подошёл ко мне и протянул газетный куль.

– Это тебе, Женька...

Я как-то ступевалась в тот момент, что даже забыла сказать спасибо. Всё настолько было неожиданно и необычно, что не сразу уловила смысл того, что происходило в комнате. Но постепенно, вслушиваясь в баритонистый голос отца Тимура, обрела себя.

– ...вы так помогли моей семье, что не знаю, как вас благодарить.

– Ну, уж нет, – возразил папа. – Это мы перед вами в неоплатном долгу. Вы, моряки-пограничники, защищаете наш главный государственный рубеж, не щадите своих жизней, а наше дело своё – крепить тыл, чтобы за родных и близких вы были спокойны.

Они ещё долго разговаривали о делах на государственной границе, о событиях, происходящих в мире, а мы с Тимурчиком вовсю резвились.

Потом мама пригласила всех к столу, и мы пили чай с конфетами, со сдобными ватрушками, подаренными Тимурчиком и его отцом. И было так весело и уютно во время чаепития, что когда гости распрощались и ушли к себе домой, в комнате ещё какое-то время ощущалась пустота.

И тут папа, какой-то весь задумчивый, сказал:

– Ну что ж, раз постановщикам фильма не нравится имя Дункан, назову-ка я его в честь сынишки моряка-пограничника, орденосца – Тимуром. Вы как на это смотрите?

Мы с мамой находились под таким сильным впечатлением от недавних гостей, что идея папы нам показалась очень интересной, и поддержали её в два голоса.

Утром Аркадий Петрович поехал на киностудию и предложил новое имя героя картины.

– Значит, Тимуром решил его наречь? – переспросил режиссёр фильма. И как бы вслушиваясь в тембр собственного голоса, несколько раз повторил: Тимур, Тимур.... По моему, звучит!

Вот так Тимур и стал не только героем фильма, но и повести, которая вскоре была написана по мотивам сценария.

БОРИСОВА Екатерина Степановна родилась на Урале. Печаталась в журналах «Урал», «Уральский следопыт», в поэтическом сборнике «Прикосновение». В 1995 году выпустила книгу стихов «Праздник на двоих». С 2004 года живёт и работает в Анапе. Публикуется в журналах «Высокий берег», в альманахе «Парус». Директор логопедического центра «Успешная личность». На её стихи написаны жанровые песни мужем и соратником, Валерием Борисовым, получившие добрый отзыв у слушателей. Член Союза писателей г.-к. Анапа.

БОГДАШКИНЫ ФИШКИ

Фишка первая. Сказки-ласки

Как-то, ещё во времена советские, журнал «Здоровье» опубликовал исследования отечественных учёных. По их утверждению, интеллект будущего ребёнка во многом зависит от раннего, на стадии внутриутробного его общения с отцом! А вот иммунитет, способность организма противостоять всякого рода заболеваниям, зависит от качества молока, материнского молока! Роженица, как бы ей не было обидно, главным образом создаёт и укрепляет только... тело. А вот голос отца (и даже деда, и даже брата, и даже записанные ими на магнитофон звуки родного мужского голоса) ежедневно и постоянно оказывают влияние на плод в утробе матери на всём протяжении срока его вынашивания ребёнка. Создают интеллектуальную основу успешной личности.

Словом, ласковые звуковые вибрации мужского голоса во время общения с роженицей способствуют подъёму порога психического и умственного развития ребёнка. Плод у матери-одиночки, не дополучивший «сказки-ласки» от мужского голоса, рождается и развивается, живёт интеллектуально, да и физически ослабленным...

В ту пору в нашей семье подрастало трое детей. И оставалось только сожалеть, что упустили время для проведения эксперимента. Да и чего греха таить, в домашнем быту не принято было ежедневно поглаживать животик роженицы, приютивший очередного «ангелочка». Однако прочитанные опыты «сказки-ласки» и потрясающие выводы учёных отложились в нашей памяти... И вот когда младший сын со снохой объявили, что они ждут ребёнка, я на семейном совете, как бы ненароком, рассказала об удивительном открытии деятелей науки. Сын, зять и будущий дед тотчас поручились, что «сказки-ласки» обеспечат с лихвой! Да и сноха, посмеявшись над такой научной «шуткой», согласилась.

О, как же наши мужчины старались! Они не только стремились как можно чаще погладить подрастающий животик будущей мамы, но и высказать слова любви... Даже под гитару ему песни пели...

И вот пришла долгожданная пора: появление на свет младенца-первенца. 29 мая, в День пограничника, врачи сообщили: здоровый, хороший мальчик! На радостях родители дали ему имя необычное Богдан, а мы назвали попросту Богдашка.

1 июня, как известно, День защиты детей. А накануне праздника в родильный дом решил нагрянуть сам глава города-курорта Анапа Анатолий Пахомов. Да не с пустыми руками, а с призами-подарками.

Наша невестка, конечно, забеспокоилась. Срочно по телефону попросила отца нового семейства к утру принести новорожденному сыночку красивую распашонку и ползунки, пеленки. Молодой папа переусердствовал: привёз детский костюмчик на годовалого ребёнка. Мама схватилась руками за голову, но не растерялась. Засучила рукава свитерочка, подвернула правую и левую брючины, словом, придела сына, как могла.

А тут на пороге высокая делегация в белых халатах. Стали от души поздравлять рожениц с праздником. И вдруг мэр, взглянув на нашего младенца с приподнятой головой, да еще в необычной одежке, спросил:

– А это что за богатырь у вас? Сколько ему деньков?

– Моему сыночку сегодня один день исполнился, – ответила мама.

– Агууууу! – вдруг подтвердила кроха.

На лице мэра появилась удивлённая улыбка. Он приветливо кивнул и сказал:

– Вот это чудо! Вот так молодец!.. Примите мои добрые поздравления и главный приз-подарок...

Молодая мама тут же с радостью сообщила нам об этом главном призе-подарке главы города. И мы все вдруг поняли: эксперимент «сказки-ласки» завершился успешно!

Фишка вторая. «Давай, концентрируйся!»

Когда малышу исполнилось полгода, мы купили ему в подарок большую синюю плюшевую машинку-креслице. На красном руле – разноцветные кнопки-пуговики. Надавишь пальчиком – загорятся огоньки, звучат песенки из мультиков.

Однако долго сидеть на машинке, не смотря на весёлые огоньки и песенки, внуку не нравилось. Он больше предпочитал живое общение. Увидев меня или дедулю, тут же тянул ручонки, просясь на колени.

И когда он удобно усаживался у меня на коленях, я начинала с ним играть в «прыг-скок!».

Любой родитель, тем более педагог должен знать, чем быстрее у ребёнка появятся точные ощущения временно-пространственной ориентации или кинетики, тем быстрее определится ведущее полушарие мозга. Всему миру в своё время великий отечественный учёный Лев Семёнович Выгодский доказал, что только на ведущем полушарии мозга формируется Познавательная деятельность, так называемый Учебный очаг. Этот Учебный очаг состоит из пяти структур: Кинетика. Моторика. Оптика. Акустика. И завершающая структура – Логоритмика.

Фактически, все люди – дети пятилетнего возраста, изменённые временем и пространством. И если к пяти годам Познавательная деятельность, её Учебный очаг не сформируется на пять–шесть баллов в системе: Анализ – ощущение, Обобщение – сравнение, Синтез – применение, то личность никогда не будет успешной! Ибо включается нейропсихологический сигнал остановки развития интеллекта на низко достигнутом уровне из-за социально-педагогической невостребованности!

Грустно, когда из-за неграмотной подготовки к школе и к жизни формируются, порой искусственно, так называемые дети-Маугли! У таких особей возникает в мозгу ответный, агрессивно-ассоциативный сигнал: Все силы организма направить на... раннее животное либидо и прочие прелести самоуничтожения. Природа пустоты не терпит! Природа мстит за пустоту! И только в каждом четвёртом поколении возрастает шанс талантливого возрождения рода... Однако, в утешение нам, тот же Л.С. Выгодский обосновал три периода помощи и спасения интеллекта: дошкольный, подростковый и период «Ильи Муромца». Именно эти периоды, благодаря педагогическо-коррекционной и социально-родительской поддержке, можно преодолеть пагубный сигнал и восстановить, в какой-то мере, успешность личности. И поэтому возникает вопрос о Государственной ответственности по подготовке детей к школе и к жизни... Давно назрела необходимость педагогической приемственности в развитии интеллекта и талантливости: *детсад – школа – вуз*.

И согласитесь, не лучше ли нам всё делать своевременно? Не лучше ли нам принять за норму развитие личности как внутриутробной, так и с первых месяцев жизни?..

И вот, посадив внука на колени, играю с ним в «прыг-скок», развивая Кинетику или, попросту говоря, координацию движений:

– Прыг-скок! Прыг-скок! Вправо-влево! Вверх-Вниз! Прыг-скок! Прыг-скок! Быстро прыгает внучок... в ямку – бух!

Приподняв тельце вверх, стремительно опускаю его пониже, между коленей. В ответ малыш издаёт своеобразные гудящие звуки. Но, когда летит «в ямку – бух», сразу начинает слёзно всхлипывать. А я его наставляю:

– Зря хнычешь, дружок. Давай концентрируйся!

Сердобольный дедуля искоса поглядывал на нас. Молчал-молчал и вдруг возмутился:

– Знаешь ли, педагог!.. Что ты за него взялась? Не рановато ли указы такие: «Давай, концентрируйся!»...

Как можно спокойнее отвечаю ему:

– Рановато, говоришь? Да как бы поздновато не было. Эти новые детки, ещё поболее нас с тобой всё понимают. В момент заучивают!

И я с полной невозмутимостью продолжила игру с внуком.

День-другой спустя мой упорный труд вознаграждался сторицею. Как только в очередной раз вскрикнула: «в ямку – бух!», он изо всех силёнок вобрал голову в плечи, и... сделал подскок вверх!

Я засмеялась и сказала мужу:

– А ты говорил, он не понимает, много требую от него... Смотри, как смешно опять пыжится, сконцентрируется к прыжку, словно зайка-попрыгайка!

Фишка третья. Воздушные поцелуйчики

Мальчик наш развивался и рос, как говорится, не по дням, а по часам. Ползать не любил. Уже в полгода стремился ходить на четвереньках. И родители быстренько приобрели для него ходунки-качели. Чтоб, дескать, не шлёпался на пол, при попытках встать в полный рост.

Когда же в проёме дверей подвесили эти ходунки-качели, ребёнок пришёл в восторг. Каких только кренделей не выписывал, танцуя под музыку... Даже подпевал, выводя в такт незамысловатые рулады.

Результат не замедлил сказаться: в восемь месяцев своей жизни малыш самостоятельно и уверенно стал ходить.

И только три ступеньки, которые вели в комнату его престарелой прабабушки Лидии, преодолевал с трудом, старательно пыхтя, на четвереньках. Толкнув ручонками дверь, бегом нёсся к телевизору. Интуитивно нажимая нужные кнопки, на всю громкость включал музыку! И в такт, забавно приплясывая, подпрыгивал и крутился вправо-влево, посылая удивлённой бабуле воздушные поцелуйчики ладошками.

– У, варнак! Вот уж, ухо с глазом! Опять явился... да тише сделай, музыку-то. Тише, у меня голова с вечеру болит, – притворно ворчала прабабушка, тайно любуясь танцевальными «па» правнука.

Фишка четвёртая. Плюшевый Филя

Больше всего роднулька любил плюшевых зверушек.

Первым и самым необходимым во всех жизненных ситуациях оказался серенький, тощенький плюшевой пёс Филя. Благодаря ему, проблем со сном у ребёнка не было. Сначала малыш укладывал спать Филю, потом, мирно приобняв его обеими ручонками, в обнимку засыпал сам. Но если кому-нибудь из взрослых приходило желание забрать Филю из его рук, малыш тотчас просыпался. И тогда держись: рёв был грандиозный! Нигде и никогда он не оставлял и не забывал плюшевого друга.

Однажды, этого грязнулю Филю мы решили искупать... в стиральной машине. К тому же в присутствии его хозяина. Малыш поднял такой кипень, что пришлось немедленно выключать «стиралку». Быстренько прополоскав игрушку, пристегнули за шкурку прищепками к бельевой верёвке сушиться во дворе, под солнышком. Если б вы видели, как безутешно и долго мальчик рыдал возле подвешенного на просушку Филёныша.

Заполучив, наконец, недосушенного под солнышком плюшевого пса, роднуля просиял счастьем. Другу Филе малыш не изменял никогда. Более того, в свои полтора года, гулять по городу без Филя не соглашался. Обязательно с собой брал плюшевого пса.

И вот в свои малые года этот «стратег» решил задействовать Филю в своём «бизнес-плане»! А получалось это так. Ребёнок уже уверенно бегал ножками, впереди всей семьи. Издалека, заприметив девчужку, реже маленького паренька с яркой игрушкой в руке, бегом устремлялся к «компаньону», протягивая одной рукой Филю, другой рукой

выпрашивая чужую игрушку, как бы намекая на достойный «обмен». И как только доверчивый малыш выпускал из рук свою игрушку, чтобы принять Филю, тут и наступала радость «бизнес-победы»! Забрав игрушку и не отдав Филю, юный гастролёр кидался в бега с захваченной добычей. Родители, догнав «добытчика», пытались немедленно вернуть чужую игрушку. Тогда гастролёр пускался в такой рёв, что сердобольные отдыхающие нашего города-курорта начинали уговаривать своих деток подарить малышу игрушку. «Да мы тебе сейчас другую купим... Смотри какой забавный Ляля, да пусть он возьмёт в подарок твою игрушку...»

И так происходило не раз, не два, хоть на улицу с этим «Лялей» не выходи.

И всё же родители догадались, как прекратить брать этого ободранного Филю с собой, уговаривая правдами и не правдами: «Сейчас немного погуляем и обязательно за Филей вернёмся. Бедный пёс, он так плохо выглядит, пусть чуток отдохнёт в тишине спальни...»

И надо сказать, родительская хитрость удалась. Без Фили устраивать подобные бизнес-трюки наш малыш больше не решался. А у меня до сей поры неразгаданный вопрос? Как и откуда в этой малюсенькой голове проявился главный Закон успешного бизнеса: прежде чем взять, надо дать!

Ибо не оскудевает рука дающего!

Фишка пятая. Встреча с негром

Летом малышу исполнилось уже два с лишним года. Ранним вечером, перед сном пошли всей семьёй прогуляться по городу. Ребёнок, как всегда забегал вперёд, присаживался передохнуть на скамеечку или на парапет, дожидаясь нас. И снова бежал вперёд, подпрыгивая и что-то напевая. В очередной раз присел на парапет, прямо напротив магазина «Магнит». И тут из магазина выдвигается, выходит в майке и шортах...чёрнокожий человек, молодой и довольно симпатичный. Наш малыш взглянул на африканца и подскочил, как ужаленный. Громко хлопая себя ладошками то по голове, то по коленям, закричал: «Ой, как ему больно! Ой-еёй, как больнооо! Он же весь, весь сголел».

Негр опешил и залопотал: «Ноу, ноу... Гудбай, бэби!».

Но не тут-то было. Ребёнок продолжал плакать и причитать на всю улицу: «Ой-ёёй, как ему больно!». Чем утешить малыша!?

Неожиданно в моей голове всплыла... библейская история. И я ему сказала:

– Успокойся, внучок! Ему нисколечко не больно. Этот человек – просто чернокожий, он таким родился! Потому что у праотца Авраама было трое сыновей. Старший сын был послушным, помогал во всём и уважал отца. И все люди – его потомки, белолицые и белокожие, как ты. Средний сын был умён. И немного ленив. И не всегда послушен. Его потомки – желтолицые теперь. А младший вообще не любил слушаться, ни отца, ни кого другого. Ещё и грубил старшим. Теперь его потомки – чёрнолицые и чёрнокожие... Им и сейчас не больно!

Родненькая, вытирая слёзы, сказал мне:

– Я всегда буду слушаться сталших, потому что мне будет больно быть... обголенным!

Фишка шестая. Главный приз праздника!

У нас в семье принято праздники встречать в кафе или в небольшом ресторанчике вместе с детьми. И вот всей семьёй, с друзьями и, конечно же, с плюшевым Филей и его неразлучным хозяином, мы отправились в ресторанчик на берег моря отпраздновать День рожденья главы семьи. Приглашённый тамада, весельчак Денис, предложил конкурс:

– Кто выдаст самый лучший комплимент имениннику, тот будет победителем и получит главный приз праздника!

Народ мобилизовался. Говорили много, шумно, приятно и весело на темы: «хороший семьянин», «надёжный друг», «талантливый человек», «влюблённый музыкант»...

И вот тишина! Казалось, иссякли все комплименты, ждут решения тамады. Но не тут-то было. Вдруг привстаёт наш малыш и спрашивает:

– А теперь можно мне сказать?

Замечу, у нас в семье незыблемый закон поколений: «Когда старшие говорят – младшие молчат!». Если не понял и настырничает дитя, то марш в угол... Один, два, три... в угол! Стой и думай о своём поведении. Да не забудь извиниться, а то долгонько простоять можешь.

Сколько же мужества надо было внуку, чтобы решиться, попросить слова!?

– Говори, говори, малыш! – весело воскликнул тамада.

И малыш залопотал:

– Мой дедушка Валерушка – самый, самый счастливый! Его все любят!

– Однако! Молодец, малыш. Как думают гости, чей комплимент – лучший? – спросил тамада.

И гости единодушно решили вручить главный приз маленькому победителю.

Фишка седьмая. Кенгуру

Не прошло и полгода, у нас в семье снова праздник! Как написала в своё время моя любимая уральская поэтесса Эмилия Бояршинова: «Празднично живу, не праздно! Даже ночью – Свет в окне...»

Майский вечер, свет в окне, вся семья за праздничным ужином: у нашего малыша – День рожденья! Ему исполнилось целых три года. Звучат поздравленья имениннику, его родителям, дедуле и бабуле, крёстной маме... Стихи. Песни под гитару... Знаменитый «Каравай, кого любишь – выбирай!» А утром, самое приятное: внимательно рассматриваем с внуком подарки. Больше всех ему нравится подарок крестной мамы Анюты: «Чудо-книжка про животных»!

Чудо, потому что на каждой страничке прозрачное окошко. Листаешь страничку, а в окошке зверушки и птицы, как живые бегут, летят, крыльями машут. Именинник странички листает, чудом дивным любуется. Про каждую живность мне рассказывает:

– Это барашек. Он папа. А мама у них овечка. А детки-ягнята. Они травку любят кушать. И говорят: «Бе-бее!» А это петушок... Он говорит: «Ку-ка-ре-кууу». У них есть мама – курочка. Она говорит: «Ко-ко-ко!» У них ребятки – цыплятки.

И вдруг, округлив глазёнки, спрашивает:

– Бабулечка, а это кто?

– Это кенгуру, внучок. Тоже травку свежую любит. Главное отличие от других, смотри – сумочка есть, а в сумочке у кенгуру... её ребёнок.

И надо же было мне про ребёнка-кенгурёнка сказать!

– А где мой ребёнок? – насторожился малыш.

– Вот вырастешь большой, будет у тебя любимая девушка, вы – поженитесь, и будет тогда у тебя твой ребёнок, – спокойно объясняю ему такое простое и очевидное, на мой взгляд.

Мои дети о том, где у них ребёнок да ещё в таком, малышовом возрасте никогда не спрашивали. Но у детей нового, XXI века в голове что-то не так устроено. Не случайно их называют дети Индиго. Дети сильной, объёмной концентрации внимания. Дети необъяснимой глубины знаний. У них опережающая скорость мысли. Откуда что только и берётся?! Вот и этот трёхлетка тут же подскочил с кресла и давай перед моим носом указательным пальчиком вправо-влево вертеть:

– Я тебя, Бабулечка, не о том спрашиваю, когда я большой буду! Я тебя спрашиваю, скажи, пожалуйста, побыстрее, где СЕЙЧАС мой ребёнок!?

«Ну, всё! Попала...опять. Да что за дитё такое досталось?» – подумала я, ещё надеясь закончить миром это дело.

– Вот, понимаешь, внучок, прежде чем настырно чего-то добиваться, надо сначала в детский сад идти учиться, потом в школу, потом в институт... потом и знать всё будешь!

– Зачем ты мне всё это говоришь? Это потом будет... Ты мне скажи, покажи, где СЕЙЧАС мой ребёнок!!!

И куда тут делся весь мой жизненный опыт?! И померкли все медицинские и педагогические дипломы-сертификаты...

– Тааак!.. Иди быстро к деду. А то, он засел там, со своими песенками у компьютера и рад, а тут «вынь да положь»... Давай внучок беги скорей, сюрприз сейчас деду будет!

Малыш книжку под мышку и – пулей к деду. Слышу, стучится в кабинет:

– Дедушка Валерушка,пусти меня, пожааалуйста! Мне срочно знать надо, где СЕЙЧАС мой ребёнок!»

– Чтооо? Что такое?! Заходи, разбираться будем!

Слышу, малыш тараторит:

– Вот, смотри, это кенгуру, у неё есть сумочка, в сумочке – ребёнок... А мой где ребёнок, где он сейчас?

– Нашёл, о чём переживать! Ты же... не кенгуру!!! – отвечает дед.

– Ой, спасибо, дедушка! Спасибо, пушистик мой, ненаглядный! Ура-а-а! Я не кенгуру... А тогда кто я?

– Так, кончай эти глупости! Ты мальчик, ребёнок, наш внучок...

– Да помню, помню! Вы – мои корешки. Я – ваш цветочек! А папа с мамой – листочки мои, веточки... сладкие.

И начали мы дальше спокойно подарки разглядывать, приспосабливать...

И кто бы мог подумать, что вопрос с кенгуроу, в течение последующего года и далее, станет для всей семьи весьма беспокойным. Я бы сказала, творчески-экспериментальным в ответе: «Кто же – я?»

В конце февраля, когда внуку не было ещё четырех лет, он выдал свой первый стихосочинялку: «Всем, Всем защитникам, Всем до единого солдатам...» А через некоторое время выдумал ещё несколько стишков, в одном из коих так развернул мысль: « Вся семья, как деревцо! Кто я между ними?! Скажут мне одно словцо: Цветочек наш любимый».

Фишка восьмая. Полезное дело

В стране праздник – День пограничника. И у нас в семье праздник – День Рожденья внука. Парню исполнилось целых пять лет! Все дарят ему большие, маленькие подарки. А мы с дедулей ещё и два красивых, белых пластмассовых меча на батарейках: кнопку нажимаешь – мечи семицветьем радуги сияют, да ещё весёлую музыку воспроизводят!

Внучок несказанно рад!

– Спасибо, спасибо мои родненькие, любименькие... А почему два меча? – спрашивает этот хитрющий почемучка.

– Ты разве не знаешь почему? Своей радостью всегда делиться надо! С другом поделись и будет веселее?..

– Жииссь, – добавляет внучок.

– Вот именно, веселее жизнь! С другом вместе будете играть, сражаться, биться, говорит дедуля.

– Сражаться? Биться?! Вот уж нет! Бьются, когда война... А мы с другом защищать всех будем! – сказал Внучок. Взял подарки и бегом на улицу. Как хорошо, что у нас высокое крыльцо. Весь проулок виден.

Смотрю с крыльца: ребятня бегают, играет. Визжат, хохочут, строятся, маршируют. И девчонки с ними... Вот за гаражи забежали... Выглядывают из-за угла то один, то другой. Разведчиков изображают?

Прошло несколько часов. Уже вечерет. Снова выхожу на крыльцо, зову:

– Внучо-ок! Домой! Уже пора!

В ответ слышу:

– Не хочууу домой! Моожно я ещё поиграю?

Непослушание старшим в семье не приветствуется. Но и детскую инициативу, желанья ребёнка резко гасить нельзя – личность инфантильной вырастет. В таких случаях очень важен компромисс! То есть согласиться, уступить чуть-чуть и на свою сторону победу вывести.

– Ну, хорошо! Ещё полчаса поиграй и домой!

В ответ дружное:

– Ура-а!

Проходит полчаса и того более, условие компромисса не выполнено! Говорю мужу:

– Принимай меры, глава семьи!

Муж отвечает:

– Да что ты? У него часы, что ли на руке? Принимай меры...

– Причём здесь часы на руке? У него голова есть и, слава Богу, всегда на месте! – парирую я.

– А непослушанье теперь дедуле, вдвойне засчитывается! Постулат взаимной любви и радости помнишь? Когда уступишь ты немного, Господь воздаст тебе премного! Мир Радугой взаимопониманья осеняйте – слава меньшому, старших почитайте!

– Иду, иду уже! – сдаётся муж. Сбегает с крыльца, выходит за ворота.

Вот он всегда такой, основательный во всём.

– Внучок! Раз, два, три-и! Домой вместе пошли!

Смотрю с крыльца: тот к деду подбегает, за руку берёт его и бежит, в ворота вбегает... и вот уже летит пулей к столу!

– Стоять-бояться! – опережаю я внука. – Во-первых, руки мой перед едой! А во-вторых: кто не работает, тот не ест! Сначала хоть одно полезное дело сделай, а потом и за стол садись...

– А я уже сделал полезное дело! – ответил внук. – Я играл, играл и ещё думал... Сочинялку сочинил... Ты же сама всегда говоришь: Сначала думай, а потом делай! Вот я думал, думал... А делать вместе будем... Ладно? Запиши, пожалуйста.

– Хорошо! Беру ручку и блокнот, пишу. Говори свою сочинялку.

– Мы мальчишками отважными растём! Придёт время, все мы в Армию... Да, так... в Армию... пойдём! Будем Родину... надёжно... защищать! Чтобы люди... все, нет... в ней... могли спо-кой-но... спать! А пока мы шагаем, как солдаты-ы... Очень дружные и смелые ребята-а.

Я потрепала его за вихры, сказала:

– То-то я смотрю, вы там во дворе строились, маршировали, мечами махали... Давай, давай... дальше что? – поддерживаю я внука.

И он мне с лёту выдал:

– Раз, два, левой! Мы идём и красиво слаженно поеё-ём!

– И это всё? А название, какое у твоей сочинялки? – Я же в начале сказал: «Мы мальчишками отважными растём!» Разве я не молодец?

ТРИ ПОЭТА, ТРИ ТОВАРИЩА

У писателей города-курорта Анапа, любителей русской словесности дни второй половины 2014 года были завешены черным покрывалом. Из когорты лучших один за другим ушли в потусторонний мир мистических представлений создатели литературных произведений, наши друзья и товарищи: В.Д. Золотарёв, В.П. Бухаров, В.И. Фокин. Помянем их, детей войны, добрыми словами.

ЗОЛОТАРЁВ Владислав Дмитриевич

(13.02.1938 г. – 30.06.2014 г.)

Родился в Краснодаре. Младенчество, окутанное гарью войны, – бомбежки, пожары, фрицы. Отец на фронте, семья в кубанской глубинке. А потом голодомор 1947 года, подножный корм. В охотку учёба в школе, трудовая практика на полевом стане летом. Первые стихи, опубликованные в районной газете шестиклассником, и – знакомство с русской классической литературой. 1957–1960 годы – Советская армия: Неженские годичные курсы стрелков-радистов на Украине; стихи в газете «На боевом курсе», вскружившие голову. По окончании службы работа в Анапе, куда переехали родители: отец Дмитрий Ильич и мама Клавдия Ивановна. В 1961–1965 гг. учёба в Краснодарском станкостроительном техникуме, сизифов труд на ЗИПовском КРЭПСТ, в институте «Геофизики» и – сладкий яд вольной поэзии. Знакомство и дружба с кубанскими поэтами: И. Варрава, И. Даньковым, В. Горским, В. Неподоба; наставничество К. Обойщикова, С. Хохлова, Ю. Кузнецова, будущего классика. И, конечно же, выход в свет первой книжки стихов «Прикосновение к свету» в 1976 году. Но за успехом, как наворожила цыганка, приспела чересполосица жизни. Устоять на ногах помогли стихи, написанные в стол, душ «Шарко» отрезвляющий. А ещё – мать, возвратившая «блудного сына» в Анапу. И, конечно, Виктор Лихоносов, напечатавший подборку стихов во втором номере журнала «Родная Кубань» в 2001 году, широкие публикации в столичной печати и, как итог – признание, приём в члены Союза писателей России, редактор-составитель ЛХО «Парус».

БУХАРОВ Владимир Пантелеймонович

(12.06.1938 г.–04.06.2014 г.)

Родился в Иланске, Красноярского края. Окончил школу рабочей молодёжи. Уехав в Красноярск, поступил в 1957 г. в Технологический институт. А после – работал сменным мастером на судоремонтном заводе в Улан-Удэ. Заболев «стихами», начал публиковаться в республиканской газете «Правда Бурятии». В 1963 г. выдвинулся в корреспонденты «Молодёжь Бурятии». Два года спустя, переехав в Гулькевичи, работал в городской газете «Прикубанская Искра». Чувствуя стихотворно-фельетонный зуд, рассылал короткие «вирши» в газеты. Стихи и басни Бухарова охотно печатали «Советская Кубань», «Нива Кубани», «Кубань сегодня», «Человек труда», «Казачьи вести», альманах «Кубань», журнал «Сельские зори», озвучивались в литературных передачах краевого и Всесоюзного радио. Перебравшись в 1990 году на Та-

манский полуостров, работал в многотиражке «Советское Черноморье», много своих сил отдавал выпуску учрежденной им газеты «Литературная Анапа», помогал молодым поэтам. Бухаров В.П. автор стихотворных сборников «Родился я в жестокий век», «Мы приехали в Анапу», «Мысли вслух», «Учёный из глубинки». В 2012 году в числе первых вступил в Союз писателей города-курорта Анапа, выдвигался на премию имени Антона Дельвига, учрежденной «Литературной газетой».

ФОКИН Виктор Иванович

(21.10.1939 г.–17. 10.2014 г.)

Родился в г. Рудня Сталинградской области. Мечтал стать моряком. После окончания школы поехал на Север устраиваться в мореходку, но, разочарованный суровым укладом жизни и учёбы, перешёл в Харьковский инженерно-строительный институт. В 1962 году закончил факультет промышленного и гражданского строительства. Несмотря на неустроенность быта, холода, работал на крупных стройках Усть-Илимска, Павлодара. Прошёл путь от мастера до управляющего строительным трестом, директора института «Псковагропромпроект». В 1996 году присвоено звание «Заслуженный строитель РФ», внесён в «Золотую летопись славных дел г. Пскова», награжден медалью «За заслуги перед Псковом». Увлёкшись литературным творчеством, издал за свой счёт в Пскове 18 книг стихов и прозы. Не оценённый по достоинству местными писателями, приложил усилия и стал членом Международного сообщества писательских союзов. Почувствовав, что здоровье и силы надорваны, переехал к сыну на хутор Воскресенский Анапского района и 6 марта 2013 года встал на учёт Союза писателей города-курорта Анапа. Вдохновенно работал над выпусками альманаха ЛХО «Парус», журнала «Высокий берег». На склоне лет печатался в сборниках, в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «Север», «Московский Парнас», «Скоба-ри».

Вот и помянули мы добрыми словами усопших друзей-товарищей. Сердца наши, тёмными бурями смиренные, охвачены скорбью, тишиной и тоской. Теперь уже не нам за их могилами судить об их произведениях по законам ими самими над собою признанными, а вечности.

